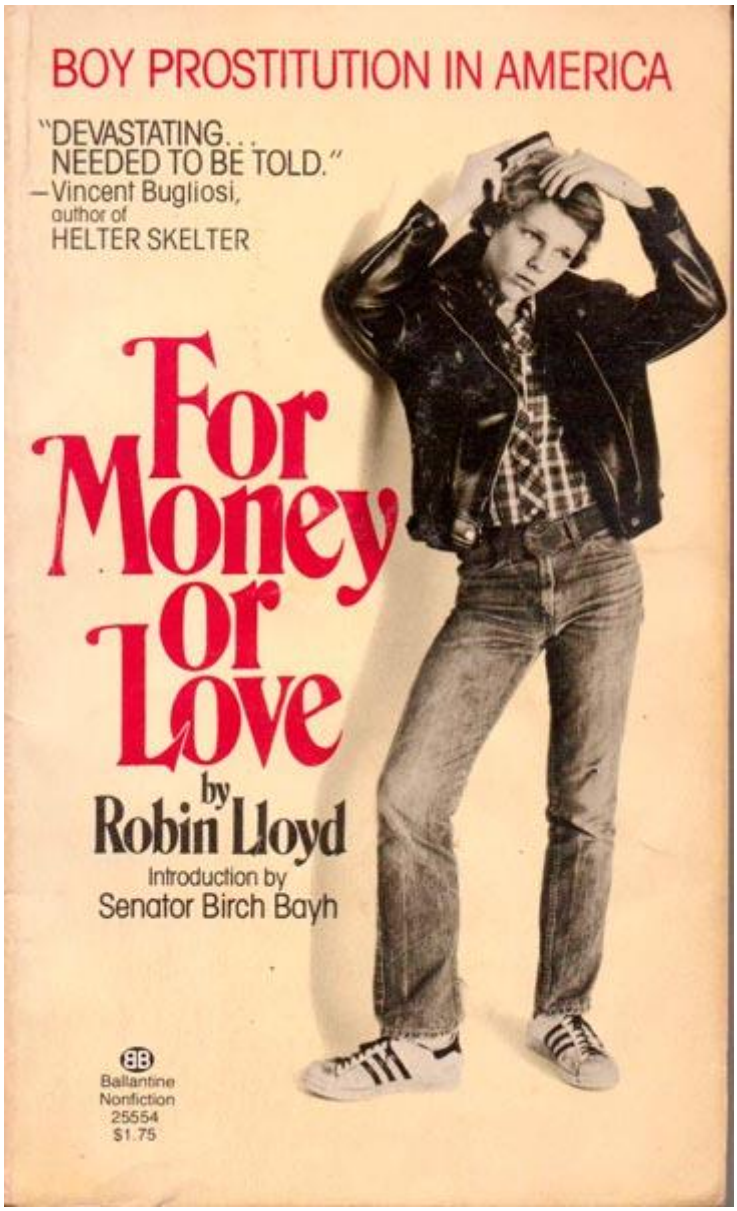

LLOYD Robin

For Money or Love - Boy Prostitution in America / За деньги или Любовь: проституция среди мальчиков в Америке (1976)

Моему сыну Карлосу, который согревает жизнь своей солнечной улыбкой.
... и нашему Бобби, в ноябре 1975 совершившему последнее путешествие... без нас.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО СЕНАТОРА БЕРЧА БЕЯ

[Достопочтенный Берч Бэй, член Сената США от Демократической партии, председатель

подкомитета Сената США по расследованию правонарушений среди несовершеннолетних в 1970-х]

Как председатель подкомитета Сената по расследованию преступности среди несовершеннолетних, я потратил много времени на изучение различных причин и поиску возможных лекарств от правонарушений и преступного поведения среди молодежи. Я выслушал сотни свидетелей, в том числе судей по делам несовершеннолетних, учителей, детских психологов, сотрудников служб пробации, детей-правонарушителей и тех, кто вполне мог стать правонарушителями без должного руководства. Из этих свидетельств складывается картина бедствий американских детей, попавших в беду, многие из которых вызваны не самими детьми, а политиками и другими людьми, нечувствительными к их потребностям.

Книга Робина Ллойда пугает своей точностью, большая часть его данных совпадает с данными, полученными Подкомитетом из других источников. Его истории бедствий, полученные из его собственных источников, похожи на истории, в настоящее время являющиеся предметом записей Конгресса. В то время как его книга конкретно посвящена до сих пор нераскрытому аспекту мира гомосексуалистов, в ней в первую очередь рассматривается подростковая преступность. Ллойд правильно считает её причиной несклонность к определенной сексуальной ориентации, а кажущуюся всеобщей незаинтересованность в детях.

Преступность несовершеннолетних охватывает широкий круг вопросов - от прогулов школы до преступлений, караемых смертной казнью, и прямо сейчас она представляет собой тревожную картину, которая может ухудшиться. Например, количество американских учащихся, погибших в вооруженных стычках в школах нашей страны с 1970 по 1973 год, превысило количество американских солдат, погибших в боях за первые три года войны во Вьетнаме.

Как упоминает Ллойд, в 1974 году комитет Легислатуры штата Нью-Йорк выявил, что в некоторых средних школах Нью-Йорка учащиеся торговали наркотиками, огнестрельным оружием и занимались проституцией. Это проблема не только больших городов. В моем собственном штате Индиана была выявлена банда школьников, вымогавшая деньги у сорока других детей! Наши недавние исследования подтвердили, что дети, попавшие в беду, игнорируют географические, экономические и культурные границы.

Качество школьного образования во многих случаях является определяющим фактором того, станет ли подросток полезным членом общества или вступит в жизнь, полную разочарований и неудач, что в конечном итоге приведет его к насилию и преступности. Для слишком многих образование становится лишь жестоким уроком невыполненных обещаний. Многие юноши бегут от таких разочарований и неудач. Дети, которые бегут, ищут общения, дружбы и одобрения со стороны тех, кого они встречают. Многие из них становятся легкой добычей для банд, торговцев наркотиками и сутенеров.

Беглецы часто продают наркотики или свое тело, и воруют, чтобы прокормить самих себя. Таким образом, инциденты с побегом, как и в случае с другими подобными некриминальными поступками вроде школьных прогулов, служат первыми контактами молодого человека с миром преступной деятельности. Чем дольше общество игнорирует подобные проблемы, тем больше вероятность того, что в будущее они станут гораздо более серьезными.

Это важно для тех, кто заботится о будущем нашей молодежи - понимать, как серьезность ситуации, так и препятствия, которые эти проблемы вызовут у наших детей в будущем. Разрыв поколений очень реален. Один миллион юных американцев ежегодно сбегает из дома, и мы

попали в состояние, когда многие молодые люди живут отдельно от общества, вместо того чтобы быть его частью.

Расследование Подкомитета установило, что этим подросткам нужен временный приют, краткосрочные консультации и другая помощь, которые, как ожидается, приведет к добровольному возвращению в здоровый дом. Но, несмотря на четко продемонстрированную необходимость, подобного так и не произошло до тех пор, пока внимание всей страны не оказалось прикованным к ужасающим убийствам десятков мальчиков-беглецов в Хьюстоне, и должностные лица исполнительной власти смягчили свое противодействие усилиям Конгресса по оказанию помощи этим детям и их семьям.

Я считаю, что книга Ллойда также поможет пробудить наше коллективное сознание, которое, в свою очередь, приведет к изменению политики и станет более чувствительным к детям, попавшим в беду.

Очевидно, что такие драматические стимулы необходимы, поскольку Никсон и администрация Форда заявляют, что шокированы и обеспокоены преступностью среди несовершеннолетних, но они с безразличием отнеслись к инициативе Конгресса по контролю за стремительным ростом преступности в среде несовершеннолетних. Например, они выступали против двухпартийного выделения Конгрессом 75 миллионов долларов, предназначенных для предотвращения преступности, которая ежегодно обходится стране более чем в 12 миллиардов долларов.

Проблема преступности несовершеннолетних не требует изменений существующих социальных ценностей. Она требует изучения того, какие ценности являются истинными и значимыми и какие в силу меняющихся условий становятся бессмысленными.

Я от всей души поддерживаю предложение Ллойда о создании департамента по делам молодежи на уровне кабинета министров. Он многое сделал для того, чтобы продемонстрировать его необходимость.

В то время как мы празднуем наш двухсотый день рождения как нации, такие книги помогают гарантировать, что в нашем третьем столетии будет признано, что наша молодежь является самым ценным ресурсом Нации.

Я твердо верю, что мы можем и должны действовать подобным образом, предлагая нашим детям открытую дорогу к поиску счастья, и, как говорит отец МакГиннесс этой книге: *«Это можно сделать …и кто, если не мы?»*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В эту историю меня завели два моих мальчика: мой сын Карлос, которому было тогда восемнадцать, а мой пятнадцатилетний подопечный Бобби. Оба воспитывались в неспокойном мире репортера, будучи гораздо ближе к суровым реалиям жизни, чем большинство мальчиков их возраста. По возможности они ходили со мной на репортерские задания, получив широкий спектр жизненных впечатлений.

Они прыгали с парашютом из самолетов, ужинали с Билли Солом Эстес [Billie Sol Estes, 1925 - 2013, американский бизнесмен и финансист, наиболее известный своей причастностью к скандалу, связанному с мошенничеством в бизнесе, который осложнил его отношения с другом и будущим президентом США Линдоном Джонсоном], заряжали для меня фотоаппараты во время ураганов, посещали тюрьмы, наблюдали за электрошоковой терапией, и сталкивались с полицией в связи с нарушениями гражданских прав. Карлос был сфотографирован с сенатором Джорджем Макговерном, с известным лидером мафии и с полицией, когда они вытаскивали жертву несчастного случая – в трех частях – из столкновения пяти автомобилей. Бобби был арестован вместе со своими друзьями за протест против закрытия муниципального бассейна, и был ответственен за погружение большей части Лос-Анджелеса в темноту после того, как перерезал высоковольтную линию при помощи садовых ножниц.

В остальном они обычные мальчики. Они столкнулись с целым рядом проблем, с которыми сталкивается человек, растущий в современной Америке, и они вместе со многими другими членами их поколения познали разницу между риторикой и реальностью. В свое свободное время они ходят на танцы, занимаются в спортзале, ищут музыкальные записи, и мечтают о съемках собственных фильмов. И тем не менее, хотя они не вели беззаботный образ жизни, не слишком необычны и способны справиться с большинством жизненных ситуаций, они оказались в обстоятельствах, к которым были не подготовлены.

Однажды во время летних каникул 1973 года, когда они вернулись домой якобы с пляжа, я понял, что случилось нечто из ряда вон выходящее: я распознал это по их косым взглядам - как признак того, что они были вовлечены в какое-то совместное предприятие. Карлос подхватил реплику Бобби и сказал как-то уж слишком небрежно: «Нас сегодня фотографировали для журнала».

- Ой? - сказал я. - Какого журнала?

- Мы не знаем. Этот парень подошел к нам и сказал, что хотел бы сделать серию снимков про то, как два мальчика проводят каникулы в жаркий летний день.

Я присел.
- Как вы с ним познакомились?

Бобби ответил:
- Мы ждали автобус на пляж, и он подошел и спросил у нас, не сможем ли мы ему попозировать.

Что-то мне не понравилось в слове «позировать».
- Что подразумевается под «позированием»? Куда вы ходили с ним?

Снова настала очередь Карлоса.
- Сначала он фотографировал нас, пока мы ждали автобус; затем мы пошли в Стоунер-парк, и он фотографировал нас там.

После краткого молчания я спросил:
- А что потом?

Бобби , запинаясь, произнес:
- Мы пошли к нему домой…

Именно тогда я понял, что случилось! Время уклончивости закончилось. Я мрачно спросил:
- Ты собираешься сказать мне, что он захотел, чтобы ты позировал обнаженным?

Бобби пробормотал:
- Ну… вроде того.

- Что значит «вроде того»? - огрызнулся я. - Черт возьми, ты разделся или нет?

Карлос поспешно сказал:
- Ну, мы разделись, но там не было ничего, связанного с сексом. Я имею в виду, что он не пытался нас как-то соблазнить и ничего не предлагал.

- Просто два голых мальчика в чужом доме в жаркий летний день? - саркастически заметил я.

Бобби возразил:
- Эй, не беспокойся! Мы знаем его имя, его адрес и номер его телефона. Кроме того, Карлос записал номер его водительской лицензии на случай, если это не его дом.

Слегка успокоившись, я прочел пылкую лекцию о тупости - следует понимать, к чему подобные вещи могут привести - в свою речь я включил упоминание о состоянии их комнат.

Моей первой мыслью было, что они встретили работающего порнографа, а не фотографа. Я сразу же попросил разузнать об этом человеке через моих друзей в полицейском управлении Лос-Анджелеса. Они не знали о случае с моими сыновьями. Затем я позвонил этому фотографу и договорился о встрече.

Что случилось, когда я столкнулся с ним, и как разрешился вопрос, я разглашать не стану, за исключением одной важной детали: когда я просматривал отпечатки и негативы, которые мне передали, я увидел на них не только моих сыновей, но и трех других мальчиков. Я никогда не видел их раньше, и мои сыновья тоже. Они, а также постоянная работа фотографа помощником футбольного тренера в модной средней школе заставили меня задуматься, сколько еще мальчиков позировало ему.

Спустя несколько дней во время телефонного разговора с репортером из Вашингтона, округ Колумбия, я упоминал об этом случае. Мой друг предупредил:
- Ты мог оказаться на периферии очень большого бизнеса. Несколько местных газет публиковали истории о мальчиках, которых заманивали таким образом в Нью-Йорке.

Он прислал мне копии этих статей, в которых описывался успешный бизнес взрослых и мальчиков-проституток.

Используя возможности NBC NEWS в Лос-Анджелесе, где я работал, я начал проверять другие станции по всей стране, чтобы узнать, не случалась ли чего-нибудь аналогичного в их регионах. Ответы были положительными.

Это произошло в июле 1973 года.

Месяц спустя стала известна история массовых убийств в Хьюстоне: сотрудники правоохранительных органов откопали тела двадцати семи мальчиков, которые были замучены и убиты тремя гомосексуальными психопатами.

В сентябре 1973 года полиция Далласа обнаружила сообщество мальчиков по вызову, которое предлагало своим членам каталог подростков, ищущих «спонсоров». Спонсоры платили

ежегодный членский взнос за каталог, в котором перечислялись имена тысяч молодых мужчин.

В октябре 1973 года полиция Лос-Анджелеса арестовала двух мужчин за продажу фильмов о мальчиках, совершающих гомосексуальные действия.

Впоследствии было начато полномасштабное расследование для установления связи с убийствами в Хьюстоне. В ноябре полиция Лос-Анджелеса обвинила четырнадцать взрослых в совершении девяносто преступлений против группы мальчиков, которым не исполнилось и тринадцати лет. Обвинения включали в себя растление детей и производство порнографических книг и фильмов. Самому младшему из мальчиков было шесть лет. Однако не нашлось никаких доказательств, связывающих эту группу с убийствами в Хьюстоне.

В том же месяце полиция Юнион-Сити, штат Нью-Джерси, совершила обыск гостиничного номера в центре города. Они нашли восемь почти обнаженных мальчиков, чей средний возраст был около двенадцати. Трое взрослых были арестованы за организацию проституции среди детей.

Тем временем жители Сан-Антонио, штат Техас, были потрясены, прочитав, что большое жюри присяжных сообщило о большом деле, связанном с проституцией мальчиков, которая, возможно, находилась под контролем синдиката [мафии].

Именно тогда я решил провести исследование для этой книги. Я столкнул двух своих мальчиков с поразительной информацией, которую собрал, после чего спросил их - с надеждой, - узнали ли они что-нибудь из этого.

Их реакция была отражением сегодняшних нравов подростков. Карлос просто пожал плечами. Бобби бодро сказал: «Никогда не бери конфеты у незнакомца, если он сначала не подвезет тебя на своей машине!»

За последние несколько лет тринадцать штатов провели либерализацию или декриминализовали свои законы о половом акте. Хотя эти изменения варьируются от штата к штату, все они имеют одну общую черту: любой половой акт между взрослыми теперь обычно считается законным при условии, что действия осуществляются в частном порядке и не нарушают чьих-либо прав.

Эти законы обычно называются законами о согласии взрослых.

Эта книга, однако, не столько о согласных взрослых, сколько о согласии детей - особенно мальчиков. Дело не только во все еще непонятом мире гомосексуалистов, но о в культуре *sub-rosa* [латинское крылатое выражение. Дословно переводится под розой. Соответствует русским «тайно», «втайне», «по секрету»], охватывающей как гомосексуальные, так и гетеросексуальные общества.

Книги, посвященные сексуальным нравам, сравнительно легко написать, если вы придерживаетесь популярного подхода: сначала заявите о позиции, а затем подкрепите ее психиатрическими доказательствами, подтверждающие вашу точку зрения. Какую бы позицию вы ни выбрали, даже если речь идет о такой экзотике, как отношения зоофилии с

кампанологией [изучение колоколов], всегда найдется какая-нибудь школа психиатрии или, по крайней мере, человек с впечатляющей репутацией, готовый поддержать ваши утверждения.

Я не воспользовался подобным подходом. Я не психиатр и не психолог; и не претендую на статус любителя в этих августейших областях. Я репортер-расследователь, чья область знаний - заставлять людей делиться со мной вещами, которыми они обычно не делятся, после чего он проверяет и перепроверяет информацию, а затем представляет ее общественности в справедливой, объективной и понятной форме.

Из-за своей тематики — это не та книга, которую вы захотите послать тете Матильде на Рождество. Она приведет вас в места, в которые вы обычно не ходите, и покажет вам вещи, которые вы обычно не видите. Эта книга извлекает из запутанного варева современной сексуальности культуру, которая сама по себе уникальна; прямо или косвенно она затрагивает сотни тысяч людей... возможно, и вас. Это не вдохновляющая книга, потому что, хотя сама тема достаточно мрачна, задокументированные факты делают ее еще более мрачной. Но, несмотря на то, что она рисует мрачные картины, она не была чрезмерно драматизирована ради того, чтобы шокировать. Вы не найдете положительных решений описываемых проблем из-за сложности самих проблем. Однако я сделал предложения о том, что можно было бы сделать в качестве отправной точки, если мы действительно хотим начать.

Написание книги потребовало немалых усилий и сотрудничества многих людей, заслуживающих признания. Чтобы поблагодарить всех и каждого, потребовалось бы отдельная книга. Тем из вас, кто не упомянут - либо из-за моего упущения, либо из-за того, что меня просили не делать этого - большое спасибо. Других я перечислил по категориям, что также служит для обозначения большого разнообразия приведённых мной данных.

ОКРУЖНЫЕ ПРОКУРОРЫ:
Генри Уэйд, Даллас; Кэрол С. Вэнс, Хьюстон; и особая благодарность заместителю окружного прокурора Джеймсу Гродину, Лос-Анджелес.

СОТРУДНИКИ ПОЛИЦИИ:
Капитан Лоуренс Хепберн, департамент полиции Нью-Йорка; сержант Уильям Маккарти, департамент полиции Нью-Йорка; сержант Дон Смит, административный Отдел нравов, департамент полиции Лос-Анджелеса; и сержант Том Хенсли, Санта Клара, департамент полиции Калифорнии; также Клайд Кронхайт, начальник отдела по делам несовершеннолетних департамента полиции Лос-Анджелеса.

СУДЬЯ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ:
Дэвид Кеньон, Лос-Анджелес.

ЛИДЕРЫ ГЕЙ-СООБЩЕСТВА:
Доктор Брюс Веллер, Национальная целевая группа геев, Нью-Йорк; Моррис Райт, Лос-Анджелес.

СВЯЩЕННИКИ:
Преподобный Трой Перри, столичная общинная церковь, Лос-Анджелес; преподобный Джек Макгиннис, Пресвятая Дева Сент-Джон, Хьюстон.

АДВОКАТЫ:
Стив Берку, Эль-Пасо, Техас; Патрик Ринан, Юридическая школа ДеПол, Чикаго; Питер Сэндман, молодежный юридический центр, Сан-Франциско.

ПРЕССА:
Дьюи Грэм, «Ньюсуик»; Лео Дженис, «Тайм»; Дуг Сариф, «Ньюс Вест», Лос-Анджелес; Фрэнк Гренард, радио WBBM, Чикаго; Брюс Макдоннелл, WRC-TV (NBC), Вашингтон, округ Колумбия; Тэд Данбар, КОЛО-ТВ (ABC), Бено, Невада; Херб Хамфрис, KMOX-TV (CBS), Сент-Луис, Миссури; и полезные сотрудники библиотеки в «Нью-Йорк Таймс», «Лос-Анджелес Таймс» и «Милуоки Сентинел».

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ЧИНОВНИКИ:
Джон М. Ректор, директор по персоналу подкомитета Сената по расследованию преступности среди несовершеннолетних; д-р Джером Миллер, комиссар по делам детей и молодежи Пенсильвании; Джордж Салиби, заместитель директора калифорнийского управления по делам молодежи; Дэвид Гласкок, помощник заместителя Эда Эдельмана, окружного инспектора, Лос-Анджелес; и Уэйн Кидвелл, генеральный прокурор штата Айдахо.

NBC, НЬЮ-ЙОРК:
Том Снайдер, Памела Берк и Джоэл Тейтор, и все участники шоу NBC «Завтра».

НОВОСТИ KNBC, ЛОС-АНДЖЕЛЕС:
Тут слишком много тех, кто ежедневно помогал, не отходя от телефонов ради моего информирования - Терри Гилл, Джерри Вельцель, Эл Каул, Майк Маккормик, Джон Флинн и Шарлотта Перри среди прочих. Исполнительный продюсер Ирвин Сафчик, который продолжал настаивать на слове «среди», а не «между», и штатный писатель Джим Уоррас, который придумал название для этой книги, а затем непрерывно скулил, пока я не пообещал отдать ему должное.

И:
Пол Мейс, Джонни Уильямсон и Мэри Каммингс, которые занимались печатью и внесли ценный вклад.
Джордж Бейн, мой адвокат и друг; Дэвид Халл, мой агент, который сделал гораздо больше, чем может ожидать любой писатель;
и Том Уолл, который занимался редактированием.

Но больше всего я в долгу перед самими мальчиками. Их так много:
встревоженных, дерзких, потерянных, растерянных, воинственных и несчастных.

Они все сейчас там, делают Бог знает что.

Маловероятно, что они когда-нибудь прочтут эту книгу, но, если они это сделают, моя глубочайшая благодарность им.

ЧАСТЬ I. ДЕЛО

ГЛАВА 1. ДЖИММИ И ВОСТОЧНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

«Никогда не бери конфеты у незнакомца - если только...»

Мальчики продают себя не только в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Филадельфии, Чикаго, Балтиморе и Новом Орлеане, но также и в городах по всей стране: Уокеша (Висконсин); Санта-Клара (Калифорния), Ларедо (Техас) и даже в небольших городках.

На уличном жаргоне мальчиков называют «цыплятами»; их клиентов - «цыплячьими ястребами». В крупных городах молодые проститутки-мужчины бродят по улицам в поисках клиентов в то время, как процветают мальчики по вызову, которых вызывают по телефону. Сутенеры, умеющие вовлекать юных беглецов в очень прибыльную, но малоквалифицированную торговлю собой, рыщут по автовокзалам и другим транспортным узлам, выискивая приезжих одиноких подростков. Иногда подневольный мальчик превращается в проститутку-мужчину при помощи наркотиков и грубой силы; содержится в плену до тех пор, пока его полезность не иссякает. Большинство «цыплят» - сыновья родителей рабочего класса или родителей на социальном обеспечении, которые из-за отчаяния или незаинтересованности отвернулись от своих детей. Для этих мальчиков соблазн легких денег, как бы они не были заработаны, непреодолим. Многие никогда раньше не имели гомосексуальных контактов, и не считают себя гомосексуалистами. Удивительно значительное меньшинство «цыплят» - выходцы из зажиточных, но неполных семей, и во многих случаях их привлекает не столько деньги, сколько то, что они интерпретируют как привязанность.

Поговорив с сотнями этих мальчиков в разных местах и читая сотни их историй в досье бюро по делам несовершеннолетних, можно сложить определенные закономерности; общие знаменатели встают на свои места. Используя их, можно набросать портрет мальчиков, приезжающих в большие города в поисках лучших условий и лучшей жизни.

Джимми типичен для такой группы; как и его знакомство с подобным занятием. Ему двенадцать лет. Маленький и стройный, с любознательным выражением на лице, он и выглядит на двенадцать. Его жизнь в маленьком депрессивном городке на Западе Вирджинии была похожа на жизнь тысяч его сверстников в аналогичных городах. Его отец часто бывал безработным; его мать была безграмотной пьяницей. Стая братьев и сестер лишала всякой надежды на индивидуальное внимание, кроме случаев, когда Джимми сделал что-то не так, что случалось довольно часто. Он попадал в суды по делам несовершеннолетних за мелкие правонарушения, хотя никогда не содержался в исправительных учреждениях.

Джимми, как и тысячи других, был нежеланным ребенком: результат потного, ворчливого пивного поединка в пятницу вечером между его родителями.

Он никогда не знал любви, заботы, контроля, руководства или помощи. Взрослые были людьми, с которыми он жил. Учителя бубнили по утверждённым учебным планам, не интересуясь ни предметами, которые они преподавали, ни учениками, которые были в такой же степени не заинтересованы. Джимми не успевал в школе. Он плохо читал. Ему сказали, что у него низкий IQ, хотя его это не особо заботило. Ему не пришло в голову, что он плохо сдал недавний тест только потому, что он не смог правильно прочитать вопросы. Его базовые знания о сексе были получены от друзей в туалете для мальчиков. Помимо мастурбации, его практический сексуальный опыт был равен нулю, если не учитывать безумную, но неудовлетворенную попытку налаживания контактов с младшей сестрой.

Джимми бесцельно брел по жизни: без планов, без будущего. Он никогда не знал надежд, волнений или ожиданий. Жизнь для него была свинцово-серым небом, которое изливало непрерывный, едкий дождь порицания.

Развлечение Джимми - и практически все его образование пришло с телевидения. Но телевидение научило его другому миру. В его городе никто не ездил на «Мазерати». Он никогда не встречал супер-копа, который с сочувствием и пониманием выслушивал бы его проблемы. Он не имел отношения к отцу, такому как в «Стрелке» [The Rifleman - американский телесериал с Чаком Коннорсом в главной роли владельца ранчо Лукаса Маккейна и Джонни Кроуфорд в роли его сына Марка Маккейна. События сериала происходят в 1880-х годах в вымышленном городе Норт-Форк на территории Нью-Мексико] или «Трёх моих сыновьях» [My Three Sons, американский ситком, шедший на ТВ с 1960 по 1972 год] или к красивой даме, опрыскивающей ковер за 700 долларов аэрозольным очистителем.

В то время как телевидение дразнило его преимуществами богатства, власти, и любви, оно не показывало ему, как достичь этого. Хотя побег Джимми из дома был вызван множеством мелочей, апогей наступил, когда отец после тяжелого рабочего дня и выпитого вечером алкоголя услышал о очередном плохом табеле успеваемости и жалобе соседей. Взбешенный, он опять избил Джимми.

В поисках спасительного выхода Джимми выскользнул из дома и отправился вниз по грязному склону холма от полуразрушенной лачуги его семьи. Со слезами, текущими по его измазанному грязью лицу, он решил бежать. В первый раз в своей жизни он почувствовал себя спокойным и решительным.

На следующий день он познал, что такое волнение и предвкушение, обнаружил цель и принял решение. Нью-Йорк казался Джимми тем местом, в котором - как он верил, не зная о разрешениях на работу, законах о детском труде и карточках социального обеспечения - он найдёт работу, снимет комнату и будет жить как ему заблагорассудится.

Но первое, что нужно сделать, это добраться туда - а для этого требовались деньги. В течение недели Джимми собрал около сорока долларов - двенадцать из них, украв и продав велосипед друга; еще семь, обшарив карманы пьяного, лежащего в переулке; и еще пару, продав собранные им бутылки из-под кока-колы. Джимми по-прежнему не хватало денег, но утром, поспешно обыскав свой дом, он нашел смятую пятидолларовую купюру и немного мелочи.

Выложив содержимое небольшого потрепанного чемодана на на кухонный пол, Джимми собрал ту немногочисленную одежду, что у него была. Спешно спускаясь по склону холма, освещенный слабым светом зарождающегося рассвета, он дрожал от чувства свободы и страха. Пройдя несколько кварталов, он заметил еще один велосипед, прислоненный к дому. Пристроив чемодан на руль, он доехал до следующего городка. Человек, которому он продал первый велосипед, был рад дать ему еще двенадцать долларов за второй.

Спустя час, Джимми, находясь в эйфории от ощущения успеха, сидел на заднем сиденье автобуса компании «Грейхаунд», направляющегося в Нью-Йорк.

По пути на север он беспрерывно болтал с моряком, нафантазировав ему о своей богатой семье в Нью-Йорке. Его отец работает на телевидении, хвастался Джимми; в основном на сериале «Миссия невыполнима» [Mission Impossible, американский сериал, шедший на ТВ с 1966 по 1973 годы]. Он рассказал, что был в походе, где потерял билет на самолет и хорошую одежду. Матрос не поверил ни единому его слову, но слушал достаточно доброжелательно.

Когда автобус катил по равнине Нью-Джерси, Джимми в сумерках впервые увидел Нью-Йорк; освещённый город казался ему силуэтами замков. Ревущая, сверкающая труба тоннеля Линкольна [тоннель между Мидтауном Манхэттена и городом Вихокен в Нью-Джерси] стал увертюрой к шуму и просторам автовокзала Порт-Аторити. Как только автобус въехал в док № двадцать три, Джимми сошел, попрощался с моряком (который не услышал его), и присоединился к быстро движущейся толпе.

Его разум был потрясен какофонией звуков, Джимми заколебался на вершине эскалатора, ведущего в главный вестибюль; перед ним находилась кружащаяся, сбивающая с толку масса людей. Его сердце бешено заколотилось, и он никак не мог вспомнить, что собирался делать дальше. После долгих тревожных мгновений он вспомнил о YMCA [Young Men's Christian Association / Юношеская христианская ассоциация - молодёжная волонтерская организация, прославившаяся обучением плаванию - мальчики плавали голышом до 1960-х годов]. Вот и все; вот где он хочет остановиться.

Он предполагал, что проживет там пару дней, пока не найдёт работу.

Двигаясь к центру зала, Джимми обнаружил ошеломляющее количество телефонных справочников, каждый в пять раз толще справочника его родного города, их стойка занимала три стороны бетонной опорной колонны. Он начал просматривать справочник «Желтые страницы», не зная разницы между Бруклином и Бронксом, и пытаясь обнаружить, где же находится буква «Y». Всякий раз, когда другой посетитель проявлял нетерпение из-за необходимости ждать, Джимми, извиняясь, отступал.

Для копа, социального работника или сотрудника по делам молодёжи Джимми выделялся из толпы. Но в тот момент Джимми заинтересовался обученный наблюдатель иного рода, единственный человек, интересующийся Джимми на самом деле. Джимми был именно тем, кого он искал весь день.

Наряд мальчика моментально и точно рассказал этому человеку несколько вещей. Поношенные, залатанные «Левисы» так низко сидели на бедрах, что могли слететь с Джимми, если бы он чихнул. На мятой, дешевой хлопчатобумажной рубашке не хватало двух пуговиц, грязные кеды Джимми могли пережить теплый сентябрь, но вряд ли дольше. Сломанный чемодан под «имитацию кожзаменителя» был ненадёжно скреплён потёртой тонкой веревкой. Общий вид мальчика и его вещей буквально кричали «бедность».

Неистовые поиски Джимми в «Желтых страницах» демонстрировали его неприкаянность. Если бы он просматривал «Белые страницы», он мог бы искать номер друга, но «Желтые страницы» указывали на то, что он искал место, а не человека.

Наблюдатель был одет ненамного лучше, чем Джимми, но, в отличие от него, этот человек мог позволить себе дорогие вещи. Прежде чем стать сутенером, Эл, которому сейчас за сорок, перемежал свою службу на флоте со значительными периодами на гауптвахте. Он также провел несколько лет в Торговом флоте. Придвинувшись поближе к мальчику, он звякнул какой-то мелочью в кармане и небрежно сказал:
- У тебя могут возникнуть проблемы с тем, что ты ищешь, сынок. Некоторые сукины дети вырывают целую страницу вместо того, чтобы потратить время на то, чтобы записать номер.

Джимми подпрыгнул, услышав голос, но, решив, что мужчина кажется достаточно дружелюбными, объяснил:

- Я искал номер YMCA, - и добавил. - Я остановлюсь там на пару дней, пока буду искать место, где можно жить.

Эл уже слышал подобные истории раньше и подумал: «Удар первый...».

Он задумался на несколько секунд, а затем спросил:
- Какую YMCA ты хочешь? На окраине, в центре, или в деловом квартале?

Услышав, что их больше одной, Джимми снова растерялся. Он выглядел смущенным, и его голос дрожал:
- Ближайшую… думаю.

Эл сказал:
- Это Слоун-Хаус на Тридцать четвертой улице, но обычно там много людей, хотя они подняли цены до шести баксов за ночь.

Джимми пришел в ужас! Шесть баксов за ночь!

Эл заметил реакцию и подумал: «Удар второй…».

Обернувшись, словно собираясь уйти, Эл сообщил:
- Ну, есть места и подешевле, конечно.

Затем, как будто запоздало, он повернулся к Джимми и сказал:
- Эй, у меня есть идея! Мой друг, который живет всего в нескольких кварталах отсюда... мальчик не на много старше тебя, он знает город. Я позвоню ему, если хочешь, и спрошу, сможешь ли ты остановиться у него на пару ночей, пока не подыщешь себе что-нибудь. Я знаю, он не станет возражать. Он делал это раньше для ребят, приезжающих из других городов.

- Было бы здорово, если ты уверен, что он не будет против, - пробормотал Джимми.

Эл ободряюще улыбнулся.
- Он не будет возражать! Пойдем, выпьем по чашке кофе, пока я буду ему звонить. И, чтобы ты не чувствовал себя обязанным, - добавил он с притворной строгостью, - кофе купишь ты.

Он поднял чемодан, хотя Джимми возражал, и они направились через вестибюль к аптеке Уолгрина. Джимми и идущий рядом Эл походили на отца и сына. Протиснувшись к стойке, Эл заказал кофе и пончики, а затем извинился, чтобы отойти к телефону. Джимми же сидел, взволнованный мыслью, что все налаживается. Нью-Йорк действительно был городом развлечений! Ему было интересно, каким окажется этот друг Эла и будет ли уместно предложить ему деньги за жилье.

Эл в телефонной будке набирал номер. Когда ответил мальчишеский голос, он сказал:
- Третий удар... и ты в деле, Стив. У меня есть настоящий победитель!

Четырнадцатилетний Стив был заядлым хастлером с трехлетним опытом. Как и Джимми, он сбежал из небольшого городка, будучи одним из огромного количества молодых людей, каждый год пересекающих страну, являясь живыми свидетелями всех мыслимых проблем, преследующих нуклеарную [семья, состоящая из родителей и детей либо только из супругов; на первый план выдвигаются при этом отношения между супругами, а не отношения между представителями разных поколений] семью.

Стив, который тоже попал в ловушку Эла, теперь не только работал на себя и своего сутенера, но и вербовал новичков. Вербовка включала в себя преобразование и обучение.

Джимми приняли в дешевой однокомнатной квартирке на втором этаже всего в восьми кварталах от Таймс-сквер. После примерно часа беседы ни о чем Стив подтвердил первоначальную оценку Эла. Из Джимми получится идеальный стажер. Он соответствовал

трем основным требованиям: он был привлекательным, неприкаянным и боялся полиции. До того, как покинуть квартиру, Эл прикинул, что Джимми будет готов для улиц через две недели.

На следующий день Стив повел Джимми на пешеходную экскурсию по центру Манхэттена, показывая ему места, где можно найти работу.

- Есть много работы, - утверждал Стив, - помощниками по хозяйству, курьерами, рассыльными или мальчиками на побегушках в швейном квартале на Седьмой авеню.

В тот вечер Джимми спросил у Стива, чем он зарабатывает на жизнь. Стив слукавил, сообщив, что он занимается поставками для небольшой компании по производству электроники, объяснив, что у него трехнедельный отпуск, связанный с реконструкцией его места работы. Они также поговорили о сексе, каждый напридумывал любовные приключения с мифическими девушками. На следующий день, полный волнения и решимости вернуться вечером, устроившись на работу, Джимми в одиночестве искал способ заработать на жизнь. Но оказался разочарован. Ему резко отказывали, мотивируя тем, что он слишком молод, или с подозрением допрашивали, и всегда просили вернуться домой к семье. Это был первый из череды удручающих дней.

Стив, однако, постоянно бывая в квартире по вечерам, подбадривал Джимми, помогал ему искать работу по объявлениям в газетах, убеждая его отправляться в отдаленные уголки Лонг-Айленда и Бронкса на собеседование. Он заверял Джимми, что-то же самое случается со всеми. Но вскоре у Джимми закончились деньги, и Стив стал поддерживать его. Он знал, что Джимми не сможет найти работу, но каждый вечер поддерживал его ожидания своими замечаниями, когда Джимми рассказывал о дневных неудачах, завтрашних надеждах и... сексе.

Однажды вечером Стив решил, что пора приступать к посвящению Джимми. Во время возбуждающего разговора Стив откопал стопку порнографических журналов из нижней части ящика бюро. Джимми был заворожен. Он смотрел на то, о чем он смутно слышал, но никогда не видел воочию: на мужчин и женщин, занимающихся всевозможными сексуальными действиями; двое мужчин и одна женщина; две женщины. Внимательно наблюдая за реакцией Джимми, Стив издал тихий стон. Джимми тоже был заметно возбужден, и когда он встал, Стив игриво ухватился за выпуклость на штанах Джимми. Это было всё, на что пошёл Стив - простой и быстрый мальчишеский жест, но он заметил, что Джимми не отстранился.

Через несколько минут Джимми пошел в ванную, захватив с собой один из журналов. Стив, прижав ухо к двери ванной, узнал знакомые звуки. Он ухмыльнулся. Пришло время заставить Джимми работать.

На следующий день Джимми вернулся домой, снова без работы и без денег. Стив выслушал жалобы Джимми, как делал это раньше, но внезапно - как будто он только что подумал об этом - сказал:
- Ты знаешь, ты всегда можешь заработать по-быстрому около десяти баксов, позволив парню отсосать у тебя.

Джимми был потрясен.
- Я не пидор! - запротестовал он.

- Я тоже, - парировал Стив. - И ты не будешь педиком, если позволишь другому парню сделать тебе минет, - объяснил он. - В Нью-Йорке полно парней, готовых платить за это хорошие деньги. Все, что тебе нужно сделать, это улечься на спину и притвориться, что тебе это нравится.

Джимми был убежден лишь отчасти. Хотя это его заинтриговало, но, одновременно и испугало. Он рассудил так: «Если Стив занимается таким, значит это не так уж плохо». Он все еще понятия не имел, что Стив только этим и зарабатывает на жизнь.

Двумя днями позже Джимми почувствовал, что у него нет другого выхода: не желая возвращаться в свой дом в Западной Вирджинии, он был вынужден принять предложение Стива. В конце концов, Стив был его единственным приятелем, и он должен ему больше, чем деньги. Так образом Джимми подтолкнули к действиям.

- Сегодня днем ко мне придет парень, - сказал Стив. - Он платит пятнадцать баксов, чтобы отсосать мне, и ему нравится, когда кто-то смотрит, как он это делает. Он даст тебе десять баксов только за то, что ты будешь смотреть. Как насчет этого?

Понимающим тоном он добавил:
- Я знаю, что тебе эти деньги не лишние.

В тот день Джимми зачарованно смотрел на Стива, корчащегося на кровати. Джимми держал в руке десять баксов, ощущая напряжение в паху и предвкушение новой карьеры.

Джимми теперь работает в грязной игровой галерее с извращенно-подходящим названием «Плейлэнд». Заставленная электронными автоматами для игры в пинбол, она удобно расположена на южной стороне Сорок второй улицы между Бродвеем и Восьмой авеню. Прямо за углом, между Сорок второй и Сорок третьей улицами есть вход в лабиринт туннелей метро, ведущий к автовокзалу Порт-Аторити и множеству других точек, разбросанных по всему городу.

Вокруг Таймс-сквер, в свете пульсирующего неона, люди, ищущие различных развлечений, смешиваются с карманниками, торговцами наркотиками, убийцами и аферистами. Неосторожные туристы, попадающие на Таймс-сквер, чувствуют напряжение и видят враждебные взгляды. Мудрые хватают детей за руки и сбегают на более безопасную территорию.

На самой Сорок второй улице кинотеатры и магазины журналов для взрослых предлагают порнографию; в витринах выставлены соответствующие товары. Мужчины, женщины и дети смотрят, ищут, оценивают. Трансвеститы, полагая, что в численности безопасность, нагло вышагивают группами по три-четыре человека, вызывающе глядя на полицейских, которые также стоят группами, подозрительно глядя на окружающих, их рации кричат тарабарщину, прорывающуюся сквозь статику помех. Женщины-проститутки в париках и обтягивающей одежде нагло расхаживают по своей территории или подпирают дверные проёмы.

Мальчиков-проституток, напротив, не так легко отличить в толпе, несмотря на то, что их в пять раз больше, чем женщин-проституток. Как цыплята, они мечутся в толпе, толпятся перед кинотеатрами и разговаривают с потенциальными клиентами - они кажутся нормальными детьми.

Среди «цыплят» пуэрториканцев чуть больше, чем чернокожих; популяция белых «цыплят» значительно меньше двух других. Большинство мальчиков добираются в центр Манхэттена из трущоб Бронкса и Бруклина; некоторые приезжают из близлежащих городов Нью-Джерси. В «Плейлэнде», в ожидании мужчин, они вливают нескончаемые потоки четвертаков в сверкающие, звонкие игры.

«Цыплячий ястреб», или «джон», - это взрослый самец любого возраста. Без сопровождения он бродит по «Плейлэнду», останавливаясь только возле автоматов, на которых играют мальчишки. Его ищущий, оценивающий взгляд позволяет мальчикам распознать его намерения. Как только зрительный контакт установлен, начинается первый этап ритуала. Мальчик просит четвертак. «Нет» означает отсутствие интереса к этому конкретному мальчику. Утвердительным «да» мужчина заявляет о своем интересе. Пока мальчик играет в автомат, он и мужчина приглядываются друг к другу. Мужчина предлагает поддержку - означающую возросший интерес - дополнительными четвертаками. Второй этап обычно инициирует мальчик. Он говорит, что голоден и хотел бы поесть. Если взрослый предлагает купить еду, мальчик обычно предлагает *Tad's*, ресторан быстрого питания по соседству с «Плейлэндом», где стандартный обед стоит чуть больше двух долларов. Его комната отдыха часто используется для детального осмотра тела мальчика, на котором основывается окончательное решение взрослого. Мальчик не настолько разборчив. Ему хочется заработать как можно больше денег в кратчайшие сроки. Если взрослый и мальчик достигают согласия, они направляются в отель. В этом районе Нью-Йорка есть множество дешевых отелей, большая часть бизнеса которых зависит от проституции. Их комнаты стоят восемь долларов за ночь - рай для людей, которые снимают их всего на час или около того.

К тому времени, когда «цыпленок» и «ястреб» начинают раздеваться, мужчина точно знает, что он получит за пятнадцать долларов, которые должен заплатить. Мальчик подробно объяснил, что он будет и что не будет делать, хотя нередко «не буду делать» всё-таки делается за дополнительную плату. Юный, неопытный «цыпленок» позволяет себе быть пассивным партнером в акте орального секса. Скоро он будет предоставлять и другие услуги, и в конечном итоге начнет играть активную роль в анальном половом акте. Он также быстро научится управляться с клиентом в одном из множества кинотеатров района, если его клиент не хочет платить за номер в отеле.

Сержант Уильям Маккарти, полицейский в штатском, знающий улицу и бизнес «цыплят», говорит: «Для этих детей важна только экономическая сторона. Они пойдут в один из кинотеатров со взрослым и позволят ему сыграть женскую роль. Что касается их, они зарабатывают деньги и сохраняют свою мужскую гордость. Клинически можно утверждать, что они латентные гомосексуалы... но они не считают себя таковыми. Большинство считает это легким способом зарабатывать деньги».

Маккарти, которому только что исполнилось тридцать, проработал в полиции девять лет. Он представляет собой современную концепцию копа нового поколения, озабоченного больше социальными проблемами, чем битьем по головам. Когда он не бродит по улицам, он учится в колледже, работает над степенью магистра в области социальных отношений.

Босс Маккарти, капитан Лоуренс Хепберн, ветеран с восемнадцатилетним стажем, возглавляет в центральном управлении полиции Нью-Йорка (NYPD) отдел нравов - неуместное название для части общественности. Отдел нравов занимается мальчишеской проституцией. В сорок два года Хепберн защитил магистерскую диссертацию о педофилии, сексуальном влечении взрослых к детям.

Во время обеденного перерыва двое полицейских сидят перед зданием мэрии, не обращая внимания на толпу протестующих, что-то скандирующую, и вспоминают о случаях, над которыми работали в прошлом году.

Хепберн: «Одним из самых странных был епископ в Бронксе. Одетый в мантию, он проводил это особую службу Причастия для мальчиков. Все проходило очень торжественно.

Кульминация этого Причастие случалась в момент, когда епископ, словно распятый на кресте, лежал на полу... раскинув руки... а проходящие мимо мальчики делали ему минет».

Маккарти: «Разве это было не в Бруклине?»

Хепберн: «Нет. Бруклинский епископ посвящал в сан мальчиков, которые ему нравилось».

Маккарти: «Нам лучше указать, что эти епископы не были связаны с «законной» церковью. Они были рукоположены одной из организаций, занимающихся рассылками заказов из почтовых каталогов».

Хепберн: «У нас был один необычный случай в испанском Гарлеме. Взрослый пуэрториканец считал себя чем-то вроде знатока вуду... как и многие другие. Они действительно считали, что у этого парня дурной глаз. Он следил за маленькими детьми, приезжающими в Нью-Йорк, особенно из небольших деревень на Пуэрто-Рико. Если ему нравилась их внешность, он проклинал их, и единственным способом снять проклятие было лечь с ним в постель».

Маккарти: «Помните отряд морских кадетов в Джерси? Весь отряд занимался сексом с командиром. Если мальчик хотел стать его членом, это было частью посвящения. Он делал это с командиром и некоторыми другими мальчиками, поклявшись, что будет хранить всё в тайне».

Однако подобная активность не ограничивается Нью-Йорком. Нью-Йорк, как и другие крупные города, острее ощущает последствия этой проблемы, чем меньшие по размеру населённые пункты - из-за своего размера и привлекательности для беглецов. В городе Уайт-Плейнс, штат Нью-Йорк, полиция получила анонимное письмо от одного обеспокоенного родителя, проверила информацию и арестовала четырех мужчин за организацию, по их словам, уникальной службы мальчиков по вызову в этом городе.

Окружной прокурор округа Вестчестер Карл Вергари сказал, что трое из четверых арестованных мужчин делили прибыль от эксплуатации борделя с мальчиками, расположенного на тихой, обсаженной деревьями улице в Нью-Рошель, штат Нью-Йорк. Клиенты платили от двадцати до двадцати пяти долларов за секс, выбирая, по крайней мере, из двадцати пяти подростков возрастом от тринадцати до семнадцати лет. Вергари сообщил, что некоторые молодые люди были рекрутированы в штате Нью-Йорк, других завербовали в Массачусетсе, а жили они в съемном многоуровневом доме.

Сосед заметил необычно большое количество мальчиков и взрослых в любое время суток и уведомил полицию. После периода наблюдения группа из десяти человек из полиции Нью-Рошели плюс помощники шерифа и специальный отряд из офиса окружного прокурора в час ночи выломали дверь и застали врасплох четырех взрослых и двух мальчиков тринадцати и четырнадцати лет. Против мужчин были выдвинуты обвинения в том, что они совершали «противоестественные действия». Один из мужчин был обвинен в содействии проституции первой степени и содомии. Двое других также были обвинены в содействии проституции, а четвертый - в угрозе благополучию ребенка, а также в сексуальном насилии.

Оба мальчика сбежали из Балтимора, один из владельцев борделя доставил их из Бостона. Его функция заключалась в вербовке подростков в бордель, и во время своих поездок он умудрялся убить нескольких зайцев (!) одним выстрелом. Он ездил в Бостон дважды в месяц, подбирать подходящих подростков на автобусных остановках. Затем отправлялся в Нью-Йорк, по дороге высаживая новобранцев в доме в Нью-Рошели. Оказавшись в Нью-Йорке, он

повторял процесса набора новых мальчиков, также доставляя их в Нью-Рошель на его обратном пути в Бостон. Этому «оператору» даже удавалось выручать дополнительные средства, незаконно получая чеки соцпомощи, когда он бывал и в Нью-Йорке и Бостоне.

Вергари не рассказал, как мужчины делили доходы от бизнеса с мальчиками, но указал, что мальчики действовали добровольно и их заманили обещаниями получения большей части выручки. Заместитель начальника бюро по борьбе с рэкетом Нью-Рошели сообщил, что в ходе рейда также было изъято большое количество порнографических материалов, демонстрирующих подробные половые акты.

В отношении этих рейдов и арестов следует отметить важный момент: о них обычно не сообщается в прессе. Обе телеграфные службы, *Associated Press* и *United Press International*, отправляют подобные сообщения своим клиентам (газетам, радиостанциям и телевизионным станциям), но им всегда предшествует предостерегающая ремарка: РЕДАКТОРАМ: ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ НА ХАРАКТЕР ИСТОРИИ. Редакторы обращают... и зачастую предпочитают не использовать эти новости.

Не менее важно количество дел, которые даже не достигают стадии ареста. Полиция предпочитает изгнать виновных из города навсегда, а не преследовать их по закону, особенно когда замешаны важные персоны.

ГЛАВА 2. СКОТТ И ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

«Ты достаточно взрослый, чтобы покурить немного травки?»

В Соединенных Штатах и за рубежом существуют управляемые твердой рукой организации, занимающиеся обеспечением богатых клиентов как порнографией, так и мальчиками. Их операторы - уличные сутенеры, вербующие и обучающие беглецов из дому. Но у этих хорошо зарабатывающих предпринимателей стандарты намного выше, чем у уличных сутенеров, они пользуются другими приемами; их мальчики будут развлекать кинозвезд, выдающихся спортсменов, политиков и, в некоторых случаях, глав государств. Джимми никогда не попадет в этот элитный отряд, но вот Скотт попал.

Он стоял на обочине шоссе №15, неподалеку от засиженного мухами городка под названием Бикон Стейшн. Его глаза следили за пикапом, привезшим его из Лас-Вегаса, когда тот сворачивал на фермерскую дорогу в сторону Крусеро. Он хотел доехать прямиком до Лос-Анджелеса, но движение по шоссе №15 очень быстрое, и водители не жаждут подбирать автостопщиков. Итак, прождав больше часа под палящим пустынным солнцем, Скотт был благодарен, когда какой-то фермер затормозил, останавливаясь в облаке клубящейся пыли. Скотт выглядел одним из тех парней, с которыми люди чувствуют себя в безопасности, подбирая их. Хорошо одетый и все еще чистый после пяти дней пути, он хорошо выглядел, стоя силуэтом в угасающем свете вечера, его большой палец был выставлен почти извиняющимся образом.

Три мрачных года назад его отец бросил семью. Измученная мать Скотта старалась изо всех сил, но задача обеспечить шестерых детей была для нее непосильна. Когда четырнадцатый

день рождения Скотта прошел незамеченным, он решил уйти из дома. Он не был беглецом, скорее просто ушел. Он сказал своей матери, что поедет в Лос-Анджелес поискать работу. Последовало несколько не очень пылких протестов, но, в конце концов, она дала свое согласие, утешаясь мыслью, что какое-нибудь государственное учреждение позаботится о нем, если он попадет в беду. Она даже фантазировала, что он сможет заработать, играя на гитаре. Скотт был похож на Дэвида Кэссиди [David Bruce Cassidy; 1950 – 2017; американский актёр и певец]; может быть, ему даже повезёт найти работу в кино.

Человек в новом «Линкольн Континентал», который подобрал Скотта после фермера, высадившего его в Бикон Стейшн, сказал ему то же самое. Он со знанием дела говорил о фильмах и телевидении. Хотя Скотт был уверен, что видел этого человека по телевизору, он не решался спросить, кто тот такой. Ему не хотелось выглядеть деревенщиной из Индианы, едущего в Голливуд, чтобы поглазеть на кинозвезд.

«Линкольн» покатился, поглотив белую линию, разделявшую ослепительную дорогу, презрительно пронесся через Сан-Бернардино, а затем вступил в битву за островок пространства, сливаясь с движением по автостраде в центре Лос-Анджелеса. К этому времени мужчина знал почти все, что ему нужно было знать о Скотте; достаточно, чтобы понять, что мальчик может оказаться полезным. Скотт невольно прошел свое первое испытание. Он охотно откликнулся на предложение отправиться и вместе поужинать, предварительно заехав в дом этого человека, чтобы принять душ и переодеться.

Из дома, расположенного на частном холме у Малхолланд Драйв, словно с летящего авиалайнера открывался вид на Лос-Анджелес, сверкающий внизу, как усыпанная жемчугом устричная отмель. Это был самый великолепный дом, который когда-либо видел Скотт. Он впервые ходил по толстым коврам, нежился в сауне и купался в джакузи. Его волосы все еще были слегка влажными, когда он осматривал шкаф в соседней спальне - стенной шкаф, забитый рядами брюк и дорогих джинсов. Большая часть одежды была размера Скотта, и он подумал, нет ли у этого человека сына его возраста, возможно, школьника.

Когда Скотт выбрал себе одежду, мужчина вошел в комнату и протянул ему напиток. «Это отвертка», - объяснил он. «Апельсиновый сок и немного водки, чтобы смыть дорожную пыль».

Скотт выпил два стакана, любуясь стереосистемой.

Пока мужчина демонстрировал, как управлять *Marantz 4400* [Дорогая стереосистема очень высокого класса в 1970-х], он небрежно помассировал заднюю часть шеи Скотта одной рукой. Скотт не вздрогнул и не отстранился. Зачем? Это был совершенно невинный жест; дружеское прикосновение, которое было приятным. Когда человек сказал, что пора есть, Скотту не хотелось уходить - пока он не увидел Феррари!

Короткая поездка по узким извилистым дорогам до Сансет-Стрип была совершенно отдельным впечатлением. Выхлопы «Дино» [модель Феррари] потрескивали и порыкивали, когда мужчина умело переключал передачи на крутых виражах, и властно рявкали на коротких прямых участках. На их пути в Малибу Скотт был очарован гламурной атмосферой Стрип. Ему хотелось быть богатым и красивым человеком. Ему хотелось носить солнцезащитные очки в полночь перед дискотеками.

После дорогого и сытного ужина они поехали домой другим маршрутом, сделав короткую остановку на пустынном участке пляжа сразу за Санта-Моникой. Мужчина тщательно контролировал количество выпитого Скоттом. Тот выпил достаточно, чтобы размягчиться, стать

расслабленным, послушным и разговорчивым; но недостаточно, чтобы оказаться неконтролируемым или явно пьяным.

«Ну, - сказал мужчина, смеясь, - ты достаточно взрослый, чтобы пить. Достаточно ли ты взрослый, чтобы покурить травки?» Это был тщательно продуманный вопрос. Четырнадцатилетний мальчик из Индианы, слегка захмелевший, полный впечатлений от всего того, что видел и делал, и с нетерпением ожидающий новых впечатлений и приключений, не собирался отвечать «Нет».

Скотт презрительно бросил: «Ты шутишь?..» Кроме того, он курил травку и раньше. Конечно, немного, но всё-таки.

Мужчина сел на песок и, после тщательного осмотра пляжа, порылся в кармане и вынул два толстых косяка.

«Вот», - сказал он, вручает один Скотту. «Мы сможем затянуться здесь. Вокруг никого нет».

Скотт медлил с курением. Он не был уверен, что сделает это правильно, хотя и пробовал курить раньше, поэтому сейчас украдкой наблюдал, как мужчина глубоко затягивается дымом.

Когда Скотт попробовал сделать также, у него ничего не получилось. Он закашлялся и поперхнулся, оправдываясь тем, что «пошло не по тому пути».

Мужчина понимающе рассмеялся. «Сначала расслабься», - посоветовал он. «Эта трава из Колумбии, и она очень крепкая».

Так оно и было, и когда они шли обратно по песку к машине, Скотту вставило. Возвращение, казалось, заняло час. Очертания холмов выглядели острыми, как бритва, и повсюду были яркие цвета, которые он раньше не замечал. *Dino* приобрела новые размеры. Она казалась в пятьдесят футов длиной, почти живой, когда нетерпеливо прыгала через каньон Топанга в сторону долины Сан-Фернандо. Скотт смеялся от восторга, когда они, наконец, повернули на восток по шоссе Вентура. Двигатель перешел на хриплое урчание, когда машина без усилий мчалась назад к дому мужчины.

Позже, когда Скотт лежал между одеялом и колышущимся теплом водяного матраса, мужчина молча проскользнул к нему. Не было ни разговоров, ни указаний, ни приказов, ни протеста. Скотт сдал последний экзамен и оплатил счет за вечернее развлечение...

В течение двух месяцев Скотт проходил тщательно спланированную обработку. Днем он учился в модной средней школе. По вечерам послушно ходил на свидания, организованные его сутенером или позировал фотографам - возможно, иногда с другими «цыплятами».

Скотт не разбогател, но его сутенер определенно стал еще богаче. Приобретение Скотта увеличило конюшню его наставника до шести мальчиков, четверо из которых жили с родителями, один оставался с другом, а трудолюбивый Скотт по-прежнему жил в доме этого человека. Однако Скотт не жаловался. У него было много одежды и много денег на расходы с тех двадцати долларов, что он получал каждый раз, когда обслуживал клиента, плюс случайные бонусы.

Уикэнды перемежались походами в горы и поездками на остров Каталина на частных яхтах. Скотт чувствовал себя как дома в самых модных загородных клубах и привык к тому, что клиенты представляют его «племянником» или «сыном делового знакомого». Он хорошо

играл эти роли, и благодарные клиенты отвечали ему дополнительными деньгами или подарками. Он вежливо отклонял предложения о более постоянных отношениях, хотя некоторые из его друзей соглашались на подобное, значительно улучшая своё положение. Скотт резервировал это в качестве варианта на более поздний срок. Ему и в голову не приходило, что его юность была не только его главным активом - это было его единственное достояние.

Период полезности и прибыльности Скотта будет недолгим. Хотя он становился старше, в своем мире он был чем-то вроде звезды модельного бизнеса. Но рынок порнографии с «цыплятами» требует постоянного притока свежих талантов: новые лица, новые тела и творческие сексуальные акты. Набор кадров ведется постоянно, и одним из источника поступления новых кадров, в конечном итоге, станет сам Скотт. В конце концов, ведь он является обычным учеником средней школы, каждый день окруженным возможными кандидатами. К тому времени он очень хорошо разобрался в своем бизнесе и мог быстро и точно определить, каких мальчиков можно убедить заняться его профессией. Его также учили искать явные признаки: выявлять мальчиков, у которых имелись неприятности в школе и дома: если мальчику нравилось в школе, лучше забыть его; если мальчик говорит, что у него замечательная семья, лучше забыть его; не обращать внимания на уродов, толстяков, неуклюжих, реально крутых, хулиганов - скорее всего они не воспримут предложение; не обращаться к тем, кто не покуривает травку, кто ведёт себя как бабник, кто из богатых семей.

Мальчики часто экспериментируют друг с другом в сексуальном плане, чаще всего под видом конкурса мастурбации. В большинстве случаев это происходит всего пару раз, потом забывается. Однако иногда повторяется и не забывается. В случае Скотта и сотен других Скоттов, это должно воспроизводиться с надеждой на постоянные повторения... и возможную выгоду. Скотт умел направлять, вести и искушать, потому что его самого направляли, наставляли и искушали.

Он всегда выбирал мальчика примерно на год младше себя, потому что мальчики в школе всегда склонны восхищаться теми, кто старше, унижая тех, кто младших. Для младшего мальчика завладеть вниманием старшего было головокружительным успехом. Младший начинал хвастаться перед сверстниками своим «приятелем». А Скотт был тем, кем можно было похвастаться. Он являлся гламурной фигурой, всегда одетый по последней моде. Он жил в доме, который был типа: «Вау! Вот это да, чувак!» Его коллекция пластинок была предметом зависти для всех. Его стереоустановку большинство мальчишек могло с восхищением разглядывать только в магазинах. У него всегда были деньги, и он был щедр. И у него всегда была супер-травка. Скотт жил со своим дядей, который был действительно замечателен. И у него не было матери, беспокоящейся о том, чтобы он оказался дома вовремя, желающей знать, где он и с кем. Скотт в глазах других детей добился успеха. Следовательно, имелось множество мальчиков, которые хотели быть друзьями Скотта, иметь то, что было у Скотта, и жить так, как жил Скотт. И Скотт знал, как они могут всё это получить!

Это была опасная игра. Если бы Скотт выбрал не того мальчика или воспользовался бы неправильным подходом, тот мальчик мог выболтать про всё, что происходило вне школы. Тогда Скотт получил бы клеймо «педика» и подвергся бы насмешкам. В его школе уже были подобные мальчики; Скотт избегал их, как чумы. В сексуальном плане будущее Скотта могло пойти несколькими путями. Он мог жениться, заиметь детей и время от времени флиртовать с компаньоном-мужчиной. Он мог, по сути, вернуться к нормальной жизни... и многие мальчики, подобные ему, поступают так. Однако, если он вырастет и приобретет достаточную известность, то может столкнуться с постоянной проблемой из-за тех порнографических

фотографий, на которых присутствовал. Эти снимки могут преследовать его всю оставшуюся жизнь, подвергая постоянной угрозе шантажа. Его стремление к успеху может сильно тормозить существование подобных образцов порноискусства.

С другой стороны, Скотт мог решить продолжить свою профессию, перейдя в ряды более возрастных проституток, обслуживая мужчин, которые любят мальчиков постарше. Он также мог обрести постоянные отношения. Это то хорошее, что вероятно в мире Скотта. Но есть и плохие вещи, которые с лихвой могут компенсировать хорошее.

С этой стороны он мог столкнуться с постоянной угрозой быть пойманным и заключенным в тюрьму; он сталкивался с постоянной угрозой того, что может пристраститься к наркотикам; сталкивался с постоянной угрозой венерических заболеваний - абсолютной катастрофой в его профессии. Но настоящая опасность, с которой он сталкивался, - это его психическое здоровье: он жил фальшивой жизнью, как и его коллеги-женщины. Он ложился в постель с очень непривлекательными людьми и был вынужден удовлетворять их прихоти и потребности, какими бы они ни были.

Скотт должен решить, какова же его сексуальная ориентация. Он гомосексуал? Он будет отрицать подобное, утверждая, что только обслуживает гомосексуалистов, таковым не являясь. Он гетеросексуал? Он действительно проводит часть своего времени с девушками и тратит на них часть своего заработка. Подобное склоняет его к убеждению, что он не гомосексуал, а гетеросексуал, использующий гомосексуалистов для получения дохода. Но Скотт, как и большинство его сверстников, не слишком озабочен тем, какая у него ориентация. Он больше обеспокоен тем, что он может получить от своих взрослых товарищей. Они же, со своей стороны, знают, чего хотят получить от него.

ГЛАВА 3. ЦЫПЛЯЧИЙ ЯСТРЕБ

«Восемнадцать мальчиков... объявились на похоронах»

Каким-то образом это часть американской натуры - рисовать большой кистью. В нашем обществе имеется тенденция бесконечно бросаться к простым обвинениям и простым ответам. Это, безусловно, относится и к социальным терминам, используемым для описания людей в этой книге. Помимо мальчиков-проституток, наиболее важным персонажем в нашем обсуждении является взрослый.

Если использовать общий термин, например, растлитель малолетних, то подобное будет безнадежно неточно в данном случае. Растлитель малолетних вызывает видение самого популярного призрака Америки. Он прячется в тени государственных школ и городских парков, одетый в грязный плащ и вооруженный полным карманом желейных жевательных конфет. Он подкрадывается к ничего не подозревающим, невинным детям и уносит их к своей машине, чтобы подвергнуть широкому разнообразию сексуальных унижений. Он тот, о ком мы предупреждаем наших детей; незнакомец, с которым им никогда не следует заговаривать. Он, конечно, существует... но не является предметом этой книги. Человек этот - педофил, мужчина

с сильным сексуальным влечением к детям - и ему часто безразлично, мальчик это или девочка. Это просто должен быть ребенок.

У нас другая тема. В словарях этот человек описывается как педераст - тот, кто вступает в половые отношения с несовершеннолетними. На улице его называют цыплячьим ястребом. Большая разница между педерастом и педофилом состоит в том, что педераст, описываемый в этой книге, тщательно отбирает согласных на такие отношения мальчиков. Его не интересуют принуждение, насилие, шантаж или понуждение. Он делает выбор и платит деньги.

Цыплячий ястреб не поддается описанию. Он низкий и высокий, молодой и старый. Он счастлив в браке, у него может быть большая семья. Он дальний родственник; наносящий визит дядя. Он богат и беден. Это водитель грузовика, доставляющий телевизор; профессиональный спортсмен; хороший парень из квартиры наверху. Он врач, музыкант или человек, который приходит проверить газовый счетчик. Его профессия не даст ни малейшего ключа к его личности.

Его невозможно определить по манерам или голосу, поэтому любые попытки предупредить детей о появлении цыплячьего ястреба бессмысленны.

Человек, цитируемый на следующих страницах, из Сан-Франциско. Он счастлив в браке, имеет троих детей подросткового возраста: двух мальчиков и девочку. Судя по его образу жизни и квартире, он зарабатывает около сорока тысяч долларов в год. У него приятная внешность, и, несмотря на то, что ему за сорок, он в хорошей физической форме. Он далек от человека в грязном плаще (того, что с конфетами в кармане). Его бизнес часто заставляет уезжать из города, и он путешествует по многим частям Соединенных Штатов - в большие и маленькие города.

Вот что он сказал во время интервью:

«Проблема в том, что нас мало. Под этим я подразумеваю, что недостаточно тех, кто на самом деле заботится о мальчиках. Реальной заботой. Вы находите это странным? Послушайте, я не могу вести счет числу тех мальчиков, кто побывал у меня с тех времен, когда я сам был молод. Я начал дурачиться со своими приятелями, когда мне было около десяти лет, и не забросил этого. Мне это нравится; Мне это нравится, но я никогда не заигрываю с мальчиком, который не хочет играть... а это чертовское множество мальчиков. Я знаю, о чем вы думаете, и знаю все эти прозвища. Это осуждают даже некоторые геи, но я никогда не куплюсь на подобное. Я не женоподобен, не пускаю слюни и не слоняюсь по школам. Единственные люди, которые знают обо мне - мальчики, с которыми я встречался, и группа друзей по всей стране, которым нравится то же самое.

Вы говорили о насилии, шантаже, вымогательстве и тому подобном. Со мной такого никогда не случалось, хотя я слышал, что подобное происходит с другими. Я тщательно подбираю себе парней и правильно с ними обращаюсь. Тот, кто имеет с ними проблемы, вероятно, заслужил это. Большинству детей я плачу, потому что мне так хочется. Мне

нравится давать им деньги. Они заработали их, и они этого заслуживают, и во многих случаях они отчаянно в них нуждаются.

Я ничего не знаю об организованных проститутках, кроме того, что они существуют. Профессиональные мальчики по вызову по сотне баксов за раз - не мое. Я выбираю мальчиков с улицы, беспризорников - и чем они беднее, тем лучше. Кроме того, что делает стодолларовый экземпляр за свои деньги, чего я не смогу получить за десятку или двадцатку? Я не вижу никакого удовольствия в том, чтобы подойти к телефону и заказать мальчика, которого я никогда не видел, а затем пойти в назначенное место, чтобы посмотреть, что же я купил. Вы знаете, что при такой операции в качестве кода использует вино? Например, если вы заказываете белое вино одиннадцатилетней выдержки, вы заказываете одиннадцатилетнего светловолосого мальчика?

Я знаю, чего хочу, и знаю, где это получить, и мне нравится играть в эту игру. Думаю, мне нравится погоня так же, как и завоевание. У уличных детей нет запретов, нет зацикленности, и участвуем только мы вдвоем. Я и он. Я редко беру более одного за раз. Это опасно и глупо, и это работает только с очень юными, или, если вы находитесь в Испании, Мексике, Марокко или где-то еще, где популярно подобное.

Если я попадаю в город или поселок и не знаю, где подобная тусовка, я начинаю с автобусной станции, дешевого кинотеатра или парка. Хорошим подспорьем являются граффити на стенах. Информации там много - для опытного читателя. Часто я получаю сведения от другого путешествующего гея. Есть также галереи развлечений, пляжи прибрежных городов, YMCA [ИМКА — молодёжная волонтерская организация США, ставшая известной благодаря организации детских лагерей и плавательных уроков, на которых до 1970-х годов плавали голышом], общественные туалеты, остановки городского автобуса или туалеты в универмагах. Однако лучший способ - путешествовать на собственной машине.

Вы ездите по пригородам больших городов, когда дети едут в центр города; позже вечером они направляются домой. Как и в случае с граффити, есть определенные знаки, которые нужно искать. Вы можете определить сообразительного паренька по тому, как он стоит... по его, в некотором виде, заносчивой позе. Если он действительно хочет, чтобы его сняли, черт возьми, он будет стоять с наполовину вставшим членом. Это сразу заметно тому, кто ищет подобное... но не остальным. Выглядит это действительно забавно, особенно, если он обладает первоклассным хозяйством. Все машины с водителями, ищущими то же самое, начинают бороться за позицию на старте, что-то вроде гонки Гран-при. Машины мчатся по переулкам и парковкам, чтобы занять позицию! Если когда-нибудь узаконят поездки за мальчиками, то придется составить планы на четные/нечетные дни, как это бывало при нормировании бензина. Когда вы видите кого-то, понравившегося вам, вы должны выяснить, нравитесь ли вы ему. У этих мальчишек острый взгляд и довольно высокие стандарты. Я спрашиваю понравившегося мальчика, хочет ли он прокатиться, и после очень тщательной оценки получаю отказ. Он проверяет вас, то, как вы говорите и ведете себя, машину и все остальное. Тогда он говорит, что

ждет друга. Через десять минут вы видите, как он разговаривает с другим водителем. И завистливо и раздраженно наблюдаете, как этот мальчик уезжает с другим парнем.

Допустим, вы добились своей цели, он в машине, и вы собираетесь договориться. Всегда спрашивайте его, как далеко он едет, прежде чем он спросит вас. Если он спросит вас первым, вы берете на себя обязательство совершить долгую поездку, которая может закончиться ничем. Возможно, он самый настоящий автостопщик, просто желающий прокатиться. Или он может оказаться тем, кем нужно, но собирается на другое свидание и просто воспользовался своим опытом, чтобы прокатиться. Скажите ему, что собираетесь проехать пару десятков кварталов или около того. Это оставляет вам возможность сказать: «Это то место, где я разворачиваюсь и ...»

Он очень редко говорит напрямую, что он - хастлер. Вы должны сыграть в игру. Он может сказать, что ищет работу, или планирует пойти на шоу, но у него нет денег, или он мучается вопросом, как раздобыть небольшую сумму, чтобы купить своей матери подарок на день рождения. Если вы эксперт своего рода, то вы многое поймете из этого разговора. Например, цену. Он только что установил некоторые финансовые параметры. Цены ранним вечером будут, кстати, выше, чем позже.

С мальчиками старше шестнадцати все немного по-другому. Их разговор ориентирован на автомобили. У них всегда есть квитанция, по которой они должны заплатить, иначе потеряют права. Их автомобиль нуждается в ремонте. Их собираются выбросить из дома, квартиры, потому что им не чем платить за аренду. Очевидно, что вы не собираетесь платить за ремонт сцепления или тормозов, или месячную арендную плату, но идея состоит в том, чтобы вы внесли свой вклад. Средняя запрашиваемая цена составляет двадцать долларов, снижаясь до десяти. Я никогда не платил больше двадцати, но и меньше семидесяти пяти центов тоже.

Пока мальчик говорит, он будет небрежно сжимать свой пах. Если вы повторите этот жест, то оба поймете, что вдвоем хотите одного и того же. Единственное, что нужно обсудить следом, - кто кому что делает, где и по какой цене.

В большинстве случаев он позволит вам отсосать ему ... и все. Но все может измениться после того, как вы ляжете в постель, а он возбудится. Он может предложить сделать больше за дополнительную плату - в этот момент, если он хоть сколько-нибудь хорош, вы соглашаетесь. Меня забавляет, что в наше просвещенное время и эпоху сосущего считают педиком, а того, кому это делают - натуралом. Такое объяснение на самом деле невероятно глупо, потому что это совсем не так. Если мальчик лежит, позволяя мужчине играть с ним, возбуждается и испытывает оргазм ... мальчику, должно быть, это нравиться!

Еще одно распространенное заблуждение состоит в том, что мальчик сбежит и расскажет своим друзьям - или родителям - о том, чем вы занимались. Я уверен, что если такое и происходит, то очень редко. Во-первых, он не захочет, чтобы его друзья узнали, чем он занимается; а во-вторых, он захочет вернуться для повторного выступления. Все зависит от того, как вы относитесь к мальчикам. Если вы просто снимите его, воспользуетесь им, заплатите ему и отправите его восвояси... это ничто. Но если вы пригласите его ещё раз, или пригласите его поесть, или отведете на шоу, или поможете починить его велосипед, или что-то еще - вы покажете ему, что он вам нравится, тогда у вас обоих все будет хорошо.

Когда я дома, я играю довольно прямолинейно из-за семьи. Но так сложилось, что я общался с несколькими приятелями моего сына с тех пор, когда они ещё учились в средней школе. Я не рационализирую то, что делаю, хотя, полагаю, что думаю об этом, но я никогда ещё не встречал мальчика, чья жизнь разрушилась бы из-за того, что он спал с мужчиной. Я знаю тысячи случаев, когда это помогало мальчикам, особенно из тех семей, где нет чего-то похожего на любовь или привязанность. Если вы воспитываете мальчика, помогаете ему и проявляете о нем искреннюю заботу, он вам ответит … и я имею в виду не только секс. Я знаю нескольких парней в возрасте семнадцати или восемнадцати лет, с которыми я встречался, когда они были намного моложе. Мы больше не целуемся, но мы хорошие друзья, и они довольно часто приходят ко мне за советом и помощью. Ни ради денег; просто говорить.

Я знал одного сельского судью, который очень любил мальчиков. Он был холостяком и всегда держал в доме пару беспризорников и бродяг. Он их кормил, одевал, отправлял в школу и помогал им найти работу. Он действительно помогал им. Когда они были готовы покорить мир, он отправил их в путь и брал другого. Что ж, судья умер около года назад, и восемнадцать мальчиков со всей страны приехали на его похороны. Некоторые уже были женаты и завели детей.

Другие добирались туда автостопом. Большинство из них не знали друг друга, но все они знали, каковы были отношения, и вокруг было много рукопожатий и знакомств. Восемь мальчиков несли гроб, и, если бы кто-нибудь сказал о судье пренебрежительное слово, ему пришлось бы сражаться с восемнадцатью рассерженными мальчиками.

Я не знаю, что происходит по всей стране, но происходят какие-то перемены. Дети становятся все более доступными. Я думаю, что это отношение: «если тебе хорошо, то занимайся этим».

На прошлой неделе я вышел из квартиры, чтобы пойти в магазин. Моя жена навещала свою мать, дети были в школе. Возвращаясь домой, я заметил в вестибюле одного из самых красивейших мальчиков, лет двенадцати. Он был опрятно одет, и нес плавки. Я спросил его, ищет ли он кого-нибудь, и он сказал, что ждет своих родителей, которые живут на девятом этаже. Он хотел попасть в квартиру, чтобы переодеться и пойти купаться. Я предложил ему переодеться в моей квартире, и он с радостью согласился.

Прямо в этот момент по его смелому проницательному взгляду я понял, что попытаюсь снять его. Он был восхитительно нескромен при переодевании, устроив небольшой танец - совершенно голым - под музыку из стереосистемы, пока влезал в свои плавки. Он поблагодарил меня - снова с таким же взглядом - и ушел. У меня было ощущение, что он вернется под тем или иным предлогом.

Он вернулся через пять минут, весь мокрый, и просил одолжить полотенце. Он с готовностью согласился, когда я предложил вытереть ему спину. Он сказал, что у него болят ноги от купания, и спросил, могу ли я их растереть. Пока я растирал ему ноги - он лежал лицом вниз, уткнувшись головой в подушку, - его приглушенный голос сообщил, что он хотел бы заработать несколько долларов, чтобы пойти на танцы этим вечером. Есть ли у меня какая-нибудь работа по дому? Я сказал, что нет, и спросил, сколько ему нужно. Он сказал: «Всего три доллара».

К этому времени я растирал его бедра и задницу. Он приподнялся, и моя рука скользнула под него и схватила его за член, который был тверд как камень. Он перевернулся и прямо сказал: «Вы можете получить это за три доллара!» Я и получил - а когда закончил, он небрежно спросил: «Вы когда-нибудь занимались таким со своими сыновьями?» Я был невероятно потрясен! «Конечно, нет!» Он небрежно объявил: «А я все время занимаюсь этим со своим отцом».

После того, как он ушел, я позвонил другу в этом же доме - он тоже дурачится подобным образом - чтобы рассказать ему о моей находке. Он рассмеялся и сказал: «Это Виктор! Он не живет в этом доме. Он тут подрабатывает, и побывал почти у всех, кого я знаю, в том числе и у некоторых натуралов».

Как выяснилось, У Виктора дела идут хорошо. В комплексе больше 400 квартир, и у него здесь буквально десятки клиентов. К некоторым он заходит по дороге в школу, к другим - по дороге домой. Он, должно быть, зарабатывает от двадцати до тридцати долларов в день только в этом здании! У него также есть три-четыре друга, которые ходят с ним. Забавно, он очень неразговорчивый. Я пытался уговорить его сказать мне, с кем еще в здании он встречается. Он не стал этого делать, пояснив: «Я же не рассказываю им о тебе».

Подобная «неразговорчивость» мальчика кажется скорее правилом, чем исключением. Офицеры полиции по всей стране сообщают о подобном. Когда производится арест взрослого и ребенка, успешное судебное преследование встречает ряд сложностей по множеству причин.

Заместитель окружного прокурора Джеймс Гродин из Лос-Анджелеса сообщил: «Мальчики не считают, что занимались чем-то плохим! У нас был случай здесь, в Лос-Анджелесе, когда взрослый признался, что занимался оральным сексом с двенадцатилетним мальчиком. Я провел с мальчиком два часа, разговаривая о бейсболе и сотне других вещей, чтобы успокоить его. Затем я спросил мальчика, были ли у него сексуальные отношения со взрослым, о котором идет речь. Мальчик решительно отрицал! Он казался искренне шокированным подобным предположением. Когда я сказал ему, что взрослый уже сознался в восьми различных инцидентах, мальчик пожал плечами и сказал: «А, это! Конечно, он отсосал мне несколько раз, но у нас с ним не было секса».

Когда родители мальчика сталкиваются с подобной «деятельностью» сына, они редко чувствуют желание подавать жалобу. Они боятся огласки. Они задумываются об отношении к ним со стороны друзей и соседей, а мальчику придется столкнуться со своими сверстниками в школе. Многие психиатры сходятся во мнении, что в таких случаях явка в суд причиняет мальчику гораздо больший вред, чем травма в результате самого инцидента.

Страх публичного разоблачения вполне реален, особенно для взрослых. Если мужчину поймают на месте преступления с мальчиком, публика будет настроена очень злобно - и очень враждебно. Подобные игры с детьми вызывают отторжение у большинства людей. Если взрослый будет приговорен к тюремному заключению, он может рассчитывать на тяжелые времена в тюрьме: осужденные считают растлителей малолетних низшей кастой среди заключенных, и к ним там соответствующее отношение.

Этот страх разоблачения прямо пропорционален размеру города, в котором живет взрослый или ребенок. Большой крупный город предлагает анонимность, то есть возможность затеряться в толпе. Но в маленьком городке, где все знают друг друга...

Опыт Пола является ярким подтверждением этому. Ему чуть за тридцать, он живет в маленьком городке на Среднем Западе. Он родился там, и его родители до сих пор живут там (он живет отдельно в собственной квартире, вполне комфортной, примерно на семнадцать тысяч долларов в год - неплохо для городка с населением чуть больше десяти тысяч). Пола любят и хорошо знают. Его род занятий не важен, за исключением того, что он ежедневно общается с городскими властями. Убежденный холостяк, он посещает вечеринки и другие общественные мероприятия с допустимыми там отношениями, поэтому никогда не имелось ни малейшего намека или предположения, что он может оказаться геем. Он был весьма популярен в старшей школе, будучи спортсменом, и не особо афиширует свою холостяцкую жизнь, объясняя, что еще не нашел подходящей девушки. Он редко навещает родителей, дабы избежать постоянных призывов «жениться и остепениться».

Подобно сотням тысяч гомосексуалов по всей стране, он успешно ведет двойную жизнь. Его гомосексуальная практика осуществляется в большом городе в семидесяти пяти милях от его родного городка. Ему нравятся молодые партнеры примерно четырнадцати лет, но он избегает длительных отношений. Потому что может возникнуть несколько проблем: во-

первых, поездки по семьдесят пять миль в одну сторону, а во-вторых, опасности, присущие любым длительным отношениям. Неожиданное решение этой стандартной дилеммы обнаружилось однажды утром в суде по делам несовершеннолетних в его родном городе.

Мальчику было тринадцать, он выглядел намного привлекательнее разносчиков газет, которых рисовал Норманн Роквелл, был весьма внимателен, умен и знал, как вести себя на улицах. Хотя в то время Пол всего этого не знал, в отчете психолога мальчик описывался как коварный ребенок, который находит удовольствие и гордится своей способности манипулировать людьми... особенно взрослыми. В отчете также имелось предупреждение, что, если мальчика не будут жестко контролировать, то в конечном итоге он превратится в полноценного психопата.

Пол вспоминает свои чувства к мальчику: «Когда я впервые увидел его, он был идеальным сочетанием всего лучшего среди всех мальчиков, с которыми я общался. Я сочувствовал ему, потому что он оказался в суде, совсем один, по обвинению в мошенничестве, и единственным возможным решением, остававшимся на усмотрение суда, было отправление его в приют для несовершеннолетних. Суд неохотно шел на это. Мальчик, очевидно, был умным ребенком - любой отец с гордостью демонстрировал бы его в качестве своего сына. Несмотря на то, что он выглядел весьма возбуждающе в сексуальном плане, в то время Пол не думал о подобном.

«Судья, который был моим хорошим другом, хотел подержать мальчика, пока они не получат больше информации о его прошлом и семье... Я договорился пообедать с судьей, затронул эту тему и небрежно предложил оставить мальчика при мне, пока не будет принято какое-либо решение. Что ж, судья был в восторге! Меня считали ответственным человеком, и мое вмешательство спасало их от расходов по содержанию мальчика в городской тюрьме. Мы встретились с мальчиком в кабинете судьи, и ему прочли суровую лекцию о том, чего от него ждут и как он должен ценить то, что делается.

Он был беглецом из соседнего штата, и у местного отдела пробации на получении информации ушло около трех недель. Это был типичный случай. Отец давно ушел из семьи, бросив мальчика, его старшего брата и пятилетнюю сестру на жену. Через два года о сестре позаботилась Армия спасения, старший брат пошел по криминальному пути, садясь и выходя из тюрьмы, а этот младший мальчик - назовем его Ронни - стал угонять машины, чтобы покататься, хулиганил в школе, в, общем, собирался пойти по стопам своего брата. Когда Ронни задержали в нашем городе, это было его четвертое задержание за побеги. Он никуда конкретно не собирался. Он просто убегал в поисках лучшей жизни. В любом случае в первом отчете об испытательном сроке не было никаких указаний на сексуальную активность.

Я не могу передать, насколько хороши были наши первые три недели. Он так оживил дом. Там, где раньше было тихо, стоял шум. Повсюду валялись грязные носки и джинсы, а в ванне появилось извечная отметина от грязной воды. Не было никакого секса, никаких разговоров о сексе, никаких намеков или соответствующих взглядов. Мальчик был просто очень

заметен. Единственным физическим контактом была небольшая борьба с катанием по полу.

Первый шаг к сексу исходил от него, а не от меня. Мне так понравилась роль отца, что я действительно почти не задумывался о сексе. Казалось, ответственность за мальчика каким-то образом преодолевала сексуальное влечение.

Но эти легкие отношения закончились однажды ночью - примерно за два дня до того, как он должен был предстать перед судом для принятия окончательного решения. Я находился в постели, и вошел он, в одних коротеньких шортах, чтобы попросить сигарету. Он сел на кровать, и мы принялись говорить о разном - я забыл, о чем. В конце концов, он оказался в постели под одеялом рядом со мной, продолжая говорить. Я особо не задумывался об этом. Казалось совершенно естественным, что он лежит рядом, положив голову мне на руку, и время от времени тянется через меня, чтобы добраться до пепельницы на тумбочке.

Разговор перешел на его прошлое, и он рассказал мне несколько довольно мрачных историй о себе и своем отце, учителях и бывших друзьях. Это был теплый, задушевный разговор, и я помню, как поигрывал его волосами, пока он говорил. Я упомянул, что уже поздно, и нам нужно немного поспать. Он спросил - очень серьезно - может ли он переночевать... со мной. Это была логичная просьба и, на мой взгляд, идиллическая ситуация. Не думаю, что когда-либо чувствовал себя таким важным для кого-то, как в тот момент. Я выключил свет, и он прижался ко мне, моя рука обнимала его, а его голова лежала на моем плече. После некоторого предварительного ерзанья он успокоился, а затем прошептал очень ясным и настойчивым голосом: «Эй! А тебе не хочется трахнуть меня?»

Я был совершенно ошеломлен. Девять тысяч мыслей пронесли одновременно в моей голове. Казалось, что в тот момент мне требовалось принять двадцать важных решений, и у каждого имелось не менее двадцати вариантов. Если бы я сказал «нет», он оказался бы в мучительно неловком положении. Если бы я сказал «да», то столкнулся бы с огромным количеством неприятностей. За три недели он стал мне доверять. Могу ли я перечеркнуть это доверие ради секса, а затем столкнуться с возможным шантажом или... что еще хуже - публичным разоблачением? Все эти вопросы зародились в моем мозгу за миллисекунду. Я запинался, бормотал и тянул время. Он принял решение за меня двумя движениями своего тела и сжатием руки. Я сказал «да», и это оказалось решением, стоившим мне двух дней неописуемых мучений.

Потребовалось три минуты, чтобы выяснить, что Ронни не был девственником. Он знал всевозможные не типичные способы использования каждого отверстия своего тела... и моего. Подобное слегка помогло; компенсировав невероятное чувство вины, которое я испытывал. Если бы он повернулся и со слезами на глазах сказал, что это его первый раз, думаю, я бы покончил с собой из-за раскаяния. Но это был явно не первый раз для него, и, вероятно, даже не пятьдесят первый. Ронни начал заниматься этим очень рано.

На следующий день завтрак вышел несколько напряженным с моей, но не с его стороны. Он беспрерывно болтал о чем-то без каких-либо признаков того, что случилось что-то необычное, схватил свои школьные учебники, вылетел за дверь и отправился в школу.

Я провел унылый день, долго размышляя о том, что случилось, и что может произойти. Это были плохие мысли. Время медленно тянулось до половины четвертого, когда он должен был вернуться домой из школы, вероятно, с некоторыми собственными мыслями. Я поспешил домой, вошел, и мои худшие опасения подтвердились. Он сбежал! Его одежды не было, но он ничего не взял из дома. Нацарапанная карандашом записка гласила: «Я собираюсь в Калифорнию. Я ничего не взял, кроме банок с фасолью. Пожалуйста, не вызывай на меня копов. Ронни».

Очередной душевный переворот! Чувство облегчения от того, что - читая между строк - он не собирался никому рассказывать о случившемся. Дом не был разрушен, так что, похоже, он не был сердит на меня. Он ничего не украл, значит, испытывал некое уважение ко мне, и в этом: «Пожалуйста, не вызывай полицию» говорилось, что он определенно не пойдет туда сам.

Мои мысли были теперь другого плана: даже если это он инициировал сексуальную игру, я мог ее остановить. Хотел ли он её останавливать? Вероятно, иначе зачем ему было сбегать? Единственное, что требовалось сделать прямо сейчас, - это найти его и поговорить об случившемся. Если он собирался в Калифорнию, он бы направлялся на запад по шоссе 80, если его еще не подобрали. А если его задержит полиция штата, не возникнет ли у него соблазн рассказать обо всем, чтобы слезть с крючка?

Я нашел его сидящим на обочине примерно в восемнадцати милях от города. Он вскочил, когда увидел приближающуюся машину, и выглядел очень смущенным, когда узнал ее. Вступать в разговор было неловко, но я сказал, что мы должны поговорить о его поездке и, если он действительно хочет уехать, следует принять некоторые юридические меры, чтобы у нас обоих не возникли бы проблемы. Он согласился, и мы молча поехали домой.

Мы разговаривали до поздней ночи, и тема секса ни разу не затрагивалась. В случившемся я винил себя. Случился секс. Мы оба знали, что случилось, и это имело - по крайней мере для меня - первостепенное значение. Но я не стал говорить об этом, вероятно, потому, что боялся услышать то, чего не хотел. Ронни сказал, что сбежал, потому что боялся, что его отправят в тюрьму для несовершеннолетних после того, как отдел пробации узнает о его прошлом.

Я рискнул спросить: «А как насчет нас?»

Он пробормотал: «Мне здесь нравится, и я бы остался, если смогу».

Это было все, что мне требовалось знать, хотя, оглядываясь назад, я должен был узнать гораздо больше. Ронни остался. Суд согласился позволить мне стать «временным» опекуном на шесть месяцев, после чего он сделает пересмотр.

Все получилось, и мы занимались сексом ещё несколько раз. Но со временем сексуальные инциденты прекратились. Они никогда не обсуждались. Когда настроение было подходящим, они случались. Это произошло четыре года назад. У нас с ним не было секса уже два года. Тот просто умер; думаю, наши отношения сменились на отцовско-сыновьи. Теперь, когда мы не занимаемся сексом, мы обсуждаем его. Не о нас, а о том, какой он у него.

Он умеет успех среди девушек и хорошо целуется. Время от времени он целуется с приятелем. Я знаю об этом, и он открыто это обсуждает.

Ронни оказал огромное влияние на мой образ жизни. Я до сих пор езжу в большой город ради физического удовлетворения, но не так часто, как раньше. Полагаю, у меня дома достаточно дружеских отношений, чтобы компенсировать потребности искать их где-то ещё».

* * *

В случае с Полом и жителем Сан-Франциско оба продолжают вести двойную жизнь с некоторой степенью защищенности. Но, как сказал Пол (с чем согласился мужчина из Сан-Франциско), всегда присутствует постоянно гложущий страх разоблачения. В случае с жителем Сан-Франциско разоблачение не будет таким потрясающим, как для Пола. Если семья жителя Сан-Франциско выразила бы понимание, изменения могут заключаться в переезде в другой многоквартирный дом (хотя, учитывая тот факт, что он уже живет в гигантском многоквартирном комплексе, даже переезд может не потребоваться). Поскольку он человек состоятельный, шансы на вынесение приговора в суде невелики. У него нет судимостей, он может позволить себе обратиться к психиатру, чтобы тот засвидетельствовал, что он получил соответствующую консультацию. Однако по законам Калифорнии от него потребуют зарегистрироваться в качестве сексуального преступника, что может привести к проблемам в будущем. Крайне маловероятно, что он изменит свой образ жизни. Вместо этого он, вероятно, продолжит заниматься подобным с большей осторожностью.

Разоблачение Пола привело бы к совершенно другим последствиям: это была бы полная катастрофа. В маленьких городках сделки со следствием заключаются редко. Если дело доходит до суда, об этом узнают все. Следовательно, любые сделки должны быть совершены до того, как дело дойдет до суда. Такого образа действий зачастую придерживаются и в небольших городах. Виновному предъявляются доказательства, и ему предоставляется возможность скрыться в ночи и никогда не возвращаться - или предстать перед судебным разбирательством. Присяжные в таких случаях обычно очень суровы. Присяжные рискуют подвергнуться осуждению, если проявят склонность к снисхождению. Это один из недостатков присяжных в маленьких городках. Каждый присяжный знает всех остальных, и это часто приводит к принятию решений, не обязательно основанных на фактах дела. Если бы Пола поймали где-нибудь в другом месте, как бы подобное повлияло бы на Ронни? Поддержит ли он Пола или почувствует себя преданным и снова сбежит, убежденный, что рядом нет ни одного взрослого, достойного доверия? Договоренность чревата подводными камнями, в том числе возможностью эмоциональной катастрофой для обеих сторон. Некоторые мальчики слишком незрелы, чтобы справиться с такой ситуацией; другие принимают её спокойно.

Барт - хороший пример подростка с удивительной способностью справляться с бедствиями. Сейчас ему девятнадцать, и он хорошо зарабатывает на бурно развивающихся нефтяных месторождениях Луизианы, работая вместе со своим младшим братом.

Барта с тринадцати лет снимали пожилые состоятельные мужчины. От него забеременели три девочки, одной из которых было всего двенадцать. Он дважды страдал от сифилиса, несчетным числом случаев гонореи, дважды переболел гепатитом, и имеет длинный список заболеваний почек и печени. В отрочестве он покупал, продавал и употреблял героин, ЛСД, марихуану, амфетамин и барбитураты. Его четыре раза выгоняли из дома, и как минимум шесть раз он сбегал сам. Его четыре раза арестовывали, и он дважды попадал в тюрьму, испытал целый список медицинских, сексуальных и наркотических ужасов, уложивших в могилу многих более зрелых мужчин. В наши дни не так много людей, которые смогли бы пережить все бедствия жизни Барта. Но он выжил, и с медицинской точки зрения, и физически, и морально, считает, что находится в хорошей форме. Женат, у него есть сын, он зарабатывает достаточно денег. Очень маловероятно, что он вернется к старым привычкам, хотя признает, что что время от времени совершает экскурсы в прошлое.

«Я занимался всем этим, - размышляет он, - и оно того стоило, но я уверен, что не хотел бы заниматься этим снова. Меня до сих пор передергивает, когда думаю, сколько раз я был на грани, и меня каким-то чудом вытаскивали».

В отличие от большинства мальчиков с подобным опытом, Барт не происходил из неблагополучной семьи в классическом смысле этого слова. Его семейная жизнь была чем-то средним между Ма и Па Кеттл [комичные многодетные персонажи из фильмов и сериалов начала 1950-х] и мистером Микобером из «Дэвида Копперфильда» [Уилкинс Микобер - клерк из романа Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфильд», который традиционно отождествляется с оптимистической верой в то, что «что-то случится»]. Много детей. Много хаоса. Не слишком много денег, контроля или дисциплины, но много любви. Школа вышла случайным этапом с

низкими оценками, неизбежно приведшими к отсеву из девятого класса. Барт стал мальчиком улицы, обаятельным, с красивой внешностью и искренним доверием к людям. Его первая успешная попытка секса случилась, когда ему было десять лет.

«У меня никогда не было проблем с девушками, и я получал столько, сколько мне требовалось, и этого было много», - вспоминает он. «Я не особо путался с мальчиками, за исключением круговой дрочки в лагере - на соревнованиях, кто кончит первым».

Его первый гомосексуальный опыт случился сразу после четырнадцатого дня рождения. Это было не с другом, а с отцом его лучшего друга, и Барт вспоминает: «Он не совращал меня. Я соблазнил его и до сих пор не знаю, зачем». Насколько он помнит, он остался переночевать в доме своего друга.

Вся группа мальчиков устала после долгого дня охоты. *«Мой приятель и все остальные легли спать. Его отец лежал в своей постели, а я сидел на краю кровати и стучал по ружьям. Я не помню, просил ли он меня это сделать, или я вызвался добровольно, но я принялся растирать ему спину. Когда я обнял его за талию, я понял, что он завелся. Это завело и меня. Следующее, что я помню: я лежу с ним в постели и прижимаюсь к нему».*

Это был первый раз для Барта, но не первый для отца его друга. Барт говорит: *«Когда все закончилось, он был по-настоящему смущен. Он сказал мне, что часто занимается этим, но еще никогда с друзьями сына. Думаю, он волновался, что я расскажу его сыну, но мне не приходило подобное в голову».*

Возможно, первый опыт Барта мог привести его в другую область. Примерно через год Барт откровенно рассказал о случившемся старшему брату. Он не назвал имен. Брат Барта заинтересовался этим, потому что руководил службой девушек по вызову в Новом Орлеане и иногда получал запросы на мальчиков. Он предложил Барту подумать о подобном. Барт вспоминает, что ему не очень-то пришлась по душе эта идея, но предложенная сумма - по сотне долларов за раз - была уж слишком соблазнительной. Но, тем не менее, не сложилось. Прежде всего, сотня долларов была лишь «запрашиваемой» ценой. Барт иногда получал пятьдесят, чаще тридцать долларов, и половину из них возвращал брату. Жизнь дома становилась проблемой. Его родители задавали вопросы: почему он так много времени проводит в соседнем городе со своим братом? Чем он там занимается? Где работает? Все это наполняло его жизнь краткими путешествиями и растущей паутиной лжи.

«Мне это никогда не нравилось», - размышляет Барт. «Я никогда не знал наперед, с кем буду спать. Ни один из них мне не нравился. Когда это происходит с незнакомцем, это все равно что быть с животным».

Поэтому Барт быстро освоил два метода самоумиротворения: он научился употреблять наркотики (любезно предоставляемые его братом), дабы облегчить себе действия, и принялся

изучать новые сексуальные техники. *«Я стал настоящей проституткой», - восклицает он. «Я научился тому, что нужно говорить и делать, чтобы дело быстро сдвинулись с мертвой точки, и я мог бы убраться оттуда к черту»*.

Барт был выведен из строя сифилисом. «Тогда я не знал, что это можно заполучить от другого парня! Теперь я хорошо это знаю», - с сожалением говорит он. С этого момента Барт начал скатываться с медицинского откоса. За сифилисом последовал гепатит, усугубленный его первым случаем гонореи.

«Я просто вырулил оттуда и вернулся домой», - сказал он. «Я не знал, что, черт возьми, делать и к кому обратиться за помощью. Если пойти в государственную клинику, там захотят знать, где я подцепил подобное, чтобы они могли связаться с другим человеком. Я боялся, что там смогут определить, что я заразился от мужчины, а не от женщины».

Итак, Барт пошел к отцу своего приятеля - туда, где все началось - и выпалил всю историю. Отец его друга действовал оперативно. Барта лечил частный врач, и, в конце концов, он излечился от половых болезней. Наркотики, особенно героин, стали другой проблемой, требующей лечения, но не лекарствами. Опять же, на помощь ему пришел тот самый отец его друга.

«У него был какой-то талант», - говорит Барт. «Я мог сесть и заговорить с ним о чем угодно, и он бы дал ответ. Если бы у него не было ответа, он бы сказал об этом, а затем узнал бы, где его получить. Я думаю, что в тот раз я полюбил его по-настоящему, и теперь я знаю, что это любовь».

После года советов и наставлений Барт отказался от героина и таблеток и не смотрит в сторону алкоголя, за исключением «может быть, время от времени пива». Он говорит, что отец его друга привел его к нормальной жизни, поддержал его брак и всегда был поблизости, когда требовалась помощь или совет.

«Сейчас он живет на другом конце страны, - говорит Барт*, - и я не видел его три года». Мы не переписываемся, потому что я не люблю писать письма и не знаю, как это делается. Время от времени он звонит по телефону, и когда я отвечаю, он говорит: «Привет, Барт... Иди к черту!» и кладет трубку. Мне становится очень хорошо, потому что я знаю, что он все еще думает обо мне».*

ГЛАВА 4. ХЬЮСТОН И ОТЕЦ МАКГИННИС

«Шестьдесят долларов - довольно головокружительная сумма для тринадцатилетнего».

Бессмысленно повторять в каких-либо подробностях историю массовых убийств в Хьюстоне, случившихся в августе 1973 года, и потрясших нацию и весь мир.

Двадцать семь мальчиков были изнасилованы и зверски убиты тремя садистами. Есть веские основания полагать, что двадцать семь - не окончательное число убитых, но когда полиция эксгумировала это число, то решили не ворошить историю дальше. Кроме того, пресса уже присвоила убийствам в Хьюстоне титул «крупнейшего массового убийства в истории Соединенных Штатов».

Однако именно Хьюстонская история впервые донесла до сведения широкой публики, что есть взрослые, использующие маленьких мальчиков для секса. Именно Хьюстонская история вызвала волну следственных действий полицейских управлений по всей стране. И именно Хьюстонская история подтвердила часто мелькавшую во многих умах мысль о том, что «все педики дурачатся с мальчиками» - мысль, не подтвержденную фактами. Дин Корлл, Уэйн Хенли и Дэвид Брукс сообща отбросили гей-сообщество примерно лет на десять назад.

И именно в этом городе на юге Техаса выяснились два факта, напрямую связанных с темами, поднимаемыми в этой книге: во-первых, по оценке полиции, нечестивое трио на самом деле имело сексуальный контакт, возможно, с тремя сотнями мальчиков, не считая тех двадцати семи, что они убили.

Второй факт заключается в том, что после убийств уличная проституция - покупка и продажа мальчиков в Хьюстоне - не уменьшилась, как это можно было бы предположить, а на самом деле увеличилась. Ларри, тринадцатилетний бизнесмен, сообщил, что его бизнес за ночь увеличился вдвое.

Ларри узнал от своих школьных друзей, что его тело обладает рыночной стоимостью. У него имелось дополнительное преимущество - он выглядел намного старше, чем был на самом деле, и поэтому на него поздними вечерами не бросали подозрительные взгляды полицейские. Его первый набег на гей-мир Хьюстона оказался простым и без происшествий. Его снял мужчина и предложил деньги за оральное совокупление. Они отправились в комнату мужчины, Ларри лег на кровать, и через пятнадцать минут стал богаче на пятнадцать долларов. Он помнит, что ему не понравился человек, который выполнял этот акт, но ему понравился сам процесс - настолько, что он повторил его еще четыре раза за ночь.

К моменту возвращения домой в его кармане находилось шестьдесят долларов, больше, чем когда-либо прежде. Шестьдесят долларов - довольно пьянящая сумма для тринадцатилетнего парня из бедной семьи Хьюстона... или откуда угодно, если уж на то пошло. Итак, Ларри стал работать на полную мощность. В любом крупном городе рынок тел открыт круглосуточно. Утренние покупатели, идущие на работу; толпы в обед, а по вечерам - по-настоящему крупная торговля.

Ларри хорошо освоил эту игру... и быстро ей обучился. К тому времени, когда ему исполнилось четырнадцать, у него уже имелся список постоянных клиентов, и ему приходилось тщательно планировать свое «свободное» время. Вполне может быть, что, когда Ларри обслуживал одного из своих постоянных клиентов на одном конце Хьюстона, Дин Корлл расправлялся с другим мальчиком на своей «доске для пыток» на другом его конце. Но Ларри ничего об этом не знал. Но сознавал, что сексуальные запросы к нему становятся все более продвинутыми и эзотерическими. Он больше не был просто «блуви» [blowee, тот, которому сосут]. От него требовали предлагать больше, и поэтому он стал играть принимающую роль в анальном сексе, если этого хотели - и за это платили. Ларри также стал осознавать, что начинает получать удовольствие от своей работы, и с нетерпением ждал новых сопутствующих острых ощущений.

Он прекратил свою деятельность, когда о Корлле и Хенли заговорил весь город, полагая, что запахло жаренным, и клиенты пропадут. Но они не исчезли, и через несколько дней Ларри вернулся к работе. Возможно, несколько осторожнее, но все же вернулся к проституции. Теперь появился новый страх, новый элемент, с которым требовалось бороться - страх насилия. Он говорил, что пытался выйти из этого бизнеса, подняв цены, надеясь, что спрос упадет - что было очень маловероятно. Если бы он действительно хотел уйти, он бы так и поступил. Но влечение к деньгам вкупе, возможно, с сопутствующими им удовольствиями оказалось слишком сильным. Ларри не вышел из игры; он просто разбогател. Давление на него стало колоссальным. Он не мог демонстрировать такое богатство дома, а тринадцатилетние редко думают о сберегательных счетах. Он не мог тратить свои деньги, поэтому большую их часть раздавал друзьям.

Некоторые мальчики расспрашивали его, как он зарабатывает, но Ларри не хотел делиться своим секретом со слишком многими, опасаясь конкуренции на улице. Но в чем он действительно нуждался, так это в безопасности. Он тщательно искал и, наконец, нашел её у отца Джека МакГинниса, невысокого пухлого католического священника, хорошо разбирающегося в беспризорных детях - независимо от того, насколько ужасны их проблемы.

МакГиннис - уличный священник из прихода в одном из самых бедных кварталов Хьюстона. В течение двенадцати лет он был капелланом Дома временного содержания несовершеннолетних округа Харрис, и в этой роли консультировал сотни неблагополучных молодых людей. В течение трех лет он руководил проектом «Первый шаг» - приютом для сбежавших из дома подростков, пока не был вынужден закрыть его из-за нехватки средств.

МакГиннис знает улицу вдоль и поперек, не шокирован и не испуган ею. Он обеспокоен. Он оказывает практическую помощь и дает советы, а не проповедует религиозные догмы, в результате чего довольствуется высоким процентом успеха.

Когда я пришел к нему, он откинулся на своем скрипучем потертом стуле и рассказал о типичном мальчике, занимающемся проституцией, и о его жизни:

Вы должны рассмотреть все аспекты того, что описывается как «пир-квир соглашение» [когда мальчик, не считающий себя гомосексуалом, занимается гомосексуальным сексом в любых формах] - когда дети занимаются подобным за деньги, в конечном итоге не становясь геями, и есть те, кто гей и занимается подобным только ради денег, а затем обнаруживает, что они наслаждаются такой жизнью. Это палка о двух концах...

Я говорю о мальчике, который идет на улицу, и о мужчине, который выходит на улицу, чтобы найти хастлера, - о цыпленке и цыплячьем ястребе. На основании своего опыта я пришел к выводу, что мальчик, который оказывается вовлеченным, обычно делает это потому, что услышал об этом от других мальчиков; услышал, что это может стать источником денег. Он хочет денег. Он может не нуждаться в них, но он хочет их и просто идет, чтобы посмотреть, в чем там дело. Иногда мальчика втягивают в это почти неожиданно. Он просто оказывается на улице, и ему делают предложение. Он довольно быстро переходит к делу, а затем продолжает.

Я думаю, что у ста процентов мальчиков, с которыми я разговаривал – с теми, кто был вовлечен в уличную проституцию - либо не имелось отца, потому что он умер, либо отец и мать развелись. В некоторых случаях существовала отчужденность мальчика от его семьи - даже если имелся отец - потому что не было хороших отношений с ним. Я думаю, что этот факт очень сильно связан со всей этой ситуацией. В шоу NBC «Завтра» меня спросили, может ли это быть причинным фактором. Я не знаю, фактор ли это; я знаю, что это... важно.

А как насчет цыплячьего ястреба? Я знал лишь нескольких человек, кто был связан с уличной проституцией, и мне не удалось получить от них очень много информации. Но геи, с которыми я разговаривал, - люди, являющиеся активными геями, являющимися участниками того, что я назвал бы «открытым» гей-сообществом, не одобряют такого рода отношений. Они этого не одобряют. Мужчины, которые пользуются услугами мальчиков-проституток, обычно не являются членами этого открытого гей-сообщества. Как выяснилось, многие ястребы женаты и имеют семьи. Я рискну сказать, что самая глубокая радикальная мотивация - когда я говорю радикальная, я имею в виду причинную мотивацию - как мужчин, так и мальчиков, - это потребность в привязанности, близости. Это движущая сила большинства педофилов. Где-то в своей жизни они были отчуждены до такой степени, что у них нет значимой близости с людьми, которой они желают. Так что проще, увлекательнее, может быть, более полноценно - заиметь её с ребенком.

Мальчик может и не искать близости, но однажды он переживает такую ситуацию, и ему это нравится - даже, знаете ли, если это оказывается каким-то странным видом садизма или чего-то еще. Сексуальный опыт мальчика приятен не только из-за физических ощущений – оргазма, он также приятен из-за своей близости.

Стремление к близости неплохо; само по себе оно не является злом. Если мы видим, что человек отчужден от близости - не сексуально, а просто лично, в отношениях с другими

людьми - тогда можно избежать очень многих разрушительных направлений, в которых развивается это стремление к близости. И это то, на чем мы, стремясь помочь, концентрируемся. Мы работаем с детьми, и со взрослыми. Мы обеспокоены их поведением; мы озабочены их жизнями; мы обеспокоены их депрессией, деструктивностью или чем-то еще. Я думаю, нам нужно смотреть на корни отчуждения. Многие психиатры и психологи говорят, по сути, одно и то же, но разными словами. Слова «корни отчуждения» что-то значат для меня, но это то, что не понимает наша ювенальная система правосудия.

Позвольте мне уточнить. Когда я нахожу мальчишку, который занимается проституцией на улице, я не говорю: «Почему ты торгуешь собой?» Он не сможет на это ответить. Вместо этого я начинаю рассматривать его ранние годы жизни. Я не хочу говорить ему: «Послушай, если ты будешь продолжать торговать собой, это никогда ни к чему не приведет». Большинство детей обнаруживают, что это никогда не окупается, потому что это очень по-эксплуататорски. Я спрашиваю: «Что происходит в твоей жизни? Как ты себя чувствуешь?» Направление, которое я выбираю - либо со мной, либо с кем-то другим - найти место и человека, который поможет утихомирить ту глубокую боль, которую этот мальчик испытал из-за отчуждения; обеспечить близкие отношений, в которых он нуждается, чтобы он почувствовал себя ценимым и любимым, и, прежде всего, сделать его способным любить. Если мы отыщем это, если мы это предоставим, то поведение мальчика изменится. А если изменится оно, изменится все остальное.

ГЛАВА 5. ПОВЕСТЬ О ДВУХ ГОРОДАХ

«Двое из пяти обвиняемых были предводителями бойскаутов»

ТАЙНЫЙ МИР АЙДАХО

Бойсе, штат Айдахо (население 50 000 человек) - столица штата, обычно считающаяся оживленным, шумным городком настоящих мужчин; истинным домом суровых жителей Запада. В салонах в центре города все еще можно услышать слабое эхо бурных пограничных дней Бойсе, но его тихие жилые районы и семьдесят церквей придают городу вид безупречной респектабельности. Недавно жители Бойсе были потрясены, узнав, что их город является приютом для широко распространившегося гомосексуального преступного мира, в который были вовлечены несколько самых выдающихся мужей Бойсе, в последнее десятилетие охотившихся на сотни мальчиков-подростков.

Когда эта история появилась в выпуске журнала «Тайм» 12 декабря 1955 года, она уже не смогла шокировать местных жителей. Они уже были потрясены месяцем ранее, когда о скандале заговорили на первых полосах местной газеты «Айдахо Дейли Стайтсмен». Они были встревожены тем, что то, что они считали местной историей о «монстре», отныне стало известно всему остальному миру. Подобная история, попавшая в заголовки сегодня, вероятно, обеспечила бы оживленное обсуждение в течение четырех или пяти дней, пока

ее не сменило бы что-то более сенсационное; но это случилось в 1955 году, в Бойсе, в штате Айдахо, и это заставляло город говорить в течение пятнадцати месяцев, пока он подвергался немыслимым мукам. Прежде чем скандал окончательно затух, был составлен список из 500 подозреваемых, было опрошено 1472 человека, уволен начальник полиции, а одиннадцать человек отправились в тюрьму на сроки от шести месяцев до пожизненного.

Десять лет спустя Джон Герасси, бывший редактор «Тайм», решил исследовать эту историю. Его книга «Мальчики из Бойсе» раскрыла, что истинные причины скандала «касались политики и экономики, а также личных идиосинкразий и амбиций».

После того, как в Бойсе появились новости о «безудержной» гомосексуальной активности, началась паника, распространились дикие слухи, всеобщая истерия и явные признаки несправедливости. Отец одного из малолетних свидетелей был убит собственным сыном; вице-президент Первого национального банка Айдахо был приговорен к семи годам тюремного заключения; разрушались семьи; люди покидали город на ночь; начались междоусобицы; и многие политические амбиции пошли прахом.

Волна паранойи, прокатившаяся по Бойсе, так и не отступила; слово «гомосексуал» до сих пор вызывает негативную реакцию в городе. Вся ситуация вполне могла бы разрешиться рационально, по-взрослому, если бы местная газета действовала ответственно и заняла зрелую позицию, но такого не случилось. 3 ноября, за месяц до статьи в «Тайм», «Стайтсмен» опубликовал передовицу:

РАЗДАВИТЬ МОНСТРА

Раскрытие того, что зло морального извращения существует в Бойсе в обширных масштабах, должно стать явным и крайне неприятным шоком для большинства жителей города. Кажется почти невероятным, что подобная раковая опухоль могла пустить корни и развиться среди нас.

Это очень плохо, когда трое мужчин из Бойсе, подвергнутых тщательному расследованию и обвиненных в преступных наклонностях, как сообщается, признались в правонарушениях с участием десяти мальчиков-подростков; но, когда ответственный отдел суда по наследственным делам объявляет, что эти аресты знаменуют собой только начало расследования, едва «царапнувшего поверхность», ситуация вызывает общую тревогу и требует немедленного и систематического прижигания.

От этой ситуации можно было бы отмахнуться с выражением сожаления и вздохом облегчения, если бы только можно было оказаться совершенно уверенным, что никто, кроме этих трех мужчин и десяти мальчиков, не был заражен здешним чудовищным злом.

Но ответственный сотрудник суда сообщил, что это только верхушка дела, и что были собраны частичные доказательства, свидетельствующие о том, что тут замешаны еще несколько взрослых и около 100 мальчиков. Пока существует возможность подобного, покоя быть не может...

Цель повторения истории, случившейся в Бойсе в 1955 году не в том, чтобы заново открыть раны, а дабы проиллюстрировать, что может случиться со значительным консервативным сообществом, столкнувшимся с проблемой гомосексуальной активности и руководствующимся безответственной прессой. Уэйн Кидвелл, уроженец Бойсе, учившийся в старшей школе, когда разразился скандал, вспоминает: «Мы не говорили ни о чем другом, и это превратилось в своего рода игру в угадывание, кто в этом деле замешан». Кидвелл, ныне генеральный прокурор штата, сказал: «Если бы то же самое произошло сегодня, реакция в Бойсе была бы совершенно иной. Люди восприняли бы подобное спокойно и смогли бы справиться с этим, поскольку они уже много раз слышали, что такое происходит и в других городах». Он добавил: «О скандале 1955 года все еще говорят, но разговор обычно сопровождается смешками».

Бойсе из штата Айдахо повезло. В городе разразился скандал, и на этом все закончилось.

Уокешо, что в штате Висконсин, повезло меньше. Скандал, похожий на случившийся в Бойсе, обрушился на город в 1960 году и повторился в 1974.

7 сентября 1960 года полиция Уокешо объявила, что арестовала десять человек по различным обвинениям в сексуальных извращениях после подавления беспорядков в городских парках Фрейм и Катлер.

Под облаву попали декан мужского отделения Кэрролл-колледжа, римско-католический священник из соседнего Милуоки и местный дантист. Администратор колледжа был женат и имел ребенка; дантист также был женат и имел двоих детей-подростков. Окружной прокурор Джордж Лоулер заявил, что активность в парках вписывается в развивающуюся нежелательную модель во всем округе. Он добавил: «Подобное может быть потенциально опасным».

По мере того, как продолжалось расследование, шли аресты. Пять дней спустя хирург-остеопат и его сосед по комнате были арестованы по обвинению в связи с маленьким мальчиком. Через неделю после этого врач из Уокешо также был арестован и обвинен в непристойных вольностях с пятнадцатилетним мальчиком. За этим последовал арест еще одного врача по аналогичному обвинению в связи с другим пятнадцатилетним подростком.

В отличие от Бойсе, Уокешо это не сильно затронуло, и, учитывая размах скандала, все обвиняемые получили относительно легкие приговоры - до двух лет условно. Первый

арестованный врач был восстановлен в своей больнице после психиатрической экспертизы Университета Маркетта, согласно отчету которого не обнаружилось никаких проблем, которые могли бы мешать его медицинской практике.

По меньшей мере иронично, что больница, о которой идет речь, была Мемориальной больницей Уокешо, и четырнадцать лет спустя аналогичный скандал с участием администратора той же больницы снова потряс Уокешо. Также важно, что на этот раз скандал в Уокешо был обречен на громкие заголовки чрезмерно рьяной прессы, как это случилось и со скандалом в Бойсе.

Жители Уокешо были ошеломлены, когда узнали, что Роберт М. Джонс, президент Мемориальной больницы Уокешо, 7 июля 1974 года покончил жизнь самоубийством. Сорокавосьмилетний холостяк уже более пятнадцати лет был очень уважаемым и почитаемым членом местного общества. Соседский юноша нашел Джонса сидящим в своей машине в гараже, чьи двери были заткнуты полотенцами. Коронер округа Уокешо Дональд Дж. Эггамс сообщил, что зажигание автомобиля было включено, но двигатель заглох. Эггамс признал смерть самоубийством. Никакой записки не нашли, и - в то время - причина самоубийства озадачила всех. Или почти всех...

Два месяца спустя пятерым местным мужчинам было предъявлено обвинение по более чем шестидесяти пунктам обвинения в неподобающем сексуальном поведении с несовершеннолетними. Окружной прокурор Ричард Б. МакКоннелл назвал Роберта М. Джонса «очевидным центром гомосексуальной группировки, соблазнившей и совратившей многих мальчиков в возрасте от восьми до шестнадцати лет». Двое из пяти обвиняемых были предводителями бойскаутов; один, лидер отряда, проводил трехдневный лагерь на земле Роберта М. Джонса за два месяца до его самоубийства. Утверждается, что некоторые из неподобающих действий имели место в этом скаутском лагере. 11 июля коронер приказал провести расследование самоубийства Джонса. Дональд Эггамс сообщил, что не сомневается, что смерть наступила в результате самоубийства из-за автомобильного выхлопа угарного газа, но ему требуется информация о вечеринке, устроенной в доме Джонса за ночь до его смерти. Эггамс получил сведения, что Джонс угрожал покончить с собой на вечеринке после того, как рассердился на десятилетнего мальчика, который хотел уйти с одним из тридцати пяти гостей.

Расследование коронера спровоцировало местные политические волнения. Окружной прокурор МакКоннелл отказался предоставить Эггамсу следователя. Коронер запросил следователя, поскольку, по его словам, обычного расследования будет недостаточно из-за необходимости дачи показаний под присягой. Как выразился Эггамс, «тут слишком много для обычного расследования». Он сказал, что расследование будет сосредоточено на возможности принуждения и возможной «общественной проблеме», вызванной сообщением о присутствии трех мальчиков в возрасте от десяти до пятнадцати лет на вечеринке у Джонса. К этому времени Департамент шерифа округа Уокешо проводил собственное расследование, и 5 августа окружным судьей Уильямом Э. Грэмлингом было начато дознание *Джона Доу* [неизвестных] событий, приведших к самоубийству.

Когда о дознании было объявлено впервые, МакКоннелл осторожно заметил, что расследование «не предназначается для того, чтобы копаться в частной жизни умершего человека». Но это, тем не менее, произошло, и менее чем через неделю МакКоннелл сообщил прессе Милуоки, что Джонс «вел двойную жизнь гомосексуалиста, участвуя в порче многих маленьких мальчиков». Секретное дознание проходило в редко используемом зале на третьем этаже здание суда, с помощниками шерифа, охранявшими коридоры. МакКоннелл сказал, что судья Грэмлинг издал приказ о том, что пресса не должна связываться со свидетелями или брать у них интервью, и что те должны быть защищены от фотографов, магнитофонов и «других журналистских устройств». Цель дознания, сказал МакКоннелл, заключалась в том, чтобы определить, были ли нарушены законы, касающиеся сексуальных извращений, непристойных вольностей с детьми, или чего-то, способствующего правонарушениям среди несовершеннолетних, и если да, то кем именно.

С этого момента город погрузился в политические беспорядки почти так же, как и Бойсе из штата Айдахо. За обвинениями последовали встречные обвинения, плюсы и минусы каждого обсуждались в газетах. Пресса сообщила, что видные фигуранты этого дела находятся под покровительством (так же, как и в Бойсе), а окружной прокурор горячо отверг эти обвинения. В прессу просочились «неназванные источники», и к 14 августа все стало на свои места.

Пяти мужчинам, знакомым Джонса, в окружном суде были предъявлены обвинения в общей сложности по 61 пункту. МакКоннелл сказал, что он удовлетворен тем, что дознание (в ходе которого перед судьей Грэмлингом дали показания двадцать шесть человек, в основном несовершеннолетние) охватило всю преступную деятельность. МакКоннелл также заявил, что гомосексуальные действия с участием несовершеннолетних происходили в доме Джонса и, по-видимому, продолжались в течение некоторого времени. МакКоннелл с беспокойством отметил, что жалоб ни от подростков, ни от их родителей не поступало.

Касательно лагеря бойскаутов, окружной прокурор заявил, что ряд обвинений был основан на инцидентах, произошедших там, когда двое из пяти обвиняемых управляли лагерем. Многим мальчишкам давали пиво и ликер, от которых кто-то пьянел, а кому-то становилось плохо. Расследование выявило тот факт, что имели место шестнадцать отдельных «непристойных» инцидентов с участием четырнадцати мальчиков. В одном из сообщенных инцидентов мальчики в доме Джонса плавали обнаженными, когда к ним присоединилась тринадцатилетняя девочка, которая также сняла купальный костюм по просьбе Джонса. По информации, предоставленной на дознании, Джонс тогда пытался поощрять сексуальные домогательства, но из этого ничего не вышло.

Затем «надежный источник» сообщил «Милуоки Сентинел», что пятеро мужчин, обвиненные в совершении преступлений, были лишь «верхушкой айсберга», и добавил: «Генералы на свободе, а младшие лейтенанты привлечены к ответственности». Тот же источник также пролил некоторый свет на то, что произошло на вечеринке в доме Джонса. Джонс пригрозил покончить с собой, если десятилетний мальчик покинет вечеринку с двумя другими мужчинами. Источник рассказал, что, поскольку на этой сугубо мужской вечеринке присутствовало от тридцати до тридцати пяти человек, маловероятно, чтобы присутствующие

не знали о том, что происходит незаконная деятельность, «когда принимали выпивку от десятилетнего мальчика». Источник также сообщил, что гомосексуальные группы могли быть ответственны как минимум за одно самоубийство (это относится к смерти, случившейся за год до событий - бывший администратор продовольственной службы больницы Уокешо 44-летний Рим Тафт покончил жизнь самоубийством, выстрелив себе в голову в мотеле Милуоки, когда его разыскивала полиция Уокешо по обвинению в нарушении нравственности в отношении четырнадцатилетнего мальчика).

Источник «Милуоки Сентинел» добавил к этой истории еще один штрих, заявив, что гомосексуальная группировка Джонса могла сформироваться десять лет назад, или даже более.

Ссылаясь на первый скандал в Уокешо во Фрейм-парке, информатор газеты указал, что все участники носили белые туфли в качестве средства идентификации, в то время как Джонс использовал серию флагов, развевающихся над флагштоком его дома в качестве сигналов для приглашения избранных друзей.

Как и скандал в Бойсе, скандал в Уокешо в конце концов утих. Официальный представитель головного скаутского совета Потаватоми Х. У. Пибоди, объявил, что два предводителя скаутов будут сняты со своих должностей. Ещё один мужчина, обвиненный в сексуальных извращениях, работал преподавателем в школе для умственно отсталых детей. Директор школы заявил, что ему не разрешат преподавать, пока с него не будут сняты обвинения.

И это может занять некоторое время. По состоянию на октябрь 1975 [книга издана в 1976 году] года обвиняемые только достигли стадии предварительного слушания, и представитель окружной прокуратуры Уокешо сказал: «Дело имеет все признаки затягивающегося судебного разбирательства». Окружной прокурор Ричард Б. МакКоннелл уже потерпел поражение в своей попытке переизбраться на новый срок.

ЧАСТЬ II. ПРИЧИНА

ГЛАВА 6. ИСТОРИЯ МАЛЬЧИШЕСКОЙ ПРОСТИТУЦИИ

«В Сайгоне мальчики работают "корзинщиками"»

Мальчишеская проституция не является продуктом наших бурных времен. Это не результат сексуальной вседозволенности. Это элемент американского образа жизни, существовавший все время и теперь проявившийся вместе с растущим признанием гомосексуализма.

История мальчишеской проституции уходит своими корнями в самое глубокое прошлое, что может проследить любой исследователь. Существует множество свидетельств её существования в литературе, пьесах, стихах, на фресках и в других произведениях искусства. Вообще, расцвет этого явления связан с греко-римскими империями, когда рабство было настолько распространенным, что создавало идеальные условия для гомосексуального проявления. Похоже, общее одобрение гомосексуализма греками повлияло на персов, и затем было передано вместе с другими греческими традициями в Римскую империю, где проституция среди мальчиков стала обыденным явлением.

В богатых римских семьях стало модным предоставлять своим сыновьям юных рабов мужского пола для использования их в качестве сексуальных партнеров до женитьбы собственных отпрысков. Но в то время как пользование римлянами мальчиков было связано с рабством, мужскими публичными домами и уличной проституцией, греческий подход был совершенно иным.

Греческая концепция отношений мальчика с мужчиной представляла собой взаимосвязь ученика с учителем. И действительно, в дорическом диалекте под общим словом «любовник» на самом деле подразумевался «вдохновитель» - это означало, что взрослый во всех отношениях отвечал за благополучие мальчика. Общеизвестно, что греки проводили четкую границу между сексуальной активностью с детьми и сексуальной активностью с юношами. Ссылки на проституцию среди мальчиков в греческой литературе всегда относились к половозрелым мальчикам; к мальчикам, достигшим совершеннолетия. В Древней Греции сексуальные сношения с неполовозрелыми детьми сурово наказывались. Чтобы понять любовь греков к мальчикам, нужно взглянуть на идеал красоты греков. Ганс Лихт [c] в своей книге «Сексуальная жизнь в Древней Греции» объясняет это так:
«Самое фундаментальное различие между древней и современной культурой состоит в том, что древняя культура во всем мужественна и женщина входит в схему греческого мужчины только в качестве матери его детей и распорядителя домашних дел. Античность относилась к мужчине, и только к мужчине, как к средоточию всей интеллектуальной жизни. Это объясняет, почему воспитанием и развитием девочек пренебрегали так, как мы едва ли можем понять; но мальчики, с другой стороны, должны были заканчивать свое образование гораздо позже, чем ныне».

Самый своеобразный греческий обычай, согласно нашим современным представлениям, заключался в том, что каждый мужчина привлекал к себе какого-нибудь мальчика или юношу, и в интимной жизни служил ему советником, опекуном и другом, побуждая его ко всем мужским добродетелям. Подобный обычай особенно преобладал в древних дорических государствах [Дорийцы, или доряне — наряду с ахейцами, ионийцами и эолийцами являлись одним из основных древнегреческих племён], и это было настолько само собой разумеющимся, что мужчину, не сумевшего приобрести себе юного подопечного, считали

безответственным. Кроме того, подобное считалось позором и для семьи мальчика – и для самого мальчика – если он не был выбран и удостоен дружбы какого-либо мужчины. Как только подобный выбор был сделан, взрослый брал на себя полную ответственность за действия и воспитание своего юного подопечного и разделял с ним и порицание, и похвалы. Например, Плутарх рассказывает об одном мальчике, который занимался спортом и получил травму. И когда мальчик закричал от боли, его старший друг был наказан. Плутарх постоянно делал акцент на отношениях между мужчиной и мальчиком; они считались самыми мужественными и желанными, и напрямую отвечали за доблесть греков на поле боя. Платон полагал, что армия, состоящая из подобных любовников, сражающихся друг за друга, может победить весь мир.

В то время как многие греческие писатели представляли гомосексуальность как облагораживающее и нормальное явление, современные эксперты до сих пор расходятся во мнениях относительно того, отражало ли это точку зрения греческого общества в целом или только точку зрения греческой элиты.

Существуют также разногласия относительно того, были ли отношения между мальчиком и мужчиной преимущественно сексуальными или философскими [платоническими]. Но хотя гомосексуальность процветала и полностью принималась греками, она редко бывала исключительным каналом любви как для мужчин, так и для женщин.

Первые свидетельства проституции среди мальчиков появляются в римской истории, по крайней мере, в том, что касается нынешнего определения слова «проститутка».

В большинстве римских городов имелись дома мальчиков-проституток, обеспечивающие нужды наиболее бедных римлян. Владельцы публичных домов отправляли агентов на невольничьи рынки в поисках привлекательных мальчиков (часто в возрасте от трех лет) для покупки и последующего обучения. Затем их помещали в специальные школы и воспитывали в убеждении, что их единственная функция в жизни — доставлять сексуальное удовольствие взрослым мужчинам, у которых есть деньги и желание платить за такие услуги.

Одним из самых известных из юношей того времени был выпускником подобной школы. Антиной императора Адриана так пленил своего хозяина, что статуи мальчика были установлены по всей Римской империи; некоторые из них до сих пор можно увидеть в музеях по всему миру. В то время как все эти мальчики являлись проститутками (доступными для всего, за что платил клиент), они были в первую очередь рабами, так как действовали по указанию, а не по выбору.

Поскольку римские легионы постоянно перемещались, проституция процветала. От политиков требовались очень частые перемещения со сборами в кратчайшие сроки, и они не всегда могли захватить собой домочадцев или слуг. То же требовалось и от военачальников. Торговцы месяцами странствовали по провинциям страны. Именно подобные

перемещения/странствия населения в сочетании с легкодоступными рабами обеспечивали идеальный рынок для проституции.

Уличная проституция в крупных римских городах была обычным явлением. В самом Риме центром подобной активности являлся Колизей, где полчища юношей стояли в ожидании посетителей, которых привлекал цирк внутри - он в последние дни Империи почти всегда содержал сексуальные элементы. И мальчики, и девочки-проститутки были готовы и ждали заинтересованных клиентов.

Палатки с закусками, в которых часто демонстрировались непристойные танцы ради повышения сексуального настроя толпы, только что вышедшей из цирка, стояли в аркадах Колизея и вокруг него. Мальчики демонстрировали свой товар, приподнимая туники и демонстрируя свои гениталии. После того, как клиент делал выбор, его вели в ближайшую клетушку, закрытую занавеской, которая обеспечивала минимальную конфиденциальность.

Римские солдаты (как правило, бисексуалы) являлись особой мишенью для юных проституток. Преобладающее мнение римлян заключалось в том, что девочки могли предоставить лишь ограниченные возможности для секса, а мальчики были необходимы для всесторонней программы. Поскольку римским солдатам было разрешено держать при себе мальчиков, плененных в бою, не было ничего необычного в том, что трое или четверо римских солдат совместно обеспечивали мальчика едой и содержали его в обмен на использование его тела. Многие мальчики, ранее не занимавшиеся проституцией, впервые испытали принудительный гомосексуальный опыт в солдатской палатке римской армии.

Ситуация за прошедшие годы не сильно изменилась; это касается не только самой активности, но и регионов. В 1955 году Альфред Кинси [доктором Альфредом Кинси, Уорделлом Помроем и другими написаны «Отчёты Кинси» — две монографии, изданные в 1948 году, о сексуальном поведении человека: «Сексуальное поведение самца человека» и «Сексуальное поведение самки человека»] совершая поездку по Европе, обнаружил, что район Колизея остается таким же развратным, как и в прежние времена. Соратник Кинси, Уорделл Помрой, в своей биографии Кинси так описал эту сцену:
«В то время, когда Кинси был в Риме, Колизей являлся центром сексуальной активности. Его темные проходы, бесчисленные ниши и углы делали его идеальным местом для подобного. В одном конце находился алтарь с вечно горящей свечой в память о мучениках, и в первую ночь, когда Кинси оказался там, была Святая ночь. Он стал свидетелем странного зрелища: люди проводили службу у алтаря, а вокруг них шел безудержный секс. Кинси видел более тридцати пар во всех видах сексуальных контактов, от ласк до полового акта».

«По Колизею бродило множество разных людей — проститутки, гомосексуалы и те, кто искал разнообразных сексуальных контактов».

Помрой добавил, что Кинси считал наиболее примечательным аспектом этих действий отсутствие насилия, которого можно было ожидать в аналогичной американской сцене. Кинси

также описал другое место гомосексуальной и гетеросексуальной активности в Риме: знаменитую Испанскую лестницу. Он отметил, что гомосексуалы на Ступенях казались старше тех, что были в Колизее. У первых возраст варьировался от шестнадцати до двадцати, тогда как среди вторых имелось много молодых людей в возрасте от тринадцати до четырнадцати лет.

Кинси нашел Неаполь еще более раскованным, чем Рим. Помрой рассказывает, что Кинси обнаружил возможность наблюдать за множеством людей, охотящихся за сексом в любое время дня и ночи. Главным местом для подобного была знаменитая Галерея, где бродячие группы маленьких детей подходили к посетителям и предлагали отвести их к девочкам; если это не срабатывало, они предлагали мальчиков - даже своих младших или старших братьев и, наконец, самих себя.

Помрой сообщает, что Кинси видел, как мужчины в возрасте от тринадцати до пятидесяти выставляли себя напоказ в общественных туалетах в парках и на вокзалах, демонстрируя, что они готовы к сексуальному контакту.

Ранее подобная сексуальная активность в Неаполе упоминается в «Сатириконе» и тщательно детализируется в «Изгнании с Капри» Роже Пейрефитта. Пейрефитт пишет, что при испанском правлении в Неаполе войска размещались в неаполитанских домах. Семьи, имеющие как сыновей, так и дочерей, поощряли сыновей к сексуальным контактам с испанскими солдатами в надежде отвлечь внимание от дочерей, и тем самым защитить их невинность.

С годами Неаполь приобрел репутацию пристанища для педерастов, привлекая их со всех концов Европы. Во время Второй мировой войны разруха и вытекающая из нее бедность привели к тому, что детская проституция достигла небывалого уровня как в Италии, так и в Германии.

Неаполь сегодня по-прежнему является обязательным пунктом для путешествующих педерастов. Несмотря на то что организованные бордели мальчиков-проституток либо исчезли, либо ушли в подполье, местные пляжи, кинотеатры и некоторые отели по-прежнему служат убежищем для подобной активности. К одиноким мужчинам, прибывающим в транспортные центры, часто подходят гиды, предлагающие номер в гостинице вместе с мальчиком. Кинси заметил, что в Риме посыльный, пришедший в комнату, довольствуется чаевыми, тогда как в Неаполе он мог сесть, давая понять, что был бы рад остаться для других целей.

Следует сказать, что Помрой намекает - Кинси не был равнодушен и к другим аспектам жизни в итальянских городах. Он утверждает, что в дневнике Кинси часто говорится о бедности в Неаполе и других частях Италии, и продолжает:
«Кинси прекрасно осознавал, что часть обильной сексуальности, направленной на него и любого другого очевидного американца, была мотивирована отчаянной потребностью в деньгах».

Потребность в деньгах, по-видимому, является общим знаменателем почти всех случаев мальчишеской проституции как в Соединенных Штатах, так и за рубежом. Но бедность за границей по сравнению с бедностью в США — совсем другое дело. Очень часто в более бедных странах слово «бедный» приравнивается к голоду и отчаянию. Во многих неблагополучных странах можно буквально купить мальчика на полупостоянной или даже на постоянной основе.

В новостях из Шри-Ланки (бывший Цейлон) говорится, что детей плантаторов на острове продают в рабство менее чем по пять долларов за штуку. В мае 1975 репортер лондонской «Санди Таймс» мог бы купить восьмилетнего мальчика года за сорок рупий -это примерно 3,85 доллара. Репортер сказал, что мальчик, Раджу, был одним из сотен детей, которых продавали их голодные родители, работающие на чайных и каучуковых плантациях примерно за семнадцать долларов в месяц на всю семью.

Когда репортер спросил мать, почему она продает сына, она ответила: «Сухой сезон. Очень мало работы. Много дней без еды. Теперь мы сможем хоть что-то купить». Репортер сказал, что дал женщине сто рупий и велел ей не продавать сына.

В подобных историях из бедных стран нет ничего нового, особенно из Индии. Железнодорожные станции в Карачи, Бомбее и Калькутте кишат мальчишками всех возрастов, готовыми предложить широкий спектр сексуальных услуг за сущие копейки. В Индии на протяжении сотен лет имелся сильный сексуальный интерес к детям. Кое-что из подобного проявляется сегодня в статуях, окружающих многие индийские храмы, и изображающих то, что многие американцы сочли бы извращениями. Эти святыни раньше являлись центрами детской проституции, и гиды предлагают множество объяснений, почему эти статуи находятся там. Некоторые рассказывают туристам, что статуи изображают грехи, из-за которых люди приходят в храм, чтобы получить прощение. Другие говорят, что статуи напоминают прихожанам, от каких мыслей следует избавляться перед тем, как войти в храм, — интересное объяснение, которое должно порадовать сердце современных порнографов.

Во время Второй мировой войны на печально известной улице Сестер в Бомбее выставлялись как мальчики, так и девочки-проститутки - в подвесных клетках наподобие животных.

Турист мог пройти по улице и осмотреть любого из заточенных; их можно было толкать, в них можно было тыкать сколько душе угодно. Как только турист делал свой выбор и с «владельцем» заключался денежный договор, объекта торга выпускался из клетки и отводился в маленькую неряшливую комнату. Можно было потребовать любое извращение, и услуга предоставлялась, если цена оказывалась подходящей. Мальчики в возрасте от девяти до тринадцати лет могли обслуживать в таком качестве до сотни человек в день. Уличные мальчишки также проявляли хорошую осведомленность и водили своих клиентов по ночам на

близлежащие футбольные поля - большие темные арены, зачастую заполненные совокупляющимися парочками.

Сегодня [книга издана в 1976 году] во многих странах Ближнего Востока также можно найти мальчиков либо в подпольных борделях, либо работающими на улицах. Таиланд, Камбоджа и Вьетнам известны своей беззастенчивой мальчишеской проституцией. В Сайгоне [ныне Хошимин – город во Вьетнаме] мальчики всех возрастов работают «корзинщиками». Они слоняются по супермаркетам и торговым центрам, наблюдая за одиноким взрослым самцом, делающим покупки. Когда он собирается уходить, мальчики бросаются к нему, предлагая за несколько мелких монет отнести корзину с продуктами к нему домой. Попав туда, они открыто приглашают клиента к сексуальной игре, обычно предлагая активный оральный секс. После того, как сделка оказывается заключенной и выполненной, они тем же вечером неизменно возвращаются домой к этому взрослому, надеясь на повторение.

Фактические данные о Востоке очень сильно разнятся, заставляя выдвигать только предположения, хотя гомосексуальность практиковалась там с древнейших времен. Античная китайская литература содержит множество описаний мужчин, занимающихся любовью с мальчиками. Имеется интересное различие между китайскими и греческими вкусами: в то время как последние предпочитали мужественных, спортивных мальчиков, первые отдавали предпочтение женоподобным, сильно накрашенным мальчикам, обученным проституции до степени совершенства. Деннис Дрю и Джонатан Дрейк в своей книге «Мальчики на продажу» [c] описывают это так:
«Мальчики в публичных домах почти все были китайцами, купленными в совсем юном возрасте у родителей или у похитителей. Похитителей редко привлекали к ответственности, пока они платили нужным чиновникам».

«Белых европейских детей и случайного малайца можно было найти в ... любом приличном китайском борделе... даже негритянский мальчик был обнаружен в шанхайском «доме».

«Если уж на то пошло, шанхайские публичные дома имели репутацию способных предоставить все, что мог запросить клиент... любого возраста, любого пола и для любого акта».

«После Первой мировой войны в этих публичных домах было довольно много белых русских детей… в основном это сироты, потерявшиеся или брошенные в младенчестве. Вероятно, дети, которых предлагали в качестве "французов" или "немцев", на самом деле были русскими или, что столь же легко, отпрысками европейских моряков, которые часто посещали белых проституток в морских портах».

В книге также рассказывается об английском моряке, который обнаружил одиннадцатилетнего английского мальчика в кантонском борделе. Его запястья были скованны за спиной в течение двух лет, потому что он становился «непослушным», когда с него снимали цепи. Мальчик сказал матросу, что его заковывали в цепи, потому что он протестовал против изнасилований, случавшихся по двадцать-тридцать раз за ночь.

Мексиканские города югу от границы с США могут посоперничать с Калькуттой и Бомбеем по доступности мальчиков. И действительно, журнал под названием *Gay Mexico*, издаваемый каждый год, посвящен «всем геям Северной Америки, путешествующим на юг от границы, и всем тем сказочным мексиканским мальчикам, которые делают их счастливыми». В журнале имеются разделы «Как сделать это в Мазатлане», «Активность в Акапулько» и «Пуэрта-Валларта, рай для пикаперов». В то время как сам журнал, в основном, посвящен приключениям и личным любовным связям его автора, его коммерческая ценность заключается в том, что в нем перечисляются города Мексики, где можно заняться подобным. Автор комментирует предложение двух юных чистильщиков обуви и добавляет: *«Да, если вы педофил* [так в оригинале!], *вы легко сможете найти множество доступных детишек в Мексике!»*

Две группы, действующие в Лос-Анджелесе, очевидно, обнаружили готовый рынок для юных мексиканских мальчиков, организовав циклическую службу доставки. Пара взрослых едет в любой из приграничных городов Мексики близ Калифорнии и набирает четырех подростков для поездки в Лос-Анджелес. Перед отъездом из Мексики мальчиков отмывают и одевают в почти новую одежду, чтобы они выглядели, по возможности, американцами мексиканского происхождения. Переправить их через границу в Соединенные Штаты — дело сравнительно простое, о чем свидетельствует тот факт, что в настоящее время в Калифорнии проживает около миллиона нелегалов.

Как только мальчики прибывают в Лос-Анджелес, их распределяют по нетерпеливо ожидающим клиентам. По завершении работы их отвозят обратно в Мексику и заменяют новыми рекрутами. Полицейские протоколы демонстрируют, что один школьный учитель из Лос-Анджелеса каждые три месяца перевозил группы мальчиков в возрасте от семи до тринадцати лет через границу, в качестве источника используя город Эрмосильо. С тех пор он прекратил эти операции и добровольно поступил на лечение в частное учреждение.

Как и в странах Востока, крайняя бедность является ключом к мексиканскому рынку, а деньги — его средством. Житель Тусона рассказал: «Я регулярно езжу в Мексику на выходные и знаю, что в любом городе или в любой деревне это просто вопрос выбора. Чистильщики обуви, газетчики, мальчики, которые моют вашу машину… все они легко доступны».

Он добавил: «Я предполагаю, что там этого [проституции] много, потому что каждый мальчик, который у меня был, занимался этим уже раньше… с американцем».

Как и в Сайгоне, Бейруте, Калькутте, Мехико и других крупных городах мира, «гамины» Колумбии собираются толпами у ночных клубов, отелей, туристических центров — дерзкие, опытные и агрессивные.

Они будут носить ваши пакеты, мыть вашу машину, чистить обувь, все время требуя мелкие деньги в уплату. Они также готовы украсть что-нибудь небольшое, что можно быстро унести, а

затем продать. Как и в других городах, в том числе и в Соединенных Штатах, эти мальчики — продукт демографического взрыва, высокого уровня безработицы и безнадежного будущего.

В Боготе (Колумбия), примерно 10 000 детей всех возрастов живут на улицах, занимаясь проституцией днем и надеясь найти хоть какой-нибудь приют ночью. Мировые центры бедности становятся международным гаремом для странствующих педерастов. Предельная мечта этих уличных мальчишек состоит в том, что когда-нибудь они встретят богатого туриста, которому понравятся настолько, что он увезет их из этой нищенской жизни в другой, безопасный мир. Кому-то удается подобное. Большинству - нет.

В Европе один лондонец сказал: «Я езжу в Испанию так часто, как только могу, из-за большого разнообразия доступных мальчиков, и я встречал многих красавцев. Я чувствую, что некоторые из них отчаянно хотят постоянных отношений, и есть много мальчиков, которых я бы с удовольствием привез в Англию на постоянной основе. Но слишком большая бюрократия и слишком много вопросов со стороны чиновников, чтобы заниматься подобным».

Он рассказал об одном случае, когда пытался договориться о цене с двумя юными братьями, которых встретил на пляже. Когда все было улажено, один из мальчиков поспешил прочь и через несколько минут вернулся в сопровождении матери. Прежде чем англичанин смог полностью прийти в себя из-за шока от встречи с родительницей, мать спокойно озвучила цифру двухнедельного срока полного использования мальчиков.

В книге «Мальчики на продажу» рассказывается о немецком правительственном чиновнике, который спрашивал у начальника испанской полиции, почему ничего не делается с полчищами мальчиков на пляже, предлагающих себя туристам, которые спокойно делают свой выбор. Начальник полиции ответил, что невозможно предотвратить преступление, когда все 100% населения либо вовлечены в него, либо каким-то образом извлекают из него прибыль. Кроме того, с точки зрения закона Испания в отношении к подобному является, вероятно, одной из самых либеральных стран в Европе. Полиция не вмешивается до тех пор, пока имеется добровольное согласие мальчика, особенно с полного ведома его родителей, хотя известны случаи, когда полицейские требовали взяток от туристов. За Гибралтарским проливом, в Алжире и Марокко добычу найти также легко, особенно в туристических центрах подобных Касабланке и Марракешу. Я спросил у одного туриста, как он определяет доступность мальчиков, и как устанавливает с ними контакт. Он ответил: «Я просто выбираю любого на улице, показавшегося мне привлекательным, и делаю ему предложение». Он добавил, что за пять отпусков в Марракеше ему ни разу не отказали.

Филиппины уже издавна считаются счастливыми охотничьими угодьями. В Маниле мальчиков называют «птичьими мальчиками», они начинают заниматься проституцией в очень раннем возрасте. Сочетание малайской терпимости к сексуальному разнообразию с ближневосточными обычаями, привнесенными мусульманами, создали атмосферу, благоприятную для мальчишеской проституции. «Птичьи мальчики» фигурируют в фильмах, пьесах, телешоу и даже в газетных комиксах.

Отели в Пуэрто-Рико начали размещать рекламу в газетах для геев в Соединенных Штатах - в рекламе обычно изображается хорошо сложенный обнаженный юноша, лежащий в гамаке. Несколько пуэрториканских ребят, занимающихся проституцией в Нью-Йорке, рассказали, что научились своему ремеслу в Пуэрто-Рико, после чего переехали в Соединенные Штаты. По их словам, их привлекли сообщения, что на материке более высокие цены на их услуги.

Существует множество свидетельств доступности мальчиков на улицах Нью-Йорка в былые времена. Милтон Ругофф предлагает много информации в своем исследовании сексуальности в викторианской Америке под названием «Prudery and Passion / Ханжество и страсти (1971)».

Ругофф описывает итальянских падрони 1880-х годов, руководивших группами мальчиков и девочек, просивших милостыню на улицах. Падрони также открывали публичные дома, в которых главной достопримечательностью были девочки десяти-двенадцати лет.

Ругофф пишет:
«Когда преподобный Паркхерст, призывающий к новому крестовому походу, настоял на том, чтобы увидеть нечто похуже, чем обычные дома терпимости, его отвели в клуб удовольствий «Золотое правило» на Западной Третьей улице. Посетителей проводили в подвал, разделенный на кабинки; в каждой из них сидел юноша с накрашенным лицом, [у которого были] манеры юной девушки, высокий фальцет и девичье имя. Когда гид прошептал преподобному Паркхерсту, что это мальчики, священник в ужасе убежал».

Ругофф добавляет, что подобные заведения имелись и в других частях города.

В Сан-Франциско мальчишеская проституция появилась рано, примерно во второй половине XIX века, во времена золотой лихорадки. То были дни печально известных «колышковых мальчиков» - этот термин произошел от ближневосточных обычаев, согласно которым мальчики должны были сидеть на смазанных маслом деревянных колышках ради расширения своего ануса. Клиенты могли видеть размер и диаметр вставляемого колышка и выбрать себе мальчика подходящего размера.

В книге «Мальчики на продажу» рассказывается, что большинство мальчиков в Сан-Франциско были беглецами, отправившимися на Запад в поисках приключений.
«На них легко охотились и соблазняли хитрые агенты, получавшие от 100 до 500 долларов за каждого мальчика, которого они передавали синдикату борделей».

В тот же период гомосексуальный бордель в Лондоне [с] предлагал услуги юных разносчиков телеграмм. Борделю покровительствовали представители высших эшелонов викторианского общества, а также некоторые обитатели самого Букингемского дворца. После того, как полиция провела обыск в борделе на Кливленд-стрит и посадила в тюрьму двух мужчин, управлявших им, для защиты клиентов была организована серия сокрытий — сокрытий, которые могли бы посоперничать с Уотергейтским скандалом [политический скандал в США 1972—1974 годов, закончившийся отставкой президента страны Ричарда Никсона].

Эта история не была известна до марта 1975 года, когда британские официальные лица обнародовали семь ящиков документов, демонстрирующих, как викторианский истеблишмент сомкнул ряды, чтобы защитить своих дворян, в том числе рыцарей королевства. Документы показывают, что принц Альберт Виктор, герцог Кларенс [старший сын Эдуарда, принца Уэльского и Александры Датской; старший внук королевы Виктории по прямой мужской линии, 1864-1892] был тесно связан с этим делом. Он являлся паршивой овцой в семье королевы Виктории, а также, возможно - как полагают некоторые современные исследователи - печально известным убийцей-Джеком Потрошителем. Лорд Артур Сомерсет, конюший Эдуарда, принца Уэльского, был настолько вовлечен в это дело, что ему пришлось бежать из страны, чтобы избежать судебного преследования, несмотря на усилия Эдуарда (старшего сына королевы Виктории) защитить его. Эдуард, который позже стал королем Эдуардом VII, лично принимал участие в сокрытии, в то время как лорд Солсбери, премьер-министр, и два других министра правительства умоляли полицию и генерального прокурора сохранить дело в тайне. Полиция была полна решимости привлечь к ответственности лорда Артура, но их усилия оказались тщетными. К моменту выдачи ордера на арест, лорд Артур, действуя по подсказке премьер-министра, сослал себя во Францию. «В таком деле, как это, — писал один из представителей прокуратуры, — никогда не знаешь, что можно сказать».

Такого ещё никогда не бывало. Лондонское дворянство, несомненно, вздохнуло с облегчением, когда угроза скандала, наконец, утихла. Высоко нравственный облик викторианского общества был спасен! Но следует задаться вопросом, думал ли этот судья о скандале на Кливленд-стрит и сопутствующих ему ужасах, когда примерно десять лет спустя он приговаривал Оскара Уайльда к тюремному заключению за содомию.

Судья сказал тогда:
«...преступление, за которое вы осуждены, настолько тяжко, что нужно проявлять суровую сдержанность, дабы защитить себя от описания на языке, который я предпочел бы не использовать, тех чувств, которые поднимаются в сердце каждого честного человека, который слышал подробности этих двух страшных судебных процессов...

... Мне бесполезно обращаться к вам. Люди, которые могут совершать подобные вещи, должно быть, мертвы для всякого чувства стыда, и нельзя надеяться произвести на них какое-либо впечатление. В сложившихся обстоятельствах от меня ожидают самого сурового приговора, который допускает закон. На мой взгляд, он совершенно не подходит для такого дела, как это».

Незадолго до вынесения приговора Уайльду лорд Артур вернулся в Англию, чтобы присутствовать на похоронах родственника. Ему намекнули, что будет лучше, если он не станет задерживаться.

22 сентября 1975 года судья Центрального уголовного суда в Лондоне призвал очистить лондонский Вест-Энд, после вынесения того, что сам назвал «устрашающими» приговорами по

делу о порочной деятельности, связанной с «мальчиками по вызову» из зала игровых автоматов на Покадили.

Судья Алан Кинг-Гамильтон в Олд-Бейли приговорил Чарльза Хорнби, тридцатишестилетнего страховщика из *Lloyd's of London* и ещё четверо других мужчин, участвовавших в этом деле, к тюремному заключению на срок от двух с половиной до шести с половиной лет за грубую непристойность и сговор с целью совершения непристойных действий, заявив: «Пока вы на свободе, ни один мальчик не находится в безопасности».

Как выяснилось в суде, мальчики без гроша в кармане, сбежавшие из дома, собирались возле игровых автоматов, а затем становились легкой добычей мужчин, предлагавших им еду и кров.

Зал игровых автоматов назывался «Плейлэнд».

Глава 7. ПОРНОГРАФИЯ ПЕРВАЯ

«Родители мальчиков уже достаточно натерпелись».

Пока Скотт проверяет свою записную книжку, а Джимми бросает следующий четвертак в автомат для игры в пинбол, еще один тип мальчика-проститутки терпеливо ждет телефонного звонка или наблюдает за почтальоном. Многие мальчики, особенно постарше, теперь используют подход Мэдисон-авеню [в XIX—XX веках на Медисон-авеню располагались офисы основных рекламных агентств США, вследствие чего название улицы стало нарицательным обозначением американской рекламной индустрии в целом] для собственной рекламы в разделах объявлений определенных газет. Объявления, обычно размещаемые в разделе «Персональные услуги», предлагают массаж на дому, фотомоделирование (также на дому) и личные демонстрации секс-игрушек. Там также присутствуют объявления взрослых, ищущих развлечений с очень юными.

Очевидно, что подобная форма рекламы работает, поскольку в книжных магазинах для взрослых появился новый журнал под названием *Boy Gay-Zette*. Это не что иное, как определенные объявления изо всех штатов США, а также из Пуэрто-Рико и Канады. Некоторые объявления содержат небольшую фотографию рекламодателя вместе с кратким описанием его запросов и неизбежным номером почтового ящика для связи. В оформлении журнала присутствуют очевидные несоответствия. Только некоторые фотографии расположены так, чтобы было понятно, к какому рекламному объявлению они относятся. Другие картинки

просто вброшены наугад; это те же фотографии обнаженных мальчиков, которые можно увидеть во многих общенациональных «цыплячьих» журналах.

Boy Gay-Zette приобретает международный колорит за счет рекламы из Австралии, Испании, Германии, Франции и Южной Африки, и это лишь некоторые из перечисленных стран. Невозможно узнать, сколько рекламных объявлений являются подлинными, сколько являются мошенническими, а сколько было размещено полицейскими управлениями, занимающимися поиском потенциальных клиентов.

Было несколько попыток устроить подобные схемы «мальчиков по почте» в больших масштабах. Одна такая схема была раскрыта после массовых убийств в Хьюстоне. В действительности, именно предполагаемая связь с убийствами в Хьюстоне (позже оказалось, что предположение неверно), закрыла *Odyssey foundation* в Далласе ещё до того, как он преступил к своей деятельности. Вот как должен был работать этот фонд:

Спонсоры, выбранные из основного списка в 50 000 потенциальных клиентов, были приглашены присоединиться к фонду за вступительный взнос в размере пятнадцати долларов. За дополнительные три доллара им присылали буклет под названием «Стипендиаты 1973 года», который представлял собой каталог фотографий и мини-биографий сотен доступных мальчиков. В буклетах фонда благопристойно разъяснялось, что *Odyssey foundation* организует встречу спонсоров с любым из этих молодых людей, если они того пожелают:

«За удивительно скромную плату (от 20 до 40 долларов в день плюс стоимость авиабилетов), спонсор может ускорить запланированную программу товарищества и получить возможность поучаствовать в приключениях».

Odyssey foundation принадлежал и управлялся сорокапятилетним Джоном Полом Норманом, бывшим музыкантом и продюсером телерекламы, в чьем полицейском досье значилось два ареста в Хьюстоне за растление малолетних и содомию. Молодых людей уговаривали присоединиться к организации Нормана через объявления в изданиях для гомосексуалов или путем прямой вербовки беглецов, болтающихся на автобусных станциях *Greyhound* и *Trailways*. Крах Нормана случился из-за жалобы Чарльза Бризендайна.

Бризендайн, которой тогда был двадцать один год, отозвался на одно из опубликованных объявлений и был приглашен спонсором в Даллас. Когда он прибыл, он провел ночь в квартире Нормана. Они занимались сексом. Норман объяснил свою схему Бризендайну, по-прежнему придавая этой операции видимость «спонсорской помощи». Но Бризендайна было обмануть не так-то просто. Для него стало очевидным, что Норман создает сводническую структуру, и многих молодых людей, которые будут служить «стипендиатами», собираются заманить в Даллас под ложными предлогами. Когда Бризендайн начал просматривать брошюры *Odyssey foundation*, он обнаружил, что несколько «товарищей» пропали без вести, а информация, относящаяся к ним, была помечена словом «убить».

Это потрясло Бризендайна. В то время ужасные убийства в Хьюстоне попали в заголовки газет всего мира, и Бризендайн заметил, что Норман постоянно разговаривает по телефону с Хьюстоном и раздражается всякий раз, когда поднимается тема убийств. Бризендайн уверился, что *Odyssey foundation* каким-то образом связана с убийствами в Хьюстоне. Он позвонил в лос-анжелескую газету для геев, «Адвокат», за советом. «Адвокат» связал Бризендайна с собственным корреспондентом в Далласе, Робом Шиверсом.

Хотя Шиверс сомневался, что *Odyssey foundation* связан с убийствами в Хьюстоне, он посоветовал Бризендайну (после нескольких интервью) обратиться в ФБР. ФБР, по-видимому, почувствовало тоже самое, что говорил Шиверс: слово «убить» на брошюрах было типографским термином, означающим, что информацию больше нельзя использовать.

Однако, согласно рутинной процедуре, 13 августа ФБР отправило служебную записку в полицию Далласа - служебную записку, которая, по словам представителя полицейского управления, «привлекла к себе больше внимания, чем большинство обычных вопросов, из-за дела в Хьюстоне».

На следующий день полиция провела обыск в квартире Нормана на Коул-авеню и заполнила целый пикап изъятой у него секс-литературой, оборудованием для фотогравирования, фотоаппаратами, канцтоварами, пишущими машинками и сотнями буклетов с именами и адресами. Значительное количество этих имен и адресов было получено путем ответов на личные объявления в газетах и журналах, подобных упомянутым ранее.

В ходе последовавшего расследования полиция обнаружила, что Джон Пол Норман в течение многих лет действовал в Южной Калифорнии под именем «Джон Норман». Его почтовый ящик находился в Сан-Диего и с ним были связаны «Фонд Нормана» и «Эпик Интернэшнл». Расследование полиции Далласа показало, что у Нормана имелась значительная история предыдущих арестов и судимостей за половые акты с детьми, хотя он заявил адвокату: «Я был дважды женат и у меня трое детей», а затем добавил: «Мне нравится разнообразие в постели... как вы это называете».

Пристрастие Нормана к разнообразию, в конце концов, настигло его. Выйдя на свободу под залог в Далласе в ожидании суда по обвинению, связанном с деятельностью *Odyssey foundation,* он бежал в Иллинойс, где через пару месяцев был арестован в маленьком городке Хоумвуд и обвинен в сексуальном насилии в отношении группы мальчиков в возрасте от девяти до тринадцати лет. Ему по-прежнему будут предъявлены обвинения в Техасе, если когда-нибудь снова он там объявится. Было сообщено, что во время своего ареста в Далласе Норман пытался провернуть операции, подобные схеме в Далласе, в Нью-Йорке и Флориде.

На начальных этапах расследования полиция Далласа сочла, что обнаружила связь между Норманом и Дином Корллом из Хьюстона. Это оказалось простым совпадением. Дин Корлл действительно, как показывают записи, упомянул о гомосексуальном клубе в Далласе одному из своих молодых сообщников, но ничто не указывало, что это была организация Нормана.

В Калифорнии полиция проверила, нет ли связи между *Odyssey foundation* и производством порнофильмов в Лос-Анджелесе, поскольку, по словам представителя полицейского департамента, у них имелась информация о том, что несколько мальчиков, задействованных в гомосексуальных фильмах, были привезены в Калифорнию из Техаса, вероятно, из района Далласа. Но хотя никакой связи с ребятами из «Одиссея» не оказалось, этот новый эпизод расследования был проверен.

Некоторые сцены одного фильма — частично — были сняты на пустынном участке пляжа, в конце концов идентифицированном как побережье острова Падре - новый национальный парк, простирающийся на восток от Корпус-Кристи в штате Техас (примерно в четырех часах езды от Хьюстона). Вопрос заключался в том, отправились ли лос-анджелесские кинематографисты в Техас, чтобы снимать фильм там, используя местных мальчишек (маловероятно) или же, в Техасе находилась другая группа, неизвестная правоохранительным органам, которая производила фильмы.

Как мы увидим, в то время в Хьюстоне действовала еще одна группа, которая была обнаружена позже. То, что расследование обнаружило в действительности, оказалось всемирно известным порнографом со странным именем Гай Стрейт (вероятно, не настоящее его имя). Полиция Лос-Анджелеса давно знала о деятельности пятидесятичетырехлетнего Стрейта. Он называл себя законодателем мод в области мужской фотографии обнаженной натуры, занимался реализацией журналов по почте и участвовал движении за права геев в шестидесятых. Он начал свой издательский бизнес в Сан-Франциско с гей-газеты под названием *Cruise News and World Report*... амбициозное название, которое сразу привлекло интерес — и недовольство издания *U.S. News and World Report*. Они надавили на Стрейта, заставив его прекратить публикации. Он быстро занялся журнальным бизнесом и начал зарабатывать значительные суммы денег на том, что вполне могло оказаться первыми коммерческими журналами о «цыплятах»: среди названий были *Hombre*, *Chico* и *Naked Boyhood*. Одновременно Стрейт запустил почтовую рассылку под названием DOM STUDIOS для продажи журналов, порнофильмов и фотосетов. То, что означало «DOM», до сих пор является предметом споров. Полицейские говорят, что это расшифровывается как *Dirty Old Man* [грязный старикашка], но Стрейт утверждает, что DOM расшифровывается как *Dominus* - латинское слово, означающее «Господь».

Когда студия DOM заработала, Стрейт объединился с другим ведущим фотографом «цыплячьего» полиграфического бизнеса, Билли Байарсом, 38-ми лет, из Хьюстона. Следует предположить, что мистер Байарс занимался подобным бизнесом исключительно ради искусства или каких-то иных дополнительных выгод, которые могли иметь место. И уж точно не ради денег, поскольку мистер Байарс являлся одним из наследников состояния *Humble Oil Company*.

Байарс снимал детское порно под лейблом *Lyric International*, и когда он объединился со Стрейтом, совместное предприятие стало называться *DOM-LYRIC*. Вот как описывал это один из их журналов:

«Искусство фотографии мужской обнаженной натуры достигло апогея под эгидой этих двух творческих личностей, которым не было равных ни до, ни после».

Говорят, что когда-то Стрейт и его партнеры имели на рынке девяносто различных журналов, продающихся в розницу по пять долларов каждый и оптом по два с половиной доллара за штуку. Списки распространения, изъятые в ходе полицейских рейдов, показывают, что первый тираж каждого журнала составлял десять тысяч экземпляров, за которыми следовали дополнительные тиражи. Доход, полученный только этой группой, составил около четверти миллиона не облагаемых налогом долларов!

Сочетание массовых убийств мальчиков в Хьюстоне и открытие *Odyssey Foundation* привело к падению Стрейта и Байарса. Полиция Лос-Анджелеса провела серию рейдов. Стрейт был арестован и обвинен в содействии правонарушениям несовершеннолетних, а также по множеству сопутствующих обвинений. Как только стало жарко, Байарс, дабы избежать судебного преследования, сбежал в Европу. Предположительно, он находится там и сегодня [книга издана в 1976 году] и, вероятно, останется там, поскольку в США имеется по меньшей мере четыре выданных ордера на его арест по подозрению в совершении тяжких преступлений.

Как только Стрейт вышел под залог, он также покинул США, ради безопасности уехав в Европу. В статье одного из журналов Стрейта говорится:

«Мы понятия не имеем, где он сегодня… Где бы он ни был — а надежные источники говорят, что он в Турции или Греции — мы желаем ему всего наилучшего. Это потеря для Америки, так как его мозг активен и умен, а его интересы во многом совпадают с мнением большого числа американцев, считающих, что юность — это красота!»

Полицейские чиновники, однако, говорят, что акцент журнала на отсутствии Стрейта в США - отвлекающий маневр. Считается, что он вернулся в США и работает в Нью-Йорке. Трехстраничное интервью со Стрейтом, в котором он рассказывает об искусстве и присущей юности красоте, несколько расходится с оформлением журнала. Разделы юности и красоты соседствуют с полностраничными фотографиями мальчиков примерно тринадцати лет, занимающихся групповым анальным сексом.

Имеется существенная информация, демонстрирующая, что интерес мистера Стрейта к юности выходит за рамки красоты. Досье из офиса окружного прокурора Лос-Анджелеса предполагает, что Стрейт управлял мальчишеским борделем в Майами. Судя по всему, мальчиков туда завозили из района Сан-Франциско (сотрудник Стрейта занимался продажей фальшивой валюты и авиабилетов, купленных при помощи украденных кредитных карт).

Группа порнографов Стрейта отвечала за развитие «звезд» мальчишеской порнографии. В журнале под названием *Chicken Little* фигурировал Бобби Моллер, которому на момент

публикации было восемь лет. Паркс Эрнхардт, соратник Стрейта, был арестован за связь с юным Бобби и провел некоторое время в тюрьме, в то время как мальчик был отправлен в приемную семью в Южную Калифорнию. Один из бестселлеров Билла Байарса, «The Genesis Children» [«The Genesis Children / Дети бытия (1972)» - художественный фильм компании *Lyric Films International https://en.wikipedia.org/wiki/The_Genesis_Children*] изображал «прелести» Гая Соммерса, мальчика, которого Эрнхардт привез с Гавайев, в то время как тринадцатилетний Питер, один из фаворитов Байарса, до сих пор пользуется высокой ценой на рынке «цыплят».

В марте 1975 года, когда полицейские Хьюстона разыскивали украденный велосипед, они случайно наткнулись на склад, полный гомосексуальной литературы, непристойных фотографий и порнофильмов с молодыми мужчинами и мальчиками. Когда началось расследование, офицеры изъяли пятнадцать тысяч цветных слайдов с гомосексуальными актами мальчиков, более тысячи журналов и книг в мягкой обложке и тысячу кинопленок.

Полиция сообщила, что возраст мальчиков на фотографиях варьировался от восьми-девяти до позднего подросткового. В ходе процесса опознания полицейские обнаружили несколько вещей.

Во-первых, преступное сообщество действовало уже давно, так как многие мальчики на фотографиях и в журналах были уже взрослыми, и по-прежнему жили в Хьюстоне; во-вторых, имена, а также фотографии некоторых мальчиков были переданы покупателям; и в-третьих, имелись убедительные признаки того, что одиннадцать мальчиков на фотографиях были среди двадцати семи жертв массовых убийств в Хьюстоне. Офицер по делам несовершеннолетних сказал, что они решили не развивать этот аспект дела, потому что «родители мальчиков уже достаточно натерпелись, могли возникнуть проблемы с идентификацией; в любом случае лидер сообщества был у нас».

Этим лидером оказался Рой Эймс, который был арестован вместе с четырьмя другими мужчинами; всем им были предъявлены обвинения в жестоком обращении с детьми, до суда их оставили в тюрьме вместо залога в размере 150 000 долларов. Полиция сообщила, что у Эймса ранее были случаи жестокого обращения с детьми, и что он управлял почтовыми рассылками в Беверли-Хиллз и Сан-Франциско, распространяющими литературу, продаваемую через его фирму *New Atlas Distributors*.

New Atlas Distributors по-прежнему работает [книга издана в 1976 году], регулярно рекламируя в подпольных газетах товары, предназначенные для «цыплячьего рынка». Эймсу было предъявлено обвинение, он был осужден и приговорен к десяти годам заключения в федеральной тюрьме с последующим двадцатилетним испытательным сроком после освобождения. Он заявил офицерам полиции, что, хотя Гай Стрейт работал с ним, Стрейт в глазах Эймса был мелким производителем, и именно материалы Эймса распространялись по всему миру.

Рейд в Хьюстоне вызвал еще один раунд сотрудничества между полицейскими управлениями Хьюстона и Лос-Анджелеса, поскольку некоторые из детей на фотографиях, найденных в ходе обысков в Техасе, были идентифицированы как выходцы из Калифорнии. Именно полиция Лос-Анджелеса обнаружила — из данных о распространении, полученных в ходе рейдов, — что значительное количество порнографических материалов продается в приютах для мальчиков и в аналогичных учреждениях во многих штатах.

Но Эймс, Байарс и Стрейт ни в коем случае не были единственными производителями и распространители «цыплячьей» порнографии в Соединенных Штатах. Одна компания в Нью-Йорке в настоящее время предлагает пакет скидок на свои товары… двадцать восемь разных книг за сто долларов; книги, которые обычно продаются по цене около шести долларов каждая. Названия некоторых из них: «The Pick-up», «Paul», «Nick», «Barry», «Boy Pin-ups», «Boys and Men», «200 Boys», «Boy Studies», «The Scrapbook of Boys», «Boys Together», «Kids», «Playtime Pals», и «Rascals». Многие мальчики, изображенные в этих книгах, — юные кубинские беженцы из районов Майами и молодые пуэрториканцы, сфотографированные в Нью-Йорке.

Большинство журналов о мальчиках полагаются на фотографов-фрилансеров, и, как следовало ожидать, уровень плагиата очень высок. В одном из журналов была статья о том, как фотографировать обнаженных мальчиков, какое оборудование использовать и как обрабатывать пленку в домашних условиях. В тексте журнала говорилось, что при максимальной производительности автор обрабатывает четыре тысячи фотографий в неделю на оборудовании стоимостью менее четырехсот долларов. Он добавил, что с новым оборудованием теперь он производит до четырнадцати тысяч снимков в неделю. Очевидно, что это не относилось к четырнадцати тысячам фотографий четырнадцати тысяч разных мальчиков. Даже бизнес «взрослой» порнографии не настолько велик. Но и в этом случае мальчишеское порно — это широко открытый рынок для взрослых с камерой и детей, которые не возражают фотографироваться.

Пример того, как могут появиться подобные фотографии, обнаружился в Санта-Клара (штат Калифорния), когда полиция арестовала местного учителя средней школы и фотографа-фрилансера, занимающегося изготовлением порнографии, в которой, по словам полиции, могло быть задействовано 250 разных мальчиков-подростков за десятилетний период. В ходе рейда было конфисковано более 10 000 фотографий, и 35-летний Роджер Рэй Мюррей признался полицейским, что он уже уничтожил как минимум в четыре раза больше фотографий, чем было найдено.

В число фотографических обязанностей Мюррея, как учителя, входило фотографирование для школьных ежегодников. Ему были предъявлены обвинения по трем пунктам - в непристойном и похотливом поведении, и по двум пунктам - в сексуальных извращениях. Мюррей получал значительную помощь и советы от Натаниэля МакКрея, тридцатипятилетнего учителя естествознания из средней школы Грэма в Маунтин-Вью.

По крайней мере, один из участников, тринадцатилетний мальчик, обращался к МакКрею за консультацией. МакКрею было предъявлено обвинение из трех пунктов - в непристойном и развратном поведении с детьми до четырнадцати лет и по одному пункту - в содомии, поскольку полиция решила сосредоточить свои обвинения на инцидентах с участием мальчиков четырнадцати лет и младше. Двое других взрослых, арестованных в ходе того же рейда, были обвинены в аналогичных правонарушениях.

Большинство мальчиков были идентифицированы как сироты. По словам офицера по делам несовершеннолетних, сержанта Тома Хенсли, «мальчики сначала не хотели говорить об этом, но, когда заговорили, все согласились с тем, что фотографировались добровольно».

История раскрылась, когда один из учеников-подростков пришел в квартиру Мюррея с другом и посмотрел на фотосессию. Сам он участвовать отказался, пошел домой и рассказал об этом родителям, а они, в свою очередь, вызвали полицию.

Мюррей сказал полицейским, что начал заниматься порнобизнесом, когда сам ещё был подростком и имел отношения с шестнадцатилетним приятелем. Затем Мюррей начал фотографировать спортсменов средней школы с хорошим телосложением в обнаженном виде. Он фотографировал маленьких мальчиков, играющих в городе, показывал им готовые отпечатки, а затем просил прийти в студию, чтобы он мог сделать больше снимков с ними. С этого момента они позировали ему обнаженными поодиночке, а затем и со своими друзьями. Конечным результатом стало впечатляющее количество фотографий подростков, совершающих гомосексуальные акты, многие со взрослыми, включая арестованных.

Но МакКреи, Мюрреи и сотни других фотографов мальчиков по всей стране — любители, хотя Мюррей сообщил полиции, что планировал собрать свои лучшие снимки для журнала.

Газеты «Свободная пресса» часто размещают в разделе личных объявлений призывы «любителей цыплят», предлагающих обменяться друг с другом своей коллекцией фотографий. Невозможно определить, сколько фотографий обнаженных мальчиков пересекает страну таким образом.

Обычно фотографа арестовывают из-за его связи с порнографом. Журнал привлекает к себе внимание полиции, обнаруживается и арестовывается распространитель, а списки рассылки изымаются. Путь к фотографу обычно довольно прост. Но в чикагском деле зацепка к фотографу пришла непосредственно от порнографа, пришедшего в ярость из-за фотографического материала. Фрэнк Гренар, репортер-расследователь радиостанции CBS - WBBM, рассказал следующее:

«У этого фотографа был необычный подход. Он уговаривал женщин, обычно незамужних матерей или разведенных, попозировать обнаженной натурой и - спустя нескольких недель и после нескольких сеансов - принимался уговаривать их позировать для садомазохистских

фотографий. Если он узнавал, что у них есть дети, он убеждал матерей приводить своих детей для того же самого. Детям было обычно было около десяти лет или даже меньше. Этот фотограф проделывал тот же цикл с детьми: сначала кадры с обнаженкой, затем садомазохистские кадры. Один из порнокоролей Чикаго получил его фотографии с участием детей, разозлился и вызвал полицию».

Гренар рассказывает, что полицейский отряд передал дело «С-5» секретному полицейскому следственному отделу, и один из их агентов начал покупать фотографии у этого фотографа. Через несколько недель полиция, вооруженная ордером на обыск, разгромила студию фотографа на Диверси-авеню и конфисковала около полумиллиона фотографий и полный набор садомазохистских принадлежностей. На половине изъятых фотографий были обнаженные дети на приспособлениях для пыток. Гренар вспоминает, что распространитель порно заявил:
«Я могу согласиться со многими вещами, но это гребаное дерьмо — трэш, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы достать тех парней, которые занимаются подобным дерьмом!»

Глава 8. ПОРНОГРАФИЯ ВТОРАЯ

«Должно быть, это чертовски возбуждает кого-то».

Жесткую порнографию найти несложно, хотя на ее публикацию и распространение наложены некоторые юридические ограничения. В 1970 году Комиссия президента по непристойности и порнографии сообщила, что общий объем продаж материалов сексуального характера составил более 2,5 миллиардов долларов. Действительно, сам отчет Комиссии в одночасье стал порнографическим бестселлером - предприниматели перепечатали отчет целиком, включая официальную обложку, и сексуальные фотографии, добавленные для «иллюстрации» того, о чем сообщала Комиссия. Книга пользовалась очень хорошими продажами, пока длинная рука закона не положила конец этому предприятию.

Официальный отчет президентской комиссии касался фильмов общего проката, фильмов для мальчишников, художественных фильмов, сексуально ориентированных книг для массового рынка, а также различных секс-фотографий, гаджетов и игрушек. Комиссия сообщила, что 85 процентов взрослых мужчин и 70 процентов взрослых женщин подвергались воздействию подобных материалов, в основном, на добровольной основе. Кроме того, сообщается, что примерно те же 85 и 70 процентов мальчиков и девочек к восемнадцати годам видели «визуальные изображения» или читали «текстовые описания» полового акта. В исследовании также сообщается, что менеджеры книжных магазинов для взрослых заявили, что большинство их покупателей «преимущественно белые представители среднего класса, женатые мужчины среднего возраста».

Комиссия обнаружила, что, хотя большинство взрослых американцев считают, что им следует разрешить читать или просматривать любые материалы сексуального характера, которые они пожелают, они также считают, что молодым людям следует запретить доступ к некоторым материалам сексуального характера. Как мы теперь знаем, предложения, высказанные в отчете Комиссии, были проигнорированы тогдашним президентом Ричардом Никсоном, а в конце 1973 года и Верховным судом. Суд вернул дело на рассмотрение в отдельные штаты, которые имели право запрещать любую работу, которая в целом выглядела сексуально похотливой или оскорбительной и не имела «серьезной литературной, художественной, политической или научной ценности». Это решение породило большой хаос.

Но обсуждение плюсов и минусов порнографии выходит за рамки этой книги. Вопрос заключается в том, ведет ли знакомство с порнографией и участие в производстве порнографии молодежь Америки по пути разврата и способствует ли увеличению сексуальных преступлений.

Один недавно завершенный исследовательский проект убедительно свидетельствует о том, что страхи перед порнографическим влиянием не только беспочвенны, но и некоторое знакомство с порнографией может оказаться даже полезным. Отчет, например, обнаружил, что многие насильники смотрели меньше порнографии в подростковом возрасте, чем сопоставимая группа нормальных взрослых. То же самое и с растлителями малолетних. Постоянные покупатели книжного магазина для взрослых также видели меньше эротики, чем контрольная группа, участвовавшая в исследовании. Эти выводы стали результатом исследований, проведенных для Комиссии по непристойности и порнографии Юридическим и Поведенческим институтом. Исследователями были Г. С. Кант и М. Дж. Гольдштейн, в сотрудничестве с психиатром Льюисом Джаддом из Калифорнийского университета Сан-Диего и Ричардом Грином из Калифорнийского университета Лос-Анджелеса. Целью исследования было определение существования связи между просмотром порнографии и развитием нормального или ненормального сексуального поведения.

Для исследования были взяты шестьдесят девиантов — недавно поступивших пациентов из государственной больнице Атаскадеро в Калифорнии - белые мужчины, которые либо были обвинены, либо осуждены за изнасилование или растление детей. Растлители малолетних были разделены на две группы: тех, кто использовал мальчиков в качестве сексуальных объектов, и тех, кто использовал девочек. Они также отобрали пятьдесят два пользователя порнографии, являвшихся покупателями книжного магазина для взрослых из Лос-Анджелеса.

Для контрольной группы исследовательский центр Калифорнийского университета Лос-Анджелеса отобрал 63 мужчин европеоидной расы из района Лос-Анджелеса, чей возраст и образование соответствовали возрасту и уровню образования сексуальных преступников.

Обученный интервьюер провел с каждым человеком около двух часов, опрашивая его по 276 вопросам, затрагивающим демографические данные, отношение к сексу, сексуальную историю, фантазии, воздействие и реакции на порнографические книги, фотографии, фильмы и живые выступления. Опрос следовал систематическому порядку, начиная с наиболее вероятного стимула (садомазохистской активности). Испытуемого просили вспомнить, сколько раз он видел каждый тип стимулов в подростковом возрасте, а также в течение года до интервью.

Большинство респондентов видели примеры частичной наготы в подростковом возрасте; мало кто видел примеры садомазохистской активности. В целом, насильники и растлители малолетних видели меньше порнографии всех видов, чем представители контрольной группы. Насильники меньше отличались от контрольной группы, чем две группы растлителей малолетних, но имелись и значительные отличия: насильники гораздо реже, чем нормальная группа, видели изображения полностью обнаженных женщин, нормального полового акта, орального генитального контакта или садомазохистской активности.

Педофилы видели меньше порнографии любого рода, чем нормальная группа. Только 62 процента сексуальных преступников, которые предпочли детей, видели изображения гетеросексуальных половых актов, в то время как 85 процентов контрольной группы сталкивались с таким видом порнографии в подростковом возрасте.

Заядлые покупатели порнографии показали картину, более близкую к девиантной выборке субъектов, чем нормальная группа. Будучи подростками, они видели порнографии любого рода гораздо меньше, чем нормальные люди. Исследователям показалось, что людям с половыми отклонениями явно не хватало подросткового опыта со стимулами, представляющими культурное определение «нормального» полового акта.

В течение года, предшествовавшего тюремному заключению, сексуальные преступники видели меньше порнографии, чем контрольная группа. Разрыв между насильниками и нормальными людьми в последующие годы был более разительным, чем в подростковом возрасте, особенно в отношении фотографий и фильмов, изображающих гетеросексуальные половые сношения, мужскую наготу и орально-генитальные отношения. Педофилы, выбравшие мальчиков в качестве сексуальных объектов, видели меньше гетеросексуальных стимулов, чем нормальные люди, но примерно такое же количество гомосексуальной порнографии, как и нормальные люди. Педофилы, которые выбирали девочек, видели порнографии любого рода меньше, чем нормальные люди. Короче говоря, взрослые в контрольной группе видели больше порнографии, когда были подростками, и даже во взрослом возрасте видели ее гораздо чаще, чем сексуальные преступники.

Но хотя исследование Калифорнийского университета Лос-Анджелеса впечатляет как по своему масштабу, так и по содержанию, и проводилось оно некоторыми из ведущих экспертов страны, оно расходится с мнениями некоторых столь же квалифицированных экспертов и людей, ежедневно работающих с несовершеннолетними.

В книге Ричарда Кайла-Кита «Высокая цена порнографии» доктор Джордж У. Генри, профессор клинической психиатрии Медицинского колледжа Корнелльского университета, заявляет, что, по его мнению, рост сексуальных преступлений и различных форм отклонений в значительной степени является результатом просмотра порнографии. Доктор Генри считает, что:
«...большинство людей так устроены и живут в таких условиях, что вырастают достаточно нормальными в своей сексуальной адаптации. Однако существует довольно значительная часть населения, поддающаяся подобному влиянию, которое могут произвести подобные публикации, и вопрос, дойдут ли они до точки насилия, возможно, является академическим ввиду другой проблемы, а именно: никто не может заранее предсказать, кто достигнет этой точки после того, как подвергнется воздействию подобных порнографических публикаций. Кроме того, существуют все степени садизма и мазохизма, проникающие в человеческие отношения и редко попадающие в прессу.

Разумное предположение о том, что порнография порождает сексуальные отклонения неизбежно. Будучи статистически неопределимым, но, вероятно, очень большое количество людей обращается к сексуальным отклонениям, если представляется возможность, и вполне вероятно, что чтение непристойностей представляет собой значительную тренировочную площадку».

Доктор Генри отмечает, что в сознании публики существует некоторая путаница в отношении значений слов «дети» и «подростки». Он предполагает, что, когда люди используют слово «дети», они имеют в виду «подростков», и
«всем известно, что подросток очень сексуально возбудим и имеет наименьшую законную возможность найти выход для подобной сексуальной возбудимости. В результате подростки ищут все мыслимые способы для сексуальной разрядки. Ошибочно также полагать, что, если вы продаете что-то взрослому, это не доходит до подростка. Очень многие из этих так называемых взрослых на самом деле все еще подростки и чувствуют себя как дома с настоящими подростками. Более того, некоторые из них, как правило, заинтересованы в том, чтобы приобщить подростков к ненормальным практикам».

В той же книге доктор Бенджамин Карпман, главный психотерапевт больницы Святой Елизаветы в Вашингтоне, округ Колумбия, отметил, что
«существует определенная связь между подростковой преступностью и сексуальной жизнью… Наша жизнь, с нашей точки зрения, направляется нашими инстинктами. У нас имеется два основных инстинкта. Инстинкт самосохранения и инстинкт сохранения расы, обычно известные как инстинкты голода и секса».

Доктор Карпман добавляет:
«Инстинкты распространяются напряжением — мы с вами никогда не узнаем, что голодны, если в желудке не разовьется какое-то напряжение, которое посылает сигнал в мозг и говорит нам о том, что мы голодны. Другими словами, мы знаем о нашей сексуальной жизни и о нашей личной жизни, о голодной жизни только посредством возникающего напряжения.

Напряжение есть напряжение. Когда младший мальчик... достигает подросткового возраста, он жаждет информации о сексе, но по той или иной причине он не получает ее дома, потому что мать и отец слишком устали, чтобы разговаривать с ним об этом.

Где мальчик найдет это [освобождение от напряжения]? Он не может найти его дома. Он не всегда находит его в школе. Он ищет его в канаве, а там натыкается на порнографические материалы и литературу, и это вовлекает его во всякие бандитские дела, которые разряжаются в виде подростковой преступности. Если он не сможет разрядиться сексуальным образом, он разряжается преступным антиобщественным поведением».

Главный нейропсихиатр и медицинский директор муниципального суда Филадельфии, доктор Николас Дж. Фриджнито, чье положение дает необычную возможность оценить влияние непристойности и порнографии на поведение несовершеннолетних правонарушителей, утверждает, что антиобщественная, хулиганская и преступная активность часто является результатом сексуальной стимуляции, создающей такую потребность в самовыражении, за которой следует удовлетворение косвенными средствами.
«Девочки убегают из дома и вовлекаются в проституцию. Мальчики и юноши, которым трудно сопротивляться чрезмерному сексуальному возбуждению, становятся сексуально агрессивными и, как правило, неисправимыми. Более злобный преступный или психопатический тип может стать эксгибиционистом, насильником, садистом, фетишистом. Он может совершать такие антиобщественные действия, как поджоги, заниматься пироманией или клептоманией, которые часто являются символическими сексуальными актами».

«Муниципальный суд Филадельфии, — по словам доктора Фриджнито, — располагает делами, в которых сексуальное возбуждение из-за грязных книг приводило к преступному поведению — от жестоких нападений до убийств. Некоторые из этих детей не совершали сексуальных преступлений до тех пор, пока не прочитали наводящие на размышления истории и не посмотрели непристойные картинки в развратных журналах. В некоторых случаях эти дети были очень маленькими, в возрасте от девяти до четырнадцати лет. Грязные мысли, внедренные в их незрелые умы, толкнули их на преступление».

«Сексуальная стимуляция печатными материалами не всегда приводит к преступлению, но она всегда побуждает к нечистоте и в более внушаемых случаях приводит к отклонениям сексуального поведения: инцесту, вуайеризму и нарциссизму.

Наши тюрьмы, исправительные учреждения и психиатрические больницы переполнены многими несчастными, кто стал жертвами порнографии. Многие никогда не восстановят свое психическое или физическое здоровье. У других может никогда не быть свободы.

Порнография является орудием правонарушения, представляя собой коварную угрозу моральному, психическому и физическому здоровью.

Поставщик порнографии — это аморальный, коррумпированный, выродившийся человек, который совершенно не обращает внимания на вред, который он причиняет общественной морали и порядочности».

Сержант Дон Смит, эксперт по порнографии из административного отдела Департамента полиции Лос-Анджелеса, воскликнул:
«В каждом отдельном случае мы работали с мальчиками... и я не мог представить себе такого - мы находили жесткую порнографию в каждом доме, в котором проводили обыски. Мы тоннами изымали фильмы, книги и фотографии. Поскольку только в Калифорнии порнографический рынок представляет собой миллиардный бизнес... должно быть, это чертовски возбуждает кого-то».

Но хотя среди экспертов существуют разногласия по поводу влияния порнографии на молодежь, нет разногласий в том, что порнография — это быстро развивающийся бизнес, приносящий своим поставщикам миллионы долларов. Одно можно сказать наверняка: ни один из мальчиков, которых соблазнили позировать, участвовать или вербовать других в порнобизнес, не разбогател.

Мальчики сообщают, что они обычно получают от пятнадцати до двадцати долларов за каждую сессию, плюс иные стимулы, вроде выпивки, наркотиков, одежды, секса и «кайфа» от этого.

Есть еще одна область «цыплячьего» литературного бизнеса, заслуживающая внимания: книги в мягкой обложке. Это не книги из-под прилавка.

Они легко доступны - сотни названий в любом книжном магазине для взрослых.

«Охотник на цыплят», «Хвостик Винтера», «Гвоздик Джока», «Задница Бадди», «Сделай это...» «Сын», «Веселье после школы», «Цыпленок от двери до двери», «Мякотка моего приятеля», «Наблюдатели за детьми», «Мальчик по найму», «Мальчик-нимфетка», «Мальчики на десерт» — вот лишь некоторые из них.

Издатели этого ненадежного бизнеса, по-видимому, считают, что их спасение заключается в соответствии комментариям Верховного суда. Таким образом они стараются наделить свои книги «серьезной литературной, художественной ценностью».

В предисловии к одной из этих книг спрашивается:
«Что делает цыплячий круизер — возбужденный, сердечный, красивый, хорошо образованный и застрявший в маленьком городке на восточном побережье — чтобы

изменить свою жизнь к лучшему? Он начинает работать в школе-интернате для мальчиков, конечно, и не скрывает там своих желаний».

Затем книга описывается как «откровенный описательный роман о мужчине, которому нужны мальчики, и о мальчиках, которые удовлетворяют эту потребность… «На более глубоком уровне, — продолжает книга, — это история о человеческих отношениях и любви, на которой они основаны».

Издатель, по-видимому, считает, что в его интересах сместить фокус этой книги с уровня жесткой порнографии на уровень художественного мастерства. Для этого он пытается приравнять свою книгу к выдающимся литературным успехам. После указания на то, что секс между мужчинами, многие из которых несовершеннолетние, больше не шокирует цивилизованные умы, он добавляет: *«В 1948 году Гор Видал* [Gore Vidal, 1925-2012, американский писатель, эссеист, кино- и театральный драматург, признанный классик американской литературы второй половины XX века. Именно после публикации романа «Город и столп» Видала стали воспринимать как одного из самых первых и бескомпромиссных защитников сексуальной свободы] *опубликовал свой эпохальный роман «Город и столп», в котором почти впервые в американской художественной литературе любовь мальчика к другому мальчику была описана с тем достоинством, которого она заслуживает»*.

Затем издатель уверяет читателя, что предстоящие эротические сцены вырастают из глубоких чувств, которые герой книги и его мальчики испытывают друг к другу, а «не просто используются для того, чтобы механически вызывать зловещий интерес читателя». Он строго указывает, что это серьезный роман, и «мы надеемся, что он вас глубоко тронет».

Другая книга в мягкой обложке, «Мужской инцест», описывается как «трогательная история молодого человека, обнаружившего, что между его отцом и старшим братом роман. Попытав удачи в Сан-Франциско, он возвращается домой и становится настоящим членом семьи».

Еще одна книга в мягкой обложке [Марчасон Колин - The Chronicles of St. Barnabas / Хроники школы Св. Варнавы] рассказывает о приключениях учителя в школе-интернате для мальчиков в возрасте от девяти до четырнадцати лет. Писатель, по-видимому, решает воспользоваться характеристикой Теннисона в описании того, что в мальчиках нравится мужчинам. После страницы блестящей прозы он сдается и возвращается к основам порнографического репортажа. Его главный герой, учитель, только что завершил сексуальные упражнения с Ронни, его двенадцатилетним любимцем, который лежа обнаженным на животе, спрашивает у своего учителя: «И что вам больше нравится, мое лицо или мое тело?»

Учитель отвечает:
«Мне нравится, как твои волосы ниспадают на правый глаз. Мне нравится твой правый глаз. Мне нравится твой левый глаз. Мне нравятся твои волосы, потому что они очень шелковистые. Мне нравится форма твоей головы, как она выступает здесь, и как там

изгибается внутрь. Мне нравится эта маленькая прядь волос на твоём затылке. Мне нравится твой нос и твои слегка расширенные ноздри, и твой рот - его изгибы - и твоя длинная шея, и то, как выделяется эта вена. И мне нравится твоя грудь, и особенно твои гордые маленькие соски, которые становятся твердыми, когда я их вот так растираю.

- Мне нравится твой живот, потому что он такой красивый и плоский, и твой пупок, потому что он твой. И мне нравится чувствовать эти кости - твои бедра - и мне нравятся эти две линии, ведущие к твоей штуковине, образующие букву V, как будто указывающие путь; и мне нравится твоя штучка, которая, кажется, снова становится твёрдой, неожиданно быстро после недавней её тренировки. И мне нравятся эти две штучки в мешочке, и как они подпрыгивают, когда я сжимаю их, словно две горошины в стручке. И мне нравятся твои бедра, такие гладкие и красивые, и твои коленки, а особенно эта впадина позади них. А ещё мне нравятся твои крепкие ноги такой прекрасной формы, и твои ступни - как у циркача Пикассо. А потом я люблю проводить рукой по твоему прямому позвоночнику вот так, считая позвонки. И мне нравятся эти две ямочки по бокам, прямо над твоей попкой. Мне нравится этот небольшой остаток хвоста, который, кстати, становится все больше и больше, начиная походить на хвостик фавна, и, наконец, мне нравится вот эта твоя часть - эти два круглых полушария идеальной формы - твои ягодицы, булочки, задок, зад, попка, низ, задница. О да! Мне нравится, как же мне нравится вид и ощущение твоей мягкой, теплой, округлой, гладкой, бархатистой милой попки!»

«Другими словами, - последовал ответ Ронни, - вам нравится мое тело, ладно, но по-настоящему копаетесь вы только в моей заднице!»

Но самой значимой книгой на рынке является вовсе не эта порнокнига, а изданный в 1972 году путеводитель на тридцати двух страницах под названием «Там, где юные». Он содержит списки 378 мест в пятидесяти девяти городах тридцати четырех штатов, где «...можно отыскать молодых». В предисловии к книге, отпечатанной на листах дешевой цветной бумаги для мимеографии, скрепленных вместе, говорится: «Мы попытались через представителей по всей стране составить точный список мест, где сегодня происходит молодежная активность. Все объявления проверены и подтверждены. Однако существует возможность ошибки из-за человеческой интерпретации таких слов, как «молодой», «активный» и тому подобное».

После такого вступления автор затем добавляет то, что называется «предостережением»: *«Возраст согласия варьируется в зависимости от штата. Проверьте свой штат и штаты, через которые вы путешествуете, чтобы узнать текущий статус. Также во многих сообществах могут быть многочисленные постановления для праздношатающихся, нарушителей «комендантского часа» и в отношении других ваших действий. Защитите себя и человека, с которым вы будете находиться»*.

После чего добавляется последнее предостережение: «Хотя во многих случаях вы будете правы с моральной точки зрения, вы можете ошибаться с юридической стороны. Оставайтесь счастливыми и свободными, чтобы наслаждаться «Там, где юные».

Рекомендуемые места для «развлечений» с мальчиками включают в себя залы с игровыми автоматами, пляжи, парки, определенные улицы и парковки, катки, боулинги, YMCA, поля для мини-гольфа, кинотеатры, песчаные дюны, бассейны, книжные магазины и клубы для мальчиков. В одном городе указана даже средняя школа.

Выборочная проверка показала, что многие места были указаны правильно, и там действительно обитали хастлеры. Но были ли списки точными или нет – это, на самом деле, является научным вопросом. Поскольку в книге отсутствуют непристойные материалы, фотографий, очевидно, что 70 000 человек потратили пять долларов только для того, чтобы узнать, где обитает сегодня молодежь.

Других причин для покупки книги как бы нет. И это довольно большая аудитория – для любой книги.

ГЛАВА 9. НАСИЛИЕ В МИРЕ ГЕЕВ

«Кто-то может всерьез спрашивать, почему дети склонны к насилию?»

В марте 1974 года редакция *Esquire* задалась вопросом: «Неужели американцы вдруг возненавидели детей?» Одиннадцати ведущим писателям было поручено высказать свою точку зрения. Последующие статьи включали такие темы: «Как отречься от своего ребенка», «Как сохранить своего ребенка», «Высокая цена детства», «О ярости чернокожих детей» и «Судьба соседских мальчиков». Последняя статья касалась массовых убийств в Хьюстоне.

Проблемы и желанность воспитания детей были, мягко говоря, очень ярко изображены и служили убедительным аргументом в пользу того, чтобы не иметь детей. Общий посыл заключался в том, что американская семейная жизнь, показанная в телевизионных сериалах «Отец знает лучше» и «Деннис-угроза», давно ушла в прошлое, если вообще когда-либо существовала.

Конечно, мужчины и женщины продолжают рожать детей и способны пережить их воспитание. Но неизбежные факты, так хорошо изученные в *Esquire*, остаются: все большее число родителей считают своих детей обузой; растет количество родителей, которые либо пренебрегают детьми, либо ненавидят их, либо порочны; и что пугающий процент американских детей подвергается жестокому обращению.

Сообщения о зверствах в отношении детей многочисленны и прискорбны.

Краткие сведения о новостях, опубликованных в Калифорнии в течение двадцати дней, дают поразительные свидетельства.

В Порт-Уэнеме двухлетний мальчик скончался от травм головы после того, как его дядя и его спутница доставили его в больницу общего профиля округа Вентура. Они заявили лечащему врачу, что ребенок получил травму в результате падения с лестницы. После тщательного осмотра тела оба были арестованы по подозрению в убийстве.

В Сан-Бернардино арестовали отца по подозрению в убийстве. Представитель офиса шерифа округа заявил, что по крайней мере трое свидетелей сообщили полицейским, что видели, как мужчина сбросил тело мальчика с насыпи на шоссе 330. По данным офиса шерифа, пятимесячный сын мужчины был смертельно избит за несколько часов до того, как было найдено его тело.

В Сан-Франциско восемнадцатилетняя мать и ее двадцатилетний бойфренд были взяты под стражу после того, как привезли в больницу её двухлетнего сына. Ребенок впал в кому и был весь в синяках. Позже он умер от разрыва печени. Девушка рассказала полиции, что она и ее бойфренд отшлепали ребенка за то, что он намочил постель.

В Лос-Анджелесе двое младенцев были найдены брошенными за тринадцатичасовой промежуток. Трое подростков обнаружили новорожденного мальчика в бумажном мешке, брошенном на лужайке перед домом, а сборщик мусора Арчи Эдвардс спас новорожденную девочку, которую также бросили в мусорный бак. По оценкам, обоим брошенным младенцам было около двух часов от роду.

Мисс Донна Стоун, основатель Национального комитета «Предупреждения жестокого обращения с детьми» заявила: «Наша статистика демонстрирует, что более 60 000 детей [в Соединенных Штатах] ежегодно умирают от жестокого обращения.

В Нью-Йорке происходит по крайней мере две подобные смерти в неделю, а полицейское управление Лос-Анджелеса сообщило, что с 1965 года количество убийств в результате жестокого обращения с детьми или отсутствия заботы о них увеличилось на 53,5 процента. Мисс Стоун добавляет: «… мы думаем, что опубликованная статистика — это только верхушка айсберга».

Донна Стоун включает в свою статистику голод, сексуальное насилие, грубое пренебрежение и психологические мучения. Что касается общей категории жестокого обращения с детьми, она говорит: «Жестокое обращение является главным убийцей детей в возрасте до двух лет, и [преднамеренное] пренебрежение происходит в десять раз чаще, чем жестокое обращение, и до него гораздо труднее добраться. Эмоциональные травмы ведь не видны».

Мальчики-проститутки часто являются выходцами из семей, в которых они становились жертвами жестокого обращения или пренебрежения. Часто после того, как они начинают искать любовь, независимость и безопасность на улицах, их проблемы усугубляются, когда их родители узнают об их деятельности. Реакция родителей почти неизбежно жестока.

Об одном случае было рассказано отцом Джеком МакГиннисом из Хьюстона:

«Мануэль пришел в «Первый шаг», когда ему было одиннадцать. С десяти лет он трижды побывал в «Молодежной деревне» округа Харрис. У него была длинная череда правонарушений, большая часть которых он совершил до того, как ему исполнилось десять. Он был невозможен в этой «Деревне»; он вообще не хотел приспосабливаться. Тамошние чиновники спросили меня, возьму ли я его, и я взял. Он прожил со мной год и оказался прекрасным мальчиком. Настоящий характер, но по-настоящему больной. Мы проверили его, и психиатр сказал мне, что он один из двух или трех процентов, для которых вообще не прогнозируемы никакие изменения. Он абсолютный социопат.

Я сказал: «Чушь собачья, мы еще посмотрим».

Одним из самых трагических переживаний Мануэля было то, когда его разозлившийся отец в пьяном виде швырнул мальчика в гипсокартонную стену их гаража. Это лишь один из многих подобных примеров того, как родители обращались с мальчиком. В одиннадцать лет Мануэль увидел во сне, что его отец пришел, чтобы избить и убить его. Он кричал по ночам.

Стало очень ясно, где началось его тяжелое и глубокое отчуждение. Этот опыт оставил очень, очень глубокие душевные раны и шрамы. Я бы сказал, что девяносто девять процентов его поведения были просто диким выражением всего того, что с ним происходило, и напрямую связано с тем, насколько подлым и жестоким был его отец.

Мануэль прожил с нами год и ни разу не убежал. Он не мог нормально учиться в школе, поэтому я занимался с ним дома. Я действительно полюбил его, а он полюбил меня. Постепенно он начал меняться. Мы никогда не говорили много о том, что он делал, и я никогда не приставал к нему по этому поводу. Мы использовали дисциплину, а не наказание. Были определенные типы поведения, которые мы могли бы терпеть, а другие — нет. Но единственной формой дисциплины, которую мы использовали - оставляли Мануэля на некоторое время в комнате в одиночестве или лишали его не очень больших привилегий. Мы никогда не прикасались к нему физически — никогда не шлепали его, ничего подобного. Мы ни разу не осмелились прикоснуться к нему. А это постоянно делали с ним в округе Харрис. Они не обращали внимания на то, что отец годами избивал его. У них была система, и она гласила, что, если ты плохой, тебя выпорют. И поэтому они пороли его, а он сбегал и воровал. Через какое-то время он прекрасно прижился у нас. И начал действительно чего-то добиваться.

К сожалению, нам пришлось закрыться, потому что мы находились в плохом месте, не было средств, и существовали иные проблемы.

Мануэлю пришлось вернуться домой. Он пробыл там около шести месяцев, прежде чем у него снова начались стычки с его отцом, и он двинулся по тропе в исправительное

учреждение Гейтсвилля, штат Техас. Когда Мануэль был в Хьюстоне, он занимался проституцией на улицах. Он был очень популярен в гей-районах. И ему хорошо платили.

Я разговаривал с Мануэлем около семи или восьми месяцев назад. Ему уже восемнадцать. Он сказал, что не был геем и не интересовался гей-активностью на данном этапе своей жизни. У него есть девушка, и он активен в гетеросексуальных отношениях. Почему он занимался проституцией? Много раз, когда он жил на улице, и пытался сесть на попутку, и кто-нибудь подбирал его - те люди оказывались добры к нему и предлагал ему это. А такое случалось с ним довольно часто.

Мануэль сейчас в тюрьме. Он отсидел три года за наркотики – злоупотребление и хранение опасных запрещенных веществ. Он в тюрьме, которая ничего для него не сделает, сажая в одиночку, когда он не хочет работать. Это только ещё больше ожесточает и озлобляет его. Никто на этом пути не пытался выяснить, заменить или восполнить интимные отношения, которые коснулись бы корней его отчуждения. Вся система подвела его».

Сержант полиции Нью-Йорка Уильям Маккарти также резко отзывается о родительском отношении:

«Оно [насилие] проистекает из общего отношения в семьях, с которыми мы имеем дело. Когда мы рассказываем родителям или опекунам, чем занимаются их маленькие любимцы, некоторым из них все равно. А те, кто злится, злятся по совершенно неправильным причинам. Отцы злятся, потому что они видят сексуальные отклонения своего [сына] с точки зрения черного и белого. Когда мы говорим им, что их сын занимается проституцией, они считают, что отклонение ребенка является прямым отражением их собственной мужественности. Их немедленная реакция — избить ребенка до чертиков, чтобы «сделать из него мужчину».

Маккарти задумчиво размышляет:
«Некоторые общества используют колдовство; некоторые используют вуду. В Соединенных Штатах мы используем насилие».

Однако побои редко «исправляют»; обычно они еще больше отдаляют мальчика от того, что могло бы принести ему самоуважение и удовлетворение. «Цыплята», как и другие проблемные дети, редко находят понимание и руководство, которые побудили бы их справиться со своими страхами, справиться со своей болью, найти свою меру счастья. Вместо этого они подвергаются дальнейшему жестокому обращению, которое во многих случаях создается в учреждениях, поддерживаемых государством; в институтах, которые должны их «реабилитировать». Общество сталкивается с новой породой детей... FAAC - яростный злой американский ребенок.

Но это не новая порода для тех, кто ежедневно работает с несовершеннолетними. Доктор Скотт С. Гут — доцент кафедры психиатрии Медицинского центра Тафтс Новой Англии и

директор службы лечения алкоголизма в Северо-Центральном Массачусетском центре психического здоровья. Гут говорит, что был поражен количеством молодых наркоманов, которых он лечил, занимающихся продажей своего тела ради приобретения наркотиков. В интервью «Нью-Йорк Таймс» он обрисовал мрачную картину образа жизни многих американских молодых людей:

«С одной стороны, мне каждый день поступают сообщения о зверском и жестоком обращении с детьми. Эти сообщения приходят ко мне от детей в течение курса лечения, когда они чувствуют себя в безопасности от родительского возмездия, находясь вдали от их родителей, повинных в жестокости.

С другой стороны, я читаю о большом общественном недоумении «экспертов», которые изо всех сил пытаются разработать теоретические концепции, объясняющие постоянно растущий культ насилия и гнева в Америке.

Может быть, телевизионное насилие или «вседозволенность» в воспитании детей вызывает эти безобразия и яростное поведение нашей молодежи?

Ради интеллектуальной целостности, а также для развития политики возмещения ущерба, следует признать, что многие американские дети яростно злятся и что их гнев должен определяться их жизненным опытом. Я слышу, что их отцы очень много работают всю свою жизнь и часто трудятся на двух работах полный рабочий день. Они постоянно устают и много пьют. Матери обычно также работают полный день, а о детях, буквально с младенчества, заботятся братья и сестры, которые старше всего года на три-четыре. О многих детях в средней Америке заботятся другие дети.

Если в нашей стране и существует «попустительство» в воспитании детей, то оно слишком часто объясняется фактическим отсутствием родителей как воспитателей в жизни своих детей. В этом контексте попустительства, поскольку родители отсутствуют большую часть время - самая ужасная жестокость проявляется по отношению к детям.

Воспоминания о том, как мать и отец напиваются в канун Рождества, очень распространены. Именно после жестокой драки с таким пьяным отцом мать заперлась с пятерыми детьми на кухне - все младше десяти лет - и включила газ в жутком ритуале подготовки к лучшей жизни, пытаясь уйти от подобного «чертова ада».

Пятилетнему ребенку приказали встать на колени на сушеный горох, разбросанный по жесткому деревянному полу. Когда он рухнул из-за того, что не смог выдержать эту невероятно болезненную позу, его жестоко выпороли кожаным ремнем. Избиение детей хлыстами; пьяные, разъяренные отцы, приставляющие пистолеты к головам своих сыновей; дети, которых швыряют телом о стены - все это является практически обыденными клиническими историями.

Матери и отцы плачут, вспоминая ужас, который они испытали в собственном детстве. Они продолжают плакать от угрызений совести и вины, рассказывая мне о неспособности помешать своей ужасной ярости, выходящей за пределы и терроризирующей их детей.

Как можно всерьез задаваться вопросом, почему дети в Америке проявляют насилие по отношению к вещам и людям в своем окружении? Гораздо более правдоподобным вопросом для ученых-бихевиористов [Бихевиоризм - систематический подход к изучению поведения

людей и животных] должен стать другой: «Как может уровень ответной ярости, накапливаемый детьми в американском обществе, быть настолько минимальным в своем выражении в виде насилия?

Меня впечатляет способность детей впитывать и руководствоваться ценностной позицией своих родителей и культурой, запрещающей ответный гнев. Тем не менее, как клиницист, я наблюдаю, что эти дети дрожат, мочатся в постель, терпят неудачи в школе, считая, что они отличаются от других людей, и ненавидят себя за то, что они такие ужасно боязливые и злые.

Некоторые начинают воровать, что-нибудь поджигать или мучить животных. Большинство продолжит следовать покорному, испуганному унижению, которое является уделом детей в нашем обществе, когда ими овладевают разгневанные родители. Но когда они начинают чувствовать себя достаточно сильными, чтобы рискнуть возразить, ярость, пропорциональная и соответствующая их опыту жестокого обращения, эксплуатации и пыток, проявится почти так же неизбежно, как падающее тело подчиняется закону Ньютона».

Гут вопрошает:
«Почему нельзя признать их гнев? Кому служит сокрытие причин их гнева? Почему так трудно правильно взглянуть на ужас миллионов американцев — большинство из которых, но не все, конечно, алкоголики, - навещающих своих детей каждый день».

Легко документировать случаи насилия в гей-мире. Был, конечно, и Хьюстон, где замучили и убили не менее двадцати семи мальчишек.

Совсем недавно, в августе 1975 года, полиция Сент-Луиса задержала пятерых подростков, в том числе четырнадцатилетнего мальчика и восемнадцатилетнюю девушку, за убийство двух мальчиков, подвергшихся сексуальному насилию и избиению тяжелыми сковородами, изуродованных ножом и сброшенных в канализацию.

Полиция сообщила, что к жертвам - одному четырнадцать, другому шестнадцать- приставала банда подростков, которые «глотали таблетки и курили траву».

На той же неделе четверо мужчин похитили двенадцатилетнего мальчика в Лос-Анджелесе и провезли его через всю страну, заставляя по дороге совершать с ними половые акты. Они сказали мальчику, что везут его в Чикаго, где продадут для занятий сексом. Они были арестованы в Фентоне, штат Миссури, когда их остановили за превышение скорости.

В Сан-Франциско только что прибыл шестнадцатилетний мальчик из Пенсильвании. Его подобрали двое мужчин возле Городского колледжа Сан-Франциско и отвезли в место, расположенное примерно в двадцати пяти милях к югу от города, распластали в кузове фургона и кастрировали. В течение нескольких часов помощники шерифа арестовали двух подозреваемых, восемнадцатилетнего повара, работающего по заказам, и

тридцатичетырехлетнего ремонтника телефонной компании. В их фургоне был найден набор хирургических инструментов – и яички мальчика. Оба мужчины сказали, что они гомосексуалы. Мужчина работал консультантом в общественном центре «Рука помощи» - организации геев.

В Скрэнтоне, штат Пенсильвания, условно-досрочно освобожденный из психиатрического учреждения (хотя он и признался в убийстве своей двоюродной бабушки) заключен под стражу за «убийства на сексуальной почве» двух тринадцатилетних мальчиков. Около 200 человек забросали его снежками, когда его выводили из здания суда после предъявления обвинений.

В Филадельфии двадцативосьмилетний Сэнфорд Шор был признан виновным в убийстве второй степени, за то, что зарезал четырнадцатилетнего мальчика, путешествующего автостопом, которого он подобрал. Он дал показания, что сказал мальчику, что в машине заложена бомба, и он взорвет её, если тот не сделает, что ему скажут. Затем Шор поведал, что связал мальчика галстуком и «помнит, как оказался на нем сверху с ножом в руке, и на ноже была кровь».

Двенадцатью годами ранее Город братской любви запустил программу для мальчиков-правонарушителей в результате скандала, в ходе которого шестнадцатилетний мальчик из хорошей семьи убил четырнадцатилетнего мальчика, с которым познакомился в кинотеатре. Старший мальчик пригласил младшего к себе домой под предлогом демонстрации ему своего химического набора. Когда младший мальчик отверг сексуальные домогательства старшего, он получил тридцать ножевых ранений и был брошен связанным за гаражом.

В Рочестере, штат Нью-Йорк, семнадцатилетний подросток был признан виновным в нанесении ножевого ранения пятидесяти шестилетнему мужчине, которого мальчик знал с одиннадцати лет. Молодой человек утверждал, что защищался от гомосексуальных домогательств со стороны мужчины... бывшего социального работника. Мальчик показал, что он ударил мужчину ножом, пытаясь помешать совершить акт содомии. В суде мужчина отрицал, что он гомосексуал. В любом случае, присяжных не впечатлили показания мальчика. Прокурор утверждал, что мальчик, знавший мужчину шесть лет, охотно пришёл в его квартиру, зная, чего ожидать, и не предпринимал попыток сбежать оттуда.

Истории о насилии, подобные этим, являются обычным явлением, и возникает плохая картина гей-мира, в которой гомосексуалы склонны к насилию. Но нет абсолютно никаких доказательств, подтверждающих подобное.

Действительно, продолжительное исследование, проведенное Институтом сексуальных исследований (ISR) Индианы, показало, что гомосексуалисты, совершавшие преступления против детей, почти никогда не применяли силу, но её часто применяли гетеросексуальные преступники, совершившие преступления против детей. Исследование также показало, что гомосексуалисты примерно в половине случаев являлись друзьями своих детей-партнеров, и в

половине дел, дошедших до суда, мальчики фактически поощряли правонарушения. Это говорит о том, что случаев, в которых мальчик выступает зачинщиком, гораздо больше, чем дел такого рода, доходящих до суда.

Исследование Института было основано на опросах более 1500 мужчин, осужденных за самые разные преступления на сексуальной почве. Авторы исследования пришли к выводу, что утверждение о том, что гомосексуалы склонны к насилию, является мифом; скорее насилие является прерогативой гетеросексуалов.

Психиатр из Сан-Франциско, доктор Мартин Хоффман, делает следующие комментарии в своей книге «The Gay World / Гей-мир».

«Это эмпирический факт, что взрослый гомосексуал, действующий по согласию, имеющий проблемы с законом, не склонен к совершению насильственных преступлений или преступлений против детей. Гомосексуалы не более склонны соблазнять мальчиков, чем гетеросексуальные мужчины соблазняют девочек».

Ссылаясь на исследование ISR-студии, Хоффман предлагает теорию о том, почему насилие не может быть фактором в сексуальных отношениях между взрослым мужчиной и мальчиком:

«В 45 процентах случаев методом удовлетворения была мастурбация, в 38 процентах случаев мальчику выполнялась фелляция. Анальный половой акт имел место только в 4 процентах случаев. [Хоффман не объясняет неучтенные 13 процентов.] Мастурбация или минет мальчику включает в себя создание эрекции с его стороны и доведение до оргазма. Я думаю, нетрудно понять, что это может быть сделано только при сотрудничестве мальчика. Другими словами, подобные сексуальные техники не могут быть осуществлены насильно. Нельзя довести мальчика до оргазма, если он не является партнером по обоюдному согласию».

Хоффман подчеркивает, что мужчина-гомосексуал не является характерным типом сексуального преступника в отношении детей:

«Он, скорее всего, будет мужчиной, который был женат или собирается жениться, и который также имеет тенденцию желать сексуальных отношений с молодыми девушками».

Он заключает:

«…высказанные сотрудниками полиции предположения о том, что арестованный взрослый гомосексуал по согласию представляет собой потенциальную опасность для детей или склонен к насилию, просто не соответствует действительности».

Правдой является то, что мальчики, осужденные за подобный тип преступления, почти неизбежно встречают нового противника: американскую систему ювенальной юстиции.

ГЛАВА 10. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОШИБКА

«...109 разных жертв и 276 агрессоров...»

Хотя участь ребенка, страдающего от несчастливой жизни в семье, не из самых приятных, она зачастую легче, чем участь того, кто попадает в систему ювенальной юстиции. Теперь его жизнь будут контролировать ювенальные власти, ювенальные «эксперты» - так называемые профессионалы. В отличие от жестокого родителя, которого иногда арестовывают и осуждают за его действия, с «профессионалами» такого почти никогда не случается, потому что все, что они делают — любое предпринятое ими действие — всегда «в интересах ребенка».

Взгляните на случай с Дэнни Кросслендом, описанный Майком Ройко в «Чикаго Дейли Ньюс» в июле 1974 года. Пятнадцатилетний Дэнни в то время цеплялся за жизнь в чикагской больнице после передозировки наркотиков. Обозреватель Ройко заинтересовался этим делом и навел справки о прошлом Дэнни.

Как сердито выразился Ройко:
«Трудно поверить, что жизнь одного ребенка может быть так основательно испорчена людьми, которым платят за то, чтобы они знали, что они делают».
По словам Ройко, Чикагским судом по делам несовершеннолетних Дэнни в возрасте одиннадцати лет был забран из семьи после жизни в «змеином логове». В течении нескольких лет Дэнни переводили из одного учреждения в другое, из одной приемной семьи в другую, и даже отправили за пределы штата в частный детский дом в Техасе (в то время штат Иллинойс по какой-то особой причине отправил несколько своих иждивенцев и заброшенных подопечных в приюты Техаса. План окончательно провалился, когда выяснилось, что техасские учреждения оказались в лучшем случае «дрянными», и Иллинойс вернул своих детей в их родной штат).

В конце концов Дэнни оказался в государственном временном приюте под названием «Эдвардс-центр», где дети содержались до тех пор, пока для них не находилось что-то получше. По словам Ройко, «Эдвардс-центр» был настоящим позорищем. Его руководитель не верил в запертые двери. Дети убегали по своему желанию, наркотики были легкодоступны.

Дэнни, как и многие другие, сбегал несколько раз; его возвращала полиция, и он тут же сбегал снова. Была целая серия побегов и возвращений. Затем его включили в программу под названием «Охват», которую, по словам Ройко, следовало бы назвать «помойкой». По этой программе государство перевело Дэнни в YMCA Лоусона [Victor F. Lawson House YMCA], оплачивало его счета за аренду и питание, давало ему пятнадцать долларов в неделю... и предоставляло полную свободу.

Ройко отметил, что YMCA Лоусона - одна из самых популярных гомосексуальных тусовок в Чикаго, расположенная в «сердце процветающего района порока, наркотиков, проституции, пьянства – вы сами можете подобрать эпитеты к названию этой территории».

Дэнни, предоставленный себе, бродил по улицам, увлекся кислотой, метамфетамином, алкоголем и миром секса. Ему еще не было пятнадцати. Когда полиция нашла его, он находился на грани смерти от передозировки.

Ройко с горечью подвел итог, указав, что Дэнни по праву находится под опекой государства. Это означает, что штат должен был занять место его родителей... и если бы настоящие родители сделали то, что штат сделал с Дэнни, судья бы строго их наказал.

Позже Ройко рассказал в телефонном разговоре, что Дэнни пережил передозировку наркотиками. Но остается только гадать, что этот опыт сделал с разумом Дэнни. Крайне маловероятно, что он вырастет нормальным, всесторонне развитым человеком. Он продукт государства; индивид, созданный обществом. Позже общество, вероятно, придется снова столкнуться с Дэнни Кросслендом и тысячами ему подобных.

Доктор Ричард Корн из Школы криминологии Университета Калифорнии зачитал это заявление, сделанное заключенным Сан-Квентина [тюрьма на мысе Сан-Квентин в округе Марин, штат Калифорния, США] Подкомитету по расследованию правонарушений среди несовершеннолетних:

«За свою жизнь я убил двадцать одного человека, совершил тысячи краж со взломом, грабежей, воровства, поджогов и, что не менее важно, я совершил содомию с более чем тысячей мужчин. И я совершенно не жалею об этом. У меня нет совести, так что это меня не беспокоит. Я не верю ни в человека, ни в Бога, ни в дьявола. Я ненавижу всю чертову человеческую расу, включая себя. Если вы или кто-либо ещё возьмет на себя труд, и у вас хватит ума или терпения проследить и изучить каждое из моих преступлений, вы обнаружите, что я последовательно следовал одной идее на протяжении всей своей жизни. Я охотился на слабых, безобидных и ничего не подозревающих. Этот урок мне преподали другие; сила дает право».

Несмотря на огромное количество доказательств, свидетельствующих о провалах системы ювенальной юстиции, она продолжает свое шаткое существование.

Судья Лоис Г. Форер из Филадельфии сообщил тому же Подкомитету по расследованию правонарушений среди несовершеннолетних:

«С сожалением сообщаю вам, что, за некоторыми заметными исключениями, мы терпим неудачу; мы не в состоянии дать нашей молодежи понимание важности верховенства

закона в демократическом обществе; мы не в состоянии научить нашу молодежь жить в высокотехнологичном, сложном и трудном мире; мы не в состоянии обеспечить их навыками, необходимыми для честной жизни в обществе, которое уделяет столько внимания финансовому успеху и материальному имуществу; мы не предоставляем им медицинской помощи и лечения, необходимых для того, чтобы они могли вырасти физически и эмоционально здоровыми взрослыми; мы не в состоянии привить им чувство сострадания, доброты и любви к другим людям, потому что мы не относимся к нашим молодым людям с состраданием, добротой и любовью».

Теория, лежащая в основе институционализации, заключается в том, что если мальчик не может научиться жить по правилам общества, то он должен быть изолирован, чтобы общество было защищены от него – и все это делается, конечно же, в интересах ребенка.

Абсолютное безумие этой теории, безусловно, очевидно. Упрощенно говоря, цикл выглядит следующим образом: у мальчика возникают проблемы в школе. Родители обращаются в органы по делам несовершеннолетних и жалуются, что больше не могут совладать с мальчиком, и просят о помощи; они сдались. Даже если существуют альтернативы, родители редко знают, какие. Итак, несчастные родители и беспомощный мальчик предстают перед судьей по делам несовершеннолетних, часто неквалифицированным, который запускает судебный процесс, привлекая мальчика к системе ювенальной юстиции — этой мрачной, некомпетентной системе, которую так упорно поддерживают мрачные, некомпетентные люди, управляющие ей.

Попав в лабиринт ювенальной юстиции, мальчик присоединяется к полумиллиону других детей, ежегодно содержащихся в учреждениях для несовершеннолетних, многие из них за «преступления» вроде прогулов, ругани, мелкие кражи, побеги из дома и целый ряд других несущественных инцидентов, которые были навязаны общественности в качестве преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Мальчик может контактировать с теми, кто совершал убийства, изнасилования, поджоги, злоупотреблял наркотиками, торговал наркотиками, совершал кражи со взломом, наносил увечья, был виновен в непредумышленных убийствах и т.д.

Доктор Корн выразился так:

«Мы упорствуем в этих действиях перед лицом неопровержимых доказательств того, что терпим провал. И, тем не менее, этот провал не ведет к потере нашей исключительной концессии, нашей монополии, которую мы защищаем от всякой конкуренции, особенно со стороны частных лиц.

Наше поле деятельности уникально тем, что провал — это фактическая гарантия большего престижа, власти и денег. Я не могу припомнить ни одного другого бизнеса, в котором провал продукта так успешно использовался бы в качестве аргумента в пользу повторения тех же операций, которые привели к его созданию... Несмотря на все проблемы, которые мы предпринимаем, и все страдания, которые мы причиняем,

безопасность и покой граждан, ставших жертвами преступлений, по-прежнему находятся под угрозой. И эта опасность, похоже, растет».

Один случай, произошедший в 1968 году в Филадельфии, четко иллюстрирует, на что похожа институциональная жизнь. Адвокат обратился с жалобой в суд на то, что его клиент, худощавый юноша, подвергся неоднократным изнасилованиям несколькими заключенными, пока их перевозили в фургоне шерифа.

Всего несколько недель спустя тот же адвокат, Джозеф Э. Алессандрони, снова подал жалобу на то, что другой из его клиентов, которого судья поместил в Центр временного содержания Филадельфии только до вынесения приговора, подвергся сексуальному насилию в течение нескольких минут после его поступления туда.

Судья распорядился провести расследование; в то же время Фрэнк Л. Риццо, бывший тогда комиссаром полиции, начал параллельное расследование. Два расследования, которые позже были объединены, выявили, что сексуальные посягательства в пенитенциарной системе Филадельфии носят эпидемический характер. Как признали тюремные чиновники, практически каждый молодой человек слабого телосложения, осужденный судом, подвергся сексуальному насилию в течение одного-двух дней после его поступления в тюрьму. Многих из этих молодых людей неоднократно насиловали банды сокамерников, другие из-за угрозы группового изнасилования искали защиты, вступая в гомосексуальные отношения с отдельными мучителями. Гомосексуального изнасилования избежали только самые крепкие и закаленные молодые люди, а также те немногие, кто был настолько слаб, что их немедленно изолировали ради их защиты.

После того, как молодой человек был изнасилован, он получал что-то вроде метки сексуальной жертвы на все время его заключения. Эта метка следовала за ним из одного исправительного учреждения в другое. Многие из этих молодых людей были выпущены на свободу обесчещенными и полными ненависти.

Такова была и продолжает существовать ныне сексуальная система, не только в тюрьмах Филадельфии, но и в тюрьмах и исправительных учреждениях для несовершеннолетних по всей стране. Это система, которая налагает наказание, которое не включено и не может быть включено в приговор суда. В действительности, это система, при которой больше всего страдают наименее закоренелые преступники, а также многие, признанные впоследствии невиновными.

Давайте проследим за мучениями одного молодого человека, описанными Подкомитету сенатору Берча Бэя по расследованию правонарушений среди несовершеннолетних.

«Меня определили в общежитие «Е». Сразу после того, как погас свет, я увидел цветного мужчину, шайенна; кажется, его фамилия была Бун. Он подошел, заговорил с тем парнем и ударил того по лицу ремнем. Парень сказал: «Я не хочу». После того, как его ударили ремнем, он пошел обратно с шайенном и еще одним цветным парнем по кличке Конь. Они повели его обратно в общежитие «Е». Они сказали, чтобы он опустил руки и перестал плакать, чтобы охранник не понял, что происходит. Я пару раз смотрел туда. Они уложили этого парня на пол. Около двенадцати парней по очереди были с ним. Это продолжалось около двух гонгов.

После этого он [парень] вернулся к своей кровати и плакал. Он заявил, что «они все по очереди набросились на меня. Они все по очереди набросились на меня». Он пролежал около двадцати минут. Шайенн подошел к этому парню на кровати, схватил его за руки, забрался на него сверху и снова изнасиловал. Когда он слез, Конь сделал это снова, а затем на него набросились еще четверо или пятеро. Пока один из них был на нем, насилуя, Конь подошел и сказал: «Открой рот и соси, но не кусай». Затем он засунул свой пенис парню в рот и заставил сосать.

Этот парень кричал, что его тошнит, а Конь заявил: «Лучше тебе не кусать его, иначе я выбью тебе зубы». Пока они занимались этим парнем, у них был ещё один парень по имени Уильям, в другой части общежития «Е». Он был без штанов и согнулся, и они по очереди нападали на него. Это были Конь, шайенн и еще семеро цветных парней. Двое из этих семи были братьями. Конь вернулся и заявил: «Парень, у меня было два девственника за ночь. Может быть, мне сделать и третьего?» В это время он стоял надо мной. Я сказал: «На что ты смотришь?» А он сказал: «Мы оставим его на завтрашнюю ночь».

В течение двадцати шестимесячного периода, изученного исследовательской группой из Филадельфии, обнаружилось, что было совершено 156 сексуальных посягательств, которые можно задокументировать и подтвердить с помощью институциональных записей, проверок на полиграфе и других подтверждающих устройств. Семь нападений произошло в фургонах шерифа по дороге в тюрьмы или из них; 149 в самих учреждениях. Из сексуальных посягательств восемьдесят два состояли из совращения, девятнадцать - фелляции, пятьдесят пять - попыток и принуждения к совершению половых актов. Было 109 жертв и 276 агрессоров. В отчете был сделан вывод о том, что по разным причинам реальные цифры, несомненно, намного выше.

В своем расследовании сексуальных посягательств исследовательская группа из Филадельфии исключила любые случаи имевших место гомосексуальных актов «по согласию».

Тем не менее, по их словам, трудно отделить гомосексуальность по обоюдному согласию от изнасилования, поскольку многие постоянные изолированные гомосексуальные связи возникали в результате группового изнасилования или постоянной угрозы группового изнасилования.

Точно так же многие индивидуальные гомосексуальные акты стали возможными только из-за нагнетаемой атмосферы страха. Подобные угрозы изнасилованием, выраженные или подразумеваемые, могли побудить и без того напуганного молодого человека подчиниться им. Эти исследования показали, что тюремные чиновники слишком быстро называют такие действия актом «по обоюдному согласию».

На противоположном конце спектра от невинных жертв находится гомосексуальное изнасилование мужчин-проституток. Предполагается, что гомосексуалисты, известные как «неженки», «фрики» или «девочки», должны были быть отделены от общего тюремного населения. Однако они оказывались легко доступны. Исследовательская группа узнала о неоднократных случаях, когда гомосексуальные «камеры безопасности» оставлялись без присмотра персонала, которого было слишком мало, или охранники были слишком безразличны, или отворачивались, чтобы некоторые привилегированные заключенные могли вступить в сексуальные отношения. Многие из этих мужчин-проституток были созданы не только силой или угрозой силы, но и путем подкупа. В тюремной жизни определение «проституции» может быть расширено за счет включения туда мотивов самосохранения. Заключенный может заниматься проституцией, пытаясь таким образом обеспечить себе защиту. В таких ситуациях экономическая выгода не является преобладающей. Как правило, опытный заключенный дает неопытному сигареты, конфеты, успокоительные, бритвенные лезвия из нержавеющей стали или еду, украденную с кухни. Через несколько дней он требует расплаты сексом. Для опытных заключенных также характерно вовлекать юных в азартные игры, заставляя влезать в большие долги, а затем ставить юных заключенных перед фактом: «оплата или трах». После чего первоначальный половой акт клеймит жертву как «мальчика-пассива» [punk-boy], и тот вынужден заниматься проституцией до конца своего заключения.

Исследовательская группа заявила: их поразил тот факт, что типичный сексуальный агрессор не считает себя гомосексуалистом или даже совершившим гомосексуальные действия. Такое отношение, распространенное по всей стране, по-видимому, основано на поразительно примитивном взгляде на сексуальные отношения, который определяет агрессивного партнера как мужчину, а пассивного — как женщину.

Система в Филадельфии, к сожалению, типична для всей страны. Один юноша рассказал об инциденте, свидетелем которого он стал в исправительном учреждении Нью-Йорка:

«Мальчика поймали на гомосексуальном акте. Его пинали по голове ботинками со стальными носками, забрали у него всю одежду, а это было в середине зимы (а там бывает два-четыре градуса ниже нуля), облили пол холодной водой, вынесли всю мебель из комнаты, заперли его и заставил мальчика спать на полу в воде и с открытым окном».

В показаниях, данных Подкомитету по расследованию правонарушений среди несовершеннолетних в конце 1971 года, Джозеф Роуэн, исполнительный директор Ассоциации Джона Ховарда из Чикаго (престижной организации, занимающейся проблемами освобожденных и находящихся в заключении), удовлетворил просьбу сенатора Бэя,

попросившего организацию представить отчет о реакции в связи с предыдущими показаниями, данными комитету Патриком Мерфи, который в то время был главным адвокатом Отдела по делам несовершеннолетних Бюро юридической помощи Чикаго. Почти во всех случаях Ассоциация Джона Ховарда поддерживала требования Мерфи. Они выразили несогласие только с одним особенно интересным случаем: он касался гомосексуального акта по обоюдному согласию между двумя несовершеннолетними. В этом отчете также описаны ужасы жизни несовершеннолетних в исправительных учреждениях.

«Мистер Мерфи заявляет, что недавно он подал иски о нарушении гражданских прав от имени двух тринадцатилетних мальчиков, пойманных на гомосексуальном поведении по обоюдному согласию в государственной больнице Элджин. Эти два мальчика были заключены в наручники на 72,5 часа в качестве наказания за их поведение. Учреждение отрицает тот факт, что мальчики были помещены в свои кровати на 72,5 часа, утверждая, что им разрешали пользоваться туалетом, есть и отдыхать под присмотром.

Однако учреждение не отрицает, что все остальное время мальчики были прикованы к своим кроватям. Полная история по этому делу должна быть рассмотрена в полном виде. Во-первых, что такое добровольное гомосексуальное поведение для несовершеннолетних? Конечно, никому не хочется, чтобы их ребенок попал в исправительное учреждение, зная, что там он может впасть в «гомосексуальное поведение по обоюдному согласию». То, что является гомосексуальным поведением по обоюдному согласию для взрослого, не должно интерпретироваться как обязательно правильное для несовершеннолетних. Господин Мерфи создает впечатление, что, поскольку имело место «согласие», дети не должны были подвергаться наказанию. Однако если это так, то дети должны иметь право курить или пить. Это нонсенс.

Дети этого возраста нуждаются в защите не только тогда, когда они «нормальны» и обладают «средним» интеллектом, но и когда известно, что это эмоционально неуравновешенные дети, скорее всего, дети с низким IQ, и при принятии решений в интересах этих детей требуется больше контроля и руководства.

Кроме того, следует отметить, что один ребенок, описанный [господином Мерфи] в качестве «игрушки для камеры», и который является жертвой гомосексуального насилия, заразился анальной гонореей от молодого парня, который был агрессором и который только что побывал в отпуске дома на уикенд, где и заразился гонореей. Реципиент гомосексуального поведения был «мальчиком пассивом» для всего отделения исправительного учреждения. Таким образом, после того, как несколько детей были вовлечены в гомосексуальное поведение, в результате которого в течение двух недель семнадцать из двадцати трех мальчиков этого отделения заболели гонореей. Конечно, следует заявить об отсутствии пристального надзора. Однако даже при самом лучшем надзоре у детей, особенно эмоционально неуравновешенных, все же имеются возможности для участия в гомосексуальных актах.

В больнице Элджин нет «тихих комнат» или «зон изоляции» для детей. Таким образом, считается, что для того, чтобы ребенок не общался с окружающими в целом, необходимо применять сдерживающие меры. Дети, прикованные к кровати, могут двигаться руками и ногами от шести до восьми дюймов, даже при наличии ограничений... Нет сомнений, что подобное в действительности кажется «грубым» и почти бесчеловечным способом сдерживания детей. Однако это единственная альтернатива, которая, по мнению больницы, имеется. У многих из этих детей наркотики и лекарства не смогли сдержать их агрессивное поведение».

Отчет Ассоциации Джона Ховарда в своем резюме содержал мрачное предупреждение: *«Вряд ли найдется много штатов в стране, где отношение и надзор лучше, чем в Иллинойсе, так как защита детей в нашей стране не является сегодня приоритетом. Пока мы делаем упор на другие области, вспомогательные профессии будут оставаться всего лишь пасынками».*

В некоторых приютах для мальчиков разыгрывается еще более смертельная игра. Подпольная «продажа» юных подопечных ради получения милостей от богатых покровителей или, иногда, избавление от мальчиков.

Один приют для мальчиков – ранчо под частным руководством – находился в благополучном состоянии. Это был один из многочисленных приютов по всей стране, находящихся в ведении местных фондов, иногда финансируемых субсидиями округа. Этот конкретный приют раньше был начальной школой, оказавшейся невостребованной, когда население небольшого города стало переселяться в большие города. В приюте были созданы условия для содержания несовершеннолетних правонарушителей, мальчиков примерно от десяти до шестнадцати лет. В приюте в среднем содержалось около сорока мальчиков, находящихся «под присмотром» команды мужа и жены, которым помогала кое-какая обслуга, работающая неполный рабочий день. Совет директоров состоял из местных бизнесменов, главной заботой которых было обеспечение безубыточности дома. Они собирались, когда у дома ломался автомобиль или требовалась одежда. Все мальчики посещали государственные школы, но были вынуждены из-за своей местной «дурной славы» держаться друг друга. Поскольку сам дом находился в двадцати милях от города, мальчики в основном держались особняком.

В приюте было только самое необходимое: еда, кров, медицинская помощь, одежда... и все. Не было ни консультаций, ни репетиторства, и единственными структурированными программами были домашние дела помимо школы, обеспечивающие еду на столах. Совет директоров приюта надеялся, что местные жители станут забирать избранных мальчиков к себе домой хотя бы на выходные. Но местные жители не были слишком заинтересованы в подобной поддержке. Так что жизнь в школе для этих мальчиков была не мрачной. Она была просто скучной.

Вечерами и в выходные дни мальчики попросту слонялись без дела. Изнасилование младших мальчиков мальчиками постарше было обычным явлением. Когда это обнаруживали, от случившегося отмахивались хриплым голосом: «Бросай дурачиться, а то будешь месяц кормиться помоями вместе со свиньями».

На ранчо жили трое братьев двенадцати, четырнадцати и пятнадцати лет, сыновья проповедника-фундаменталиста. Они попали в так называемую категорию «диких мальчиков». Их главным интересом и главным развлечением был секс. Двое старших мальчиков часто развлекали других мальчиков в общежитии, принуждая их младшего брата делать минет им или другим, кто оказывались за это в долгу перед ними. Однако «принуждение» неверное слово, потому что младший мальчик наслаждался всеми доступными видами сексуальной активности.

Этих трех братьев можно считать счастливчиками. Одним из наиболее активных сборщиков средств для приюта и одним из основных членов совета директоров был местный педиатр, увлеченный этими тремя братьями. Доктор был женат и имел двух собственных детей, но по крайней мере один из братьев проводил выходные в доме доктора; часто все трое проводили там уикенд.

Во время таких контактов с доктором братья советовали ему, на кого из мальчиков на ранчо стоит обратить внимание... и что конкретно тот предпочитает. У доктора был постоянный выбор юных сексуальных партнеров, а команда трех братьев даже обучала мальчиков для него.

Несколько других мужчин - обычно одиноких и живущих поблизости - также приезжали в приют по пятничным вечерам - дабы забрать мальчиков по своему выбору для развлечений на выходных. Что происходило на самом деле, было хорошо известно каждому мальчику из приюта, но остальные считали избранных мальчиков очень удачливыми; тем, кому стоило завидовать. Неизбранные мальчики уговаривали своих друзей устроить для них уикенд со взрослым партнером.

Предположительно, владельцы приюта также знали о происходящем, но пока взрослый вел себя презентабельно и выбирал «безопасных» мальчиков, в приюте закрывали глаза на это глаза. Разумеется, никаких домогательств на людях не было. Все играли в игру ко всеобщему удовлетворению.

Один особенно привлекательный мальчик, пользующийся большим спросом на уикендах, утверждал, что добился успеха со всеми остальными мальчиками в школе, пообещав брать их с собой в поездки на выходные.

Ранчо, к счастью, сейчас закрыто из-за нехватки средств. Педиатр потерял интерес к двум старшим братьям, но по-прежнему пользуется услугами младшего мальчика, который теперь набирает других мальчиков в ближайшем городе.

Ранее вы прочли горькое заявление, сделанное заключенным из Сан-Квентина, который провел большую часть своей жизни в тюрьме. Цитата была из заключительной части его выступления. Во вступительной части он описал свои переживания и чувства в подростковом возрасте:

«Я начал отбывать срок, когда мне исполнилось одиннадцать, и с тех пор практически ничем другим не занимался. То время, которое я не проводил в тюрьме, я тратил либо на то, чтобы выйти оттуда, либо на то, чтобы снова сесть. То, что делают с тобой, ты делаешь и с другими. То, что я делаю с другими, делают и многие другие. Таким образом, мы поступаем друг с другом так, как поступают с нами. Я поступал так, как меня учили поступать. Я ничем не отличался от других. Меня учили, как жить, и я жил так, как учили. А если вы учите других, как учили меня, то вы, как и они, должны платить цену, и эта цена очень высока. Вы теряете все – даже жизнь. Теперь вы, кто не знает ни меня, ни моих желаний, вы решаете, никоим образом не посоветовавшись со мной. Я говорю вам сейчас, что единственное, что вы или вам подобные когда-либо получите от меня за ваши усилия от моего имени, - это то, что мне хотелось бы, чтобы у вас у всех была одна шея, и чтобы я мог обхватил ее руками. У меня нет никакого желания исправляться. Мое единственное желание - перевоспитать людей, которые пытаются перевоспитать меня, и я верю, что единственный способ перевоспитать людей - убить их. Я могу в любой момент уйти отсюда в какую-нибудь тюрягу, сумасшедший дом или дом смертников, но мне наплевать, куда меня поместят. Меня не продержат там долго, потому что никакая сила на земле не сможет удержать меня в живых и в тюрьме очень долго. Я бы хотел закончить писать о всем этом деле в деталях, и прежде чем я начну, я хочу объяснить свою точку зрения, даже если никто никогда не услышит или не прочтёт об этом, кроме одного человека. Но один человек или миллион - для меня не имеет значения. Когда я закончу, я закончу все, и со мной определятся».

Было бы легко отмахнуться от этого, как от бредовой горечи конкретного человека, но это слишком просто. Дело в том, что он типичный продукт нашей системы ювенальной юстиции. Неизбежно, что очень большой процент наших взрослых преступников также являются продуктами наших исправительных заведениях для несовершеннолетних.

ГЛАВА 11. ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ

«Пятьсот девяносто миллионов долларов в год растворяются во множестве разбитых окон и уничтоженного оборудования»

Там имелось много опечаток, но смысл был трагически ясен:

Дорогие мама и папа: Мы совершили самоубийство, потому что не несли ничего хорошего и больше не были частью семьи. Поэтому, прощайте. Вспоминайте. Простите за все.

Эту записку оставили десятилетние братья-близнецы из Питтсбурга, в августе 1975 года, перед попыткой покончить с собой, нанеся ножевые ранения, приняв крысиный яд и вдохнув эфир из аэрозольного баллончика.

Когда мальчиков нашла их мать, у одного в животе все еще торчал нож. Два мальчика были подавлены после того, как отец отругал их и приказал написать шестьсот раз: «Воровство и ложь — две заповеди, которые нельзя нарушать». Оба мальчика выжили.

В сентябре 1975 года восемнадцатилетний скаут-орел и отличник из Сан-Диего был приговорен к пожизненному заключению за убийство топором своих родителей и старшей сестры. Даниэль Альштадт был наказан отцом за плохие оценки. После убийства юный Альштадт поджег дом и отправился на вечеринку.

Примерно в то же время шестнадцатилетний Майкл Слободян пошел на убийство-самоубийство в Брамптоне, Онтарио, и открыл огонь по своим одноклассникам и учителю. Он убил учителя и ученика, ранил еще тринадцать человек и, под конец, направил пистолет на себя. Его сестра сообщила: он сказал ей, что ему «надоела жизнь», и он написал семье записку, в которой говорилось, что он «собирается устранить некоторых людей» и покончить с собой. По ее словам, он был зол, потому что учителя английского языка и физики написали родителям о его плохой посещаемости.

За последнее десятилетие число подростковых самоубийств в США утроилось. Теперь оно составляет около тридцати человек в день. Более половины пациентов психиатрических больниц страны моложе двадцати одного года.

Доктор Дарольд Трефферт, директор Центра психического здоровья Института Виннебаго в Ошкоше, штат Висконсин, возлагает часть вины за вызывающий тревогу рост подростковых самоубийств на то, что он называет «американской сказкой». Он говорит, что «сказка» состоит из пяти элементов: чем больше имущества, тем больше счастья; человек, производящий много, важнее того, кто производит мало; каждый должен принадлежать к какой-то большей группе и идентифицировать себя с ней; что идеальное психическое здоровье означает отсутствие проблем; что человек ненормален, если постоянно не счастлив.

«Для некоторых, — говорит Трефферт, — *американская сказка заканчивается самоубийством или психиатрическими больницами, но для бесчисленного множества других она вообще никогда не заканчивается».* Он имел в виду миллионы американцев, которых на протяжении всей их жизни мучает гложущая пустота или бессмысленность, выраженная не как страх перед тем, что может с ними случиться, а скорее как страх, что с ними ничего не случится. Трефферт утверждает, что американцы должны перестать оценивать себя по тому, чем они владеют или что они сделали, и научиться принимать и справляться со своими психическими и эмоциональными проблемами.

«Родители, — говорит он, — должны избегать попыток заставить своих детей соответствовать стандартам сказки, должны относиться к ним как к личностям, а не как к собственности». Он добавил: «Мы измеряем нашу страну с точки зрения валового национального продукта, но упускаем из виду наш валовой национальный невроз, который является нашей озабоченностью производством».

Очевидно, что мы не озабочены рождением стабильных, благополучных детей, когда каждый восьмой американец страдает психическими расстройствами, а психиатрическая индустрия бурно развивается. Американских детей обманули, и есть явные признаки того, что они знают об этом. Тем не менее, несмотря на то, что они постоянно говорят нам об этом десятками разнообразных способов, мы продолжаем игнорировать это. Мы наблюдаем за быстро растущим уровнем делинквентного [антиобщественного] поведения и требуем незамедлительных корректирующих действий. Но «корректирующие действия» обычно состоят из пропаганды «жесткой» политики. Они редко включают в себя рассмотрение причин делинквентного поведения.

Эксперты по делам детей, к которым мы внимательно прислушивались на протяжении многих лет, говорят, что им нужно больше денег для борьбы с преступностью среди несовершеннолетних. Но даже когда появляется больше денег, те неизменно тратятся не в том направлении. Наглядным примером является волна вандализма, захлестнувшая школы по всей стране.

Сейчас вандализм обходится налогоплательщикам более чем в пятьсот девяносто миллионов долларов в год. Пятьсот девяносто миллионов долларов в год растворяются в осколках разбитых окон и уничтоженного оборудования!

Дж. Арлен Марш, редактор исследования школьной безопасности, говорит: «Стоимость замены разбитых окон в среднем большом городе позволила бы ежегодно строить по одной новой школе!» Эту невероятную трату денег часто называют «бессмысленной». Но разве это бессмысленно? Это очень сильное, ясное послание, если только мы захотим к нему прислушаться.

В исследовании под названием «Кризис городских школ» говорится, что «учащиеся смотрят на школу как на чужую территорию, враждебную их амбициям и надеждам, что образование, которое пытается дать им система, лишено смысла, учащиеся не испытывают гордости за здания, в которых проводят большую часть своего времени».

Эта стоимость вандализма равна общей сумме, потраченной на учебники для каждой школы в стране в 1972 году. Но школьные чиновники отреагировали на подобное послание, потратив равную сумму денег на безопасность - но не для предотвращения вандализма, а для ареста виновных в причинении ущерба.

Например, в 1965 году в школьной системе Лос-Анджелеса имелось всего пятнадцать охранников. За шесть коротких лет - за которые никто по-видимому, так никто и не понял смысла послания, это количество увеличилось до ста человек при затратах более миллиона долларов в год. В течение 1972-1973 учебного года эта цифра снова удвоилась: Лос-Анджелес потратил более двух миллионов долларов на службы безопасности школ.

В Нью-Йорке показатели еще хуже. В 1971 году Нью-Йоркские налогоплательщики выделили 1 300 000 долларов на охрану плюс еще 3 500 000 долларов на полицейских, размещенных в школах. Несмотря на эти расходы, ущерб от вандализма за тот же период составил не менее 3 700 000 долларов.

Эти цифры зачастую пытаются преподнести как часть цены жизни в большом городе. Но это попросту не согласуется с фактами. В число пятидесяти крупнейших криминальных центров США входят Финикс, Дейтона-Бич, Фресно и Альбукерке. И эти города входят в первую десятку!

Еще большей проблемой, чем вандализм, является насилие в школах, и очевидная готовность общества принимать его как часть повседневной школьной жизни. Учителя и ученики становятся жертвами убийств, нападений, изнасилований и грабежей в школах с неуклонно возрастающей скоростью. В период с 1970 по 1973 год в школах Дейтона, штат Огайо, 362 учителя подверглись нападению; в Канзас-Сити, штат Миссури, за тот же период более 250 учителей постигла та же участь; в Чикаго ученик застрелил директора начальной школы.

Тот факт, что 70 000 учителей ежегодно подвергаются физическому насилию со стороны детей в школах, послужил поводом для следующего текста в буклете, выпущенном Объединенной федерацией учителей: «Если ученик не вооружен, женщина должна помнить, что ее колено или почти любой инструмент может стать оружие. Ручка *Bic* откроет пивную банку, почку или глаз».

В буклете также говорится: «Самое надежное средство предотвращения сексуальных нападений — никогда не оставаться в одиночестве».

Сенатор Берч Бэй описал статистику сегодняшнего насилия в школах как «реестр насилия... который читается как список жертв в зоне боевых действий или годовой отчет полицейского отдела нравов». Опрос 1973 года, проведенный лишь в 757 школьных округах, показал, что в школах было убито более ста учеников. Один только городской школьный округ сообщил о конфискации более 250 единиц оружия, включая пистолеты, дробовики и винтовки! Только в Лос-Анджелесе из 222 учеников, отчисленных между 1973 и 1974 годов 76 человек было отчислено за хранение огнестрельного оружия, что в три раза больше, чем годом ранее.

Силы безопасности школьной системы Лос-Анджелеса в настоящее время насчитывают 300 блюстителей порядка, что делает их третьими по величине полицейскими силами в округе. Несмотря на эти меры безопасности, Джерри Халверсон, заместитель суперинтенданта школьного округа, рассказал об учительнице начальной школы, к которой в классе приставал ученик, приставивший нож к ее горлу, заставивший её раздеться и изнасиловавший ее на глазах класса.

Халверсон, описывая условия в школах как «катастрофические», сказал: «Эта эскалация [преступности в школах], которую можно рассматривать как аналог распространения разрушительного рака, должна быть остановлена, прежде чем она станет смертельной». Затем он сообщил Подкомитету по делам несовершеннолетних, что, как не существует единого лекарства от всех форм рака, также нет единого лекарства от насильственных и разрушительных действий, происходящих в школах.

Педагоги встревожены по понятным причинам – и это правильно. Насилие в школах — недопустимая ситуация, касающаяся всех и требующая немедленных позитивных корректирующих мер. Как сказал Халверсон, единого лекарства не существует. Но те, что предлагаются, являются всего лишь самозащитой; школьные чиновники отказываются признавать тот факт, что причина проблемы кроется в самой школьной системе. Такое признание означало бы признание неудач на протяжении многих лет, а профессионалы в детском бизнесе не могут пойти на такую откровенность. Гораздо проще, гораздо безопаснее и, конечно, гораздо приятнее обвинять учеников. Но современные педагоги с отличными рекомендациями больше не приемлют подобной оборонительной позиции.

В 1970 году, примерно в то время, когда в школах начало обостряться насилие, Чарльз Э. Зильберман, редактор, писатель и бывший преподаватель колледжа, после трех с половиной лет исследований, проведенных по заказу Карнеги Корпорейшн, опубликовал труд «Кризис в классах». Книга потрясла сообщество учителей. Ожидалось, что книга окажет большое влияние на дебаты по поводу образования в Соединенных Штатах. Но если и были какие-то дебаты, нет никаких признаков того, что они возымели какой-либо эффект. Вместо того чтобы вносить изменения, школы, руководствуясь устаревшими принципами (и руководителями), с грохотом катятся вниз, к мгновенной катастрофе. Зильберман предупреждал, что школы озабочены порядком, контролем и рутиной ради рутины; что учащиеся, по сути, подчинены школам; что практикой и систематическими репрессиями школы сами создают себе проблемы с дисциплиной; что школы поощряют послушание, пассивность и конформизм среди учеников.

Зильберман отметил, что, несмотря на попытки реформ в конце 1950-х — начале 1960-х годов, используемую в стране учебную программу можно охарактеризовать как «банальность» и «тривиальность». Зильберман в определенной степени защищает учителей и нападает на систему. Он утверждает, что школы невыносимы не потому, что учителя некомпетентны, равнодушны или жестоки. «Большинство из них, — пишет он, — порядочные, честные, полные благих намерений люди, страдающие от нынешней системы так же, как и учащиеся». «Основная причина проблем, — утверждает он далее, — заключается в том, что школы и педагогические учреждения страдают от «бездумности»: педагоги не в состоянии серьезно задуматься о целях и последствиях того, что они делают... о взаимосвязи образовательных средств с целями... и что редко ставят под сомнение устоявшуюся практику». «В начальных школах, — продолжает Зильберман, — многое из того, чему учат, не стоит знать в детстве, не говоря уже о взрослом возрасте».

В июне 1975 года два калифорнийских психолога, изучив как тюрьмы, так и средние школы, обнаружили пугающую параллель между этими двумя учреждениями. Крейг Хейни и Филип Зимбардо из Стэнфордского университета в статье, подготовленной для *Psychology Today*, заявили, что американские средние школы подобны тюрьмам, «где охранники выдают себя за учителей, а ученики учатся быть послушными заключенными». Они заявили, что учителя, как и тюремные охранники, имеют абсолютную власть над учениками и что слово учителя всегда имеет большее значение, чем слово ученика. Они сообщили, что ученики, как и заключенные, регламентируются и регулируются перекличками, звонками, фиксированными маршрутами коридоров, а занятия проводятся механически в течение определенного периода времени «независимо от естественного процесса обучения».

Они добавили, что старшеклассники, как и заключенные, должны соблюдать правила одежды и поведения.

«И тюрьмы, и средние школы, — заявили исследователи из Стэнфорда, — чувствуют себя обязанными ограничивать длину волос заключенных-мужчин, как будто длинные волосы представляют собой серьезную угрозу для власти учреждения».

Они описали здания средних школ как «огромные, суровые и архитектурно бесплодные», очень напоминающие здания, предназначенные для наказания и тюремного заключения. (Зильберман в «Кризисе в классах» аналогичным образом описал их как «гнетущие, мрачные и безрадостные»).

Нынешняя школьная система имеет очень мало общего с образованием. Скорее, это штамповка огромных армий функциональных неграмотных. Родители, работодатели и сами учащиеся обнаруживают, что не овладевают даже основными функциями чтения и письма.

Один калифорнийский мальчик обнаружил, что его обманула система, когда после окончания средней школы пошел устраиваться на работу. Его «навыки» чтения и письма были настолько

недостаточными, что он не смог заполнить простую форму заявления. Его семья немедленно подала иск против школьного совета.

В другом случае, также связанном с выпускником Калифорнии, мальчик поступил на службу в ВВС, но был уволен с начальной подготовки из-за того, что не умел читать. Его семья также подала аналогичный иск. Судья, которому было назначено слушание последнего дела, предупредил, что школьные советы по всей стране могут столкнуться с убытками в миллиарды долларов по аналогичным искам. Правда, надо задаться вопросом, где же пребывали родители в этих случаях, если им понадобилось столько времени на то, чтобы обнаружить пробелы в образовании своего ребенка.

Оказывается, существует прямая связь между неспособностью читать и малолетним правонарушителем. По данным судей и работников по делам несовершеннолетних, большая часть подростков, совершивших правонарушения, не умела читать. Суд по делам детей в Нью-Йорке заявил в исследовании, что не умеющие читать составляют более 75 процентов арестованных. Исследование Фонда Форда также показало, что уровень правонарушений намного выше среди тех, кто бросил школу, чем среди тех, кто её окончил.

Условия в Калифорнии достигли такой точки упадка, что в январе 1975 года трое членов Школьного совета Сакраменто заявили о своей усталости от неспособности округа должным образом обучать своих учеников. Председатель совета Грант Беннетт предупредил, что может отправить своих детей в частную школу из-за его «неуверенности в некоторых аспектах способности системы удовлетворить их [его детей] потребности».

Губернатор Калифорнии Эдмунд Браун-младший выступил с резкой критикой школьной системы во время разговора с лидерами демократов штата. Он подчеркнул свое нежелание выделить им больше, чем запланированное им в своих предложениях по государственному бюджету увеличение финансирования школ на 4,6 процента. Браун заявил: «Когда я вижу школы, пронизанные насилием, скукой и неуместностью, я думаю, что тут что-то не так». Губернатор добавил: «Я полон решимости учиться, но я не намерен вливать больше денег в этот сложный канал, в котором я не разбираюсь».

Сестра губернатора Брауна, Кэтлин Браун Райс, решила баллотироваться в городской школьный совет Лос-Анджелеса и легко победила. Ее предвыборная платформа утверждала, что школы выпускают учеников, которые «не умеют читать, писать и претендовать на работу». Миссис Райс призвала к новым приоритетам при финансировании школ, заявив, что «школьные программы должны быть подотчетными и приносить результаты, чтобы продолжать финансироваться».

Разрушительное сочетание скуки и рутины как в школе, так и дома заставляет ежегодно более миллиона молодых людей бежать в поисках лучшей доли. С их точки зрения, все, что они

находят, должно быть лучше того, что есть у них, потому что у большинства из них есть очень мало.

Калифорния не стоит особняком со своей мрачной картиной «образования». По всей стране родители начинают задаваться вопросом, что же они получают за свой доллар налога на образование. Документальный фильм NBC показал, что количество прогулов в школах Восточного побережья достигает 40 процентов. Хотя эта цифра никоим образом не отражает средний показатель по стране, она демонстрирует национальную тенденцию. Школьные чиновники повсюду неохотно признают, что количество прогулов растет. Поскольку существует взаимосвязь между неграмотностью и преступностью среди несовершеннолетних, разумно предположить, что рост уровня преступности среди несовершеннолетних напрямую связан с несостоятельностью школ.

Акту побега неизменно предшествует период прогулов, и именно мальчик-прогульщик, шатающийся по городу в дневное время, без гроша в кармане и без дела, наиболее уязвим для «цыплячьего ястреба». В Чикаго один «цыплячий ястреб» заявил: «Днем я работаю в дешевых кинотеатрах и у игровых автоматов. Если я вижу мальчика, сидящего в одиночестве ранним днем… Я обязательно склею его. Ему скучно, и он на мели, и я могу решить обе его проблемы».

В крупных городах многие мальчики начинают заниматься проституцией по тем же причинам... и в дневное время. У них редко бывает нехватка клиентов.

Это не значит, что мальчики обращаются к проституции из-за крайне неадекватной школьной системы. Юные хастлеры составляют очень небольшой процент от общего числа учащихся, но социальная система, включающая школы, играет в этом определённую роль. Плохая жизнь дома, плохая успеваемость в школе, которая, в конечном итоге, приводит к отчислению, нехватка работы, отсутствие интереса со стороны взрослых и отсутствие денег... все это, в совокупности создает идеальную ситуацию для «цыплячьего ястреба».

Школьные системы ориентированы на то, что каждый ребенок должен получить полное образование, чтобы иметь возможность стать президентом Соединенных Штатов (похвальное стремление, которое, возможно, пошло на убыль за последние пару лет). Они игнорируют тот факт, что есть дети, которым не интересны нормы среднего класса. Они игнорируют тот факт, что «окончание школы» не обязательно означает полный отказ от образования. Они игнорируют тот факт, что некоторые дети получат гораздо больше пользы от неформального обучения и профессиональной подготовки, чем от постоянной академической подготовки к поступлению в колледж, которая ныне является единственной очевидной целью формального образования. Школьные системы даже способны заставить тех учеников, которые выступают против них, подчиняться правилам. Эта правоприменительная способность не только не увенчалась успехом, но и стала, хотя и невольно, главной причиной насильственных правонарушений несовершеннолетних. Доктор Ричард Корн описал этот процесс Подкомитету по расследованию правонарушений среди несовершеннолетних: «Молодой человек

отказывается ходить в школу. Мы знаем, что он не добьется успеха в жизни, если не получит образования. Наша цель - заставить его ходить в школу. Он отвергает эти уговоры, поэтому мы помещаем его на испытательный срок, чтобы побудить его принять наши уговоры. Но он отказывается показываться своему сотруднику службы пробации. Поэтому мы помещаем его в закрытое учреждение, чтобы убедиться, что он не сможет избежать наших попыток наставничества над ним. Но даже в этом учреждении он сопротивляется встрече со своими советчиками. Итак, наша цель сейчас - заставить его обратиться к своему советчику. Но когда мы приходим в его комнату, он яростно сопротивляется и, чтобы выполнить нашу первоначальную цель, мы сейчас должны сначала покорить его. Мы не сможем ему помочь, если сами пострадаем при этом. Наша ближайшая цель, следовательно, состоит в том, чтобы сделать его неспособным причинить нам вред, используя любую силу, которую потребует ситуация. Шаг за шагом, из этого первоначального плана «Давайте сделаем это в жизни вместе», мы попадаем в ту конкретную ситуацию, когда речь идет о его или нашей жизни. В этом-то и есть безумие».

Интересно отметить, что мы больше не измеряем образование качеством, а количеством – как тюремный срок. Детей не оставляют в школе из-за того, что их образование оказалось недостаточно хорошим. Как правило, когда ученику исполняется девятнадцать или двадцать лет, его больше не держат в школе. Медлительный ученик снижает общую оценку школы и успеваемость. Если ребенок не может соответствовать требованиям, он в конце концов выбывает из школы, потому что у системы очень мало времени, денег или желания уделять много индивидуального внимания. Но термин «отсев» был изобретен самой системой, когда, на самом деле, отсеиваемых очень мало. Есть «выброшенные» и «выгнанные», дети, которым становится скучно, и кто разочаровывается в школе. Школе, в свою очередь, становится скучно с ними, она разочаровывается, потому что ей «нечего предложить».

Если бы пришлось опрашивать группу учителей, то вина была бы возложена на администрацию школы, родителей и ребенка... в такой последовательности. Они сказали бы, что пока администрация не поддерживает учителей в их усилиях по созданию сплоченного класса; они бессильны осуществлять какой-либо контроль и поддерживать дисциплину. Родители, по словам учителей, не тратят достаточно времени, чтобы ребенок пришел в школу подготовленным, с выполненным домашним заданием и с «правильным отношением» к школе и авторитету. Дети, по утверждениям учителей, обладают искаженным сознанием, благодаря телевидению, наркотикам, фильмами и новой морали.

Хотя многие из этих обвинений могут быть обоснованными, именно сами школы озабочиваются законом и порядком, во многих случаях просто ради закона и порядка, а не из-за необходимости в них.

Выдержка из национального учебного пособия предостерегает: «Будьте готовы использовать первые минуты урока. Если вы сразу достучитесь до Джонни, у него не будет времени придумывать интересные идеи, не вписывающиеся в ситуацию класса...» Это может оказаться хорошим советом, но, безусловно, первое требование к хорошему учителю — способность

контролировать класс во всех ситуациях и быть способным направлять класс любыми способами.

Американское образование сегодня заставляет всех детей быть одинаковыми; она вынуждает школу создавать систему, подчиняющую реальное образование бессистемному контролю; подобное заставляет вернуться к закону джунглей и превращает многие национальные школы в вооруженные лагеря. Возникающее в результате давление на учащихся заставляет многих детей искать забвение в наркотиках.

ГЛАВА 12. ОДЕРЖИМОСТЬ НАРКОТИКАМИ

«Я никогда не подсаживал ребенка на наркотики... мне этого не нужно»

Уэйн Хенли, бросивший школу, очнулся от ступора, вызванного акриловой краской, в доме в Пасадене, штат Техас, в пригороде Хьюстона. Он оказался в наручниках. Рядом с ним лежали обнаженные пятнадцатилетняя девочка и двадцатилетний парень. Они были привязаны распростертыми к доске; их рты были заткнуты кляпами. В воздухе пахло смертью, когда Дин Корлл завопил: «Я убью вас всех… но сначала я собираюсь повеселиться». В ярости он размахивал пистолетом 22-го калибра. Позже Хенли признался: «Я уговаривал его, обещая, что помогу пытать и убью их, если он отпустит меня. Дин хотел, чтобы я трахнул девушку, пока он будет заниматься парнем...»
Хенли убедил Корлла и был отпущен. Чуть позже пистолет оказался в руке Хенли, и тот всадил Корллу в грудь пять пуль...
«Я чувствовал себя абсурдно. Теперь я мог дышать».

К полуночи того же дня сотрудники правоохранительных органов выкопали первые восемь из двадцати семи тел мальчиков, большинство из которых было похоронено в сарае, арендованном Дином Корллом. К утру ужасающие подробности массовых убийств в Хьюстоне облетели весь мир.

Лейтенант полиции Хьюстона Брек Портер сообщил прессе: «Это тот случай, когда есть клоун, который приводит детей в свою квартиру под тем или иным предлогом… вечеринки или чего-то подобного. Они нюхают краску, нюхают аэрозоль... едят таблетки, и всю ту дурь, как вы знаете. Поначалу действительно не было никакого насилия... просто все хорошо проводили время. Их пригласили на вечеринку, и некоторым это понравилось. Один девять раз возвращался к Корллу домой... Было много еды, много выпивки, много таблеток и марихуаны. Затем, проснувшись, они обнаруживали себя на этой доске — старой штуковине типа пыточной стойки — и тогда начинался секс».

В мрачном мире детской проституции наркотики играют очень важную роль.

Они используются как средство обмена, ради ослабления запретов, ради соблазнения и, в некоторых случаях, контроля. Пятнадцатидолларовый пакетик травы или пять порций кислоты охотно принимаются в обмен на сексуальные услуги. Многие из детей сами являются дилерами низшего уровня, поставляя своим клиентам наркотики, а также и свои тела. Большинство убитых в Хьюстоне мальчиков не являлись беглецами в классическом понимании. Все они были местными жителями, большинство из одного района, известного как Хайтс - старого захудалого района Хьюстона, населенного распавшимися семьями, стариками, неудачниками и накаченными наркотиками детьми. Подростки жили ради наркотиков, создававших идеальное спасение от унылой, скучной жизни.

И действительно, наркотики стали основной причиной убийств в Хьюстоне.

Уэйн Хенли и Дэвид Брукс рыскали на улицах, подбирая детей для Дина Корлла. Предложение всегда было одним и тем же: «Пойдем к Дину на вечеринку». И не такой уж невинный юноша обнаруживал, что Дин накрыл стол, полный кислоты, травки, таблеток и выпивки. Чего бы им не захотелось, всё это имелось у Дина, а обмен был не так уж труден для восприятия. За исключением двадцати семи из них.

Во время убийств в Хьюстоне «ходовым» наркотиком был «квазис», уличное название метаквалона, известного под торговыми названиями *Sopor*, *Quaalude*, *Somnafac*, *Optimil* или *Parest*. В 1972 году метаквалон был шестым, по объёмам продаж, снотворным в Америке, пока внезапно не приобрел незаслуженную репутацию «любовного наркотика», сильного афродизиака. Американские компании по производству таблеток услужливо приготовились удовлетворять новый спрос. «Квазис» быстро появились в огромных количествах в кампусах средних школ и колледжей по всей стране.

Продавцы сообщили, что *Sopor* превзошёл все остальные препараты на рок-фестивалях. Но оказалось, что «героин для влюбленных» был не таким, как рекламировалось. *Sopor* в сочетании с алкоголем, скорее всего, убивал. Кампусы страны стали открытым полигоном для испытаний еще одного наркотика. Особенно в крупных городах, младших и старших классах средней школы – даже начальные школы стали крупными центрами распространения наркотиков. Юные дилеры из Нью-Йорка сообщали, что продают одноклассникам товара до 600 долларов в день. Предварительное расследование, проведенное подкомитетом Сената по расследованию правонарушений среди несовершеннолетних, показывает, что связанные с наркотиками и алкоголем правонарушения в отношении школьной собственности за три года - с 1970 по 1973 - увеличились на 37,5%. Имейте в виду, что эти цифры основаны на выявленных правонарушениях. Фактические цифры были бы намного выше, и есть все основания полагать, что это количество в 1973-1975 годах стало еще больше. Исследование, опубликованное в 1975 году Национальной ассоциацией образования (NEA), показывает, что количество

преступлений в школах, связанных с наркотиками, с 1970 года увеличилось на 81 процент, и что колоссальные 30 процентов из 18 миллионов учащихся средних школ употребляют запрещенные наркотики.

По оценкам Национальной администрации безопасности дорожного движения, 50% старшеклассников страны ежемесячно ходят на попойки, а 61% из этой группы напивается раз в месяц. То же исследование также показало, что эти учащиеся представляют собой замечательную часть нашего школьного населения. «Они не отстают в учебе, не отчуждены и успевают. Напротив, они представляют все уровни школьных достижений и устремлений. Они из того же спектра спортивных и внеклассных мероприятий, что и учащиеся, которые не пьют».

К сожалению, слишком многим родителям все еще удается разделять наркотики и алкоголь на отдельные категории. Действительно, считается, что напиться ребенку предпочтительнее, чем накуриться марихуаной, и есть достаточно доказательств, что рост пьянства среди подростков происходит из-за того, что родители одобряют употребление алкоголя в качестве заменителя наркотиков. Алкоголь также служит некой компенсацией родительской вины. Очень хорошо читать детям суровые лекции о зле и ужасах марихуаны, но лекция несколько теряет силу, когда ее читает родитель, сжимающий в руке двойной скотч. Директора средних школ больше не удивляются, когда родитель говорит: «Слава богу, он всего лишь пьян», когда они сообщают, что их отпрыск шатается по школе, натыкаясь на стены.

Недавний опрос 10 000 учеников нью-йоркских младших и старших классов средней школы показал, что 12% учащихся сообщили о характере употребления алкоголя, который можно классифицировать как зависимый или проблемный. В той или иной степени употребляли алкоголь 80% опрошенных учащихся, большинство из них - время от времени и в ограниченных количествах. Многие молодые люди считали, что злоупотребление алкоголем является «менее вредным», чем употребление наркотиков, а также средством борьбы с давлением со стороны сверстников, семейных проблем и социальной агрессивности.

Было бы серьезной ошибкой делать, исходя из этих примеров, вывод о том, что проблема пьянства учащихся существует только в школах крупных городов. Исследование, проведенное Колумбийской школой общественного здравоохранения и административной медицины в пригородной средней школе Иллинойса, показало, что 34,1% учащихся употребляют марихуану, 18,2% - барбитураты, 15,7% употребляли амфетамины, 26% употребляли ЛСД или другие психоделики, 8,2% пробовали кокаин и 4,7% экспериментировали с героином.

Директор этой школы заявил: «Директор, говорящий, что у него нет проблем с наркотиками в его школе, либо виновен в постыдном сокрытии, либо просто не знает фактов».

Жители Энтони, штат Нью-Мексико (население 1728 человек) вероятно, согласны со статистикой вышеприведенного исследования. Они определенно согласятся с тем, что в школах проявляется насилие, связанное с наркотиками.

Двое полицейских в штатском находились в кампусе средней школы Энтони и разговаривали со учащимся, подозреваемым в торговле наркотиками. Разгневанные учащиеся забросали полицейских камнями, повредили их автомобиль и подняли такой шум, что для подавления беспорядков потребовалось применение слезоточивого газа, а сами беспорядки закончились арестом шестидесяти учеников.

В отчете 1974 года «Преступность в школах», опубликованном Специальным комитетом по преступности Законодательного собрания штата Нью-Йорк сообщалось, что в некоторых средних школах Нью-Йорка есть созданные учащимися брокерские конторы, предлагающие услуги юных проституток мужского и женского пола!

Один мальчик, у которого я лично брал интервью, утверждал, что половина учеников его бруклинской средней школы в то или иное время занимались проституцией. Бывший хастлер, появившийся в шоу Тома Снайдера «Завтра» на канале *NBC*, заявил, что большинство его соучеников время от времени выходят на улицу. Уличный мальчишка, известный как Барт, о котором упоминалось ранее, очень быстро понимает, что его новый образ жизни становится намного легче благодаря наркотикам.

Трава создает приятное эйфорическое состояние, заставляющее тело чувствовать вновь обретаемое чувственное наслаждение. Взрослый партнер мальчика прекрасно это понимает. Один из них сказал: «Я никогда не подсаживал ребенка на наркотики, и не думаю, что когда-либо буду. Мне этого не нужно. Они уже знают об этом. Но я пользуюсь ими с мальчиками. Они скорее согласятся на пакет травы, чем на пятнадцать баксов. После того, как мы вместе выкуриваем пару косяков, любые запреты, которые у них могли быть, попросту улетучиваются вместе с дымом». Но лишь очень немногие из хастлеров пользуются мотивом получения прибыли. Один парень сообщил, что может начать свой вечер с пакетика травы, полученного от первого клиента, который продаёт следующему клиенту по более высокой цене. Затем мальчик за наличные покупает пакетик посредственной травы, который с наценкой перепродает очередному клиенту. Всё это продолжается до тех пор, пока вечерняя работа приносит существенную прибыль.

Сообщения о мальчиках, которых сутенеры принуждают к проституции при помощи наркотиков, редки, но общеизвестны. Один «цыплячий ястреб» из Нью-Йорка вспоминал, что несколько раз сутенер доставлял в его квартиру с мальчиками, бывшими под кайфом от героина. «Я перестал вести с ним дела, — сказал он. — Во-первых, они не пригодны в сексуальном плане, если под кайфом, и, кроме того, один из мальчишек сказал мне, что не хочет ничего делать... и сутенер держит его под кайфом, чтобы продавать».

Другой житель Нью-Йорка сообщил Джерому Грэму из *Newsweek*: «Я помню, как один сутенер позвонил мне и сказал, что у него есть милый тринадцатилетка, которого он только что распечатал. Я приехал и нашел самого красивого ребенка, которого когда-либо видел. Но этот ребенок, прикованный наручниками к кровати, отчаянно плакал. Сутенер изнасиловал

мальчика, а затем выжег его инициалы на ягодицах сигаретой. Я дал сутенеру пятьдесят долларов и отвез мальчика в больницу».

В Лос-Анджелесе взрослый несколько дней искал своего таинственно исчезнувшего шестнадцатилетнего друга. По наводке мужчина проследил путь мальчика до грязного гостиничного номера. Мальчик в полубессознательном состоянии в героиновом дурмане лежал ничком на грязной кровати. У его «поставщика» четверо мужчин ждали в коридоре, чтобы воспользоваться мальчиком за десять долларов с носа. Мальчик уже обслужил четверых, и, по более поздней информации от врача, один из той четверки был болен гонореей.

ГЛАВА 13. СЕКСУАЛЬНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И БИБЛИЯ

«Я не хочу, чтобы мой сын был неженкой...»

Сексуальное воспитание является одним из самых спорных вопросов в школьной системе по всей стране, и этот предмет вселяет страх в сердца большинства школьных администраторов. Бессмысленно перечислять те школы, в которых учат чему-то близкому к сексуальному воспитанию, и те, в которых этого нет. Достаточно сказать, что большинство школ полностью избегают этой проблемы - обычно после давления со стороны «Озабоченных родителей», чье возражение основано на обратной теории о том, что то, что знание учеников может им навредить. Несмотря на стремительный рост числа подростковых беременностей и венерических заболеваний, в тех школах, в которых есть какая-то форма обучения этому предмету, обычно обходят всё стороной и умудряются превратить увлекательный, но сложный предмет в скучные упражнения. В большинстве случаев школы под руководством родителей решают, что их ученики должны знать о сексе. Почти всегда конечным результатом является разбавленная лекция по основам биологии.

В некоторых штатах разрешены занятия, на которых дети узнают о причинах, последствиях и профилактике венерических заболеваний, а также о функциях репродуктивных органов. Но это примерно всё, на что готовы пойти в тех штатах. Конечно же, там не собираются разрешать школам рассказывать о таких сложных предметах, как контроль рождаемости и мораль, добрачный секс и аборты.

Прежде чем учащимся будет разрешено пройти подобное обучение, в некоторых штатах родители должны заранее уведомляться об этом, чтобы у них имелась возможность ознакомиться с материалом курса и убедиться, что он подходит их детям. Им также

предоставляется форма заявления под подпись, если они не хотят, чтобы их дети посещали подобные уроки. Имеются признаки, что некоторым родителям следует подумать о том, чтобы самим пройти подобный курс, а не запрещать посещать его своим детям. Был даже один случай в Калифорнии, когда самим учителям сексуального воспитания было отказано в обучении. Недавно в Законодательное собрание Калифорнии был внесен законопроект об организации обучения семейной жизни без отрыва от производства для подготовки учителей. Он прошёл обе палаты, и на него сразу же наложил вето бывший тогда губернатором Рональд Рейган.

С точки зрения родителей, самый безопасный способ справиться с новым сексуальным осознанием своего ребенка — это игнорировать его и надеяться, что дети справятся с ним самостоятельно, как они сами в детстве.

Но перед сегодняшними детьми стоит гораздо более сложная задача. Их недавно открытый сексуальный потенциал подпитывается новой волной моральных мер воздействия, поощряющих сексуальную активность, поэтому они ищут ответы на сексуальные вопросы в других местах и находят их в телевидении, кино, порнографических материалах и музыке.

Озабоченность нашей молодежи сексом отчетливо проявляется в текстах песен, которые поют рок-группы (сегодняшние рок-звезды служат образцами для подражания, которыми когда-то были бейсболисты и футболисты). Большинство родителей отвергают эту музыку, потому что она «слишком громкая, и я все равно не понимаю, о чём там поют». Если бы они послушали, то обнаружили бы, что в песнях присутствует либо свободная любовь, с преимуществами (а иногда и недостатками) наркотиков, либо с чувствами против истеблишмента (вспомните, как пели дети о безнравственности войны во Вьетнаме задолго до того, как взрослое население сочло модным присоединиться к ним). По мере развития рок-музыки и её посланий развивались и представления о сексе. За последние два года музыка сменилась с эйсид-рока на глиттер-рок, а Элис Купер и Дэвид Боуи появились в полудраге, став слегка более эпатажными, чем Мик Джаггер и «Роллинг Стоунз». Джей Элер, музыкальный критик и общественный обозреватель, прокомментировал это в *Los Angeles Free Press*:

Нет ни одного альбома, созданного «Роллинг Стоунз», в котором не было бы какой-либо явной, конкретной сексуальной отсылки. По мере того, как альбомы продолжали выпускаться, «Роллинг Стоунз» все глубже погружались в свои собственные неизведанные, хаотичные мифы, поскольку их стиль становился для них все более очевидным. К сексуально развивающейся, роле-формирующей молодой аудитории, готовая к следующей музыкальной вещи, Джаггер обращался своим почти парасексуальным, богоподобным образом, как к молодым мужчинам, так и девушкам. Он делал то, что хотел, и, поскольку он оказался на пьедестале над толпой, было «круто» для всех и каждого «срываться» с него.

Со своего пьедестала Джаггер предлагал фантазии всем желающим принять в них участие – гетеро, трансгендерам, бисексуалам и гомосексуалистам. Мик Джаггер и Кит Ричардс плюнули на существовавшие ранее сексуальные нравы и вписали несколько новых глав в очень старую книгу, надежно замаскированную чистотой и невинностью музыки.

Группа от всего сердца и, возможно, невольно популяризировала в своем стиле три самых гуманных устремления человека. Они кичились демонстрацией всевозможного зла; столкновением с потенциальным хаосом; корчащимися, скользящими любовными играми в подростковом изучении телесного поведения. Они поднялись из тусклого существования типа «соль земли», такого же фиктивно-реального, каким оно было, из темных комнат и затемненных углов, где тени мужчин выжимали сок ловкостью собственных рук, а женщины занимались любовью с бутылками из-под кока-колы, и где мужчина и женщина вожделели друг друга ради личных удовольствий.

В этом и заключалось очарование «Роллинг Стоунз»: делать все или практически все, что считалось греховным в среде воспитанной американской молодежи среднего класса. «Стоунз» стали первым минетом, первым трахом, первой порцией кокаина, первой затяжкой травки. Они стали тайным входом, взаимной мастурбацией, похотью, плотским познанием и откровенно демонстрируемыми за закрытыми дверями острыми ощущениями, низкими, и/или иными. Они стали катализатором для действий; новыми идеями, которые следовало опробовать.

«Ричардс и Мик Джаггер, — заключил Элер, — оказались апостолами не Христа, а Люцифера».

Учитывая, что большинство родителей цепляются за объяснение «тебя принес аист», можно легко представить, что происходит, когда школы пытаются привлечь преподавателей, рассказывающих о гомосексуализме. Почти во всех случаях конечным результатом является шествие по школе разгневанных родителей, пребывающих в ужасе от мысли, что их дети должны были ознакомиться с фактом, что гомосексуальность существует. Они бы предпочли остаться с мифом о «человеке в грязном плаще», оставив все как есть.

Школьный курс, в который входили лекции о гомосексуализме, недавно вызвал бурю негодования в Санта-Барбаре, штат Калифорния.

Все началось с того, что школьная газета объявила: курс включает информацию об абортах, добрачном сексе, контрацепции и гомосексуализме. Родители немедленно объединились под официальным лозунгом «Обеспокоенные родители» и заявили, что курс «семейной жизни» пропагандирует безнравственность. Представители группы осудили курс как продвижение «стандартов канализации» и как «последний удар по вырождающемуся обществу».

Доктор Гарри Холдеман заявил школьному совету: «Когда вы извращаете или искажаете систему, вы привносите извращенность в свой дом. Если вы считаете, что людей нельзя склонить к гомосексуализму, вы ошибаетесь. Можно взять нормального ребенка и извратить его. Только около десяти процентов гомосексуалистов когда-либо выздоравливают, и они не имеют права приходить в наши школы и влиять на наших детей».

Доктор Холдеман, по-видимому, сам того не желая, аккуратно переформулировал одну теорию, захватившую большую часть страны: это гомофобия. Теория заключается в том, что если вы столкнулись с гомосексуалистом, вы становитесь им. Если вы слушаете то, чему учит гомосексуал, вы становитесь гомосексуалистом. Заявление «Только около десяти процентов гомосексуалистов когда-либо выздоравливают...» указывает, что д-р Холдеман приравнивает гомосексуальность к лейкемии или присоединяется к недавно (и официально) развенчанному мифу о том, что гомосексуалы психически больны.

В деле Санта-Барбары «Обеспокоенные родители» проиграли. Доктор Эвелин Хукер, психолог-исследователь, известная и уважаемая своими исследованиями мужского гомосексуализма, сообщила аудитории, что обращение в гомосексуальность — это миф. Она защитила курс касательно тем, которые «обычно боятся озвучивать» молодежи.

После выступлений обеих сторон, в том числе страстного возгласа одного человека о том, что все участники «шли бы к черту», правление четырьмя голосами против одного решило сохранить курс. Члены правления также воспользовались возможностью, и поблагодарили преподавателя курса, чьи методы подверглись критике со стороны «Обеспокоенных родителей». Единственным несогласным в правлении стал епископ местной мормонской церкви. Судя по последним данным, Санта-Барбара все еще цела, и нет никаких признаков повсеместного обращения к гомосексуальному образу жизни.

Отсутствие какого-либо существенного сексуального воспитания в школах, конечно же, не вина школьной системы. Вина лежит непосредственно на родителях и на церкви. Это путанная смесь морали и образования, морали и политики, морали и здравого смысла.

Чиновники государственных школ всегда боялись вмешательства церкви, потому что это предоставляет и родителям, и политикам официальную поддержку Бога и Библии. Родительские отряды, марширующие под знаменами приличия, неизменно возглавляет человек в мундире. В некоторых случаях протесты бывали нелепыми, а в одном конкретном случае смехотворными. Они лишь продемонстрировало необходимость сексуального воспитания самих протестующих.

В 1974 году газета *Advocate* сообщила, что два баптистских священника из Нью-Милфорда, штат Коннектикут, угрожали подать в суд на школьных чиновников из-за обязательного курса домоводства в шестом классе, потому что, по их словам, этот курс поощряет гомосексуальность среди мальчиков.

Преподобная Линн Мейс, служительница баптистского храма Веры, заявила, что курс «узурпирует авторитет дома» и вынуждает ребенка «оказаться в ситуации, чуждой его или ее традиционной роли». Обеспокоенная свещеннослужительница объяснила свое обоснование следующим образом: «Заставляя мальчика готовить, шить, или носить фартуки, мы тем самым подталкиваем мальчика к гомосексуальности. Это противоречит тому, за что выступает дом и

Библия. Когда Бог создал человеческую расу, возникло разделение полов. Место женщины в доме. Вот куда их поместил Бог, за исключением необычных обстоятельств».

Преподобный Джеймс Клеммонс, помощник священника той же церкви, сказал: «Мы подадим иск и в Верховный суд США, если придется. Мой сын не хочет проходить этот курс, а я не хочу, чтобы мой сын был неженкой».

Школа отказалась прекратить программу, заявив, что курс нравится молодежи и является частью общего образования. Однако школьный совет освободил сына преподобного Клеммонса, одиннадцатилетнего Джеймса, от курса домоводства.

Клеммонс сказал: «Я не психолог, но я знаю, что это правда: возраст от девяти до тринадцати лет является наиболее важной частью сексуального развития ребенка. У всех есть гомосексуальные наклонности, и эти женские штучки приведут к моральному разложению детей».

Если бы два баптиста выполнили свою угрозу передать дело в Верховный суд США, обосновав свой иск на учении Библии, это открыло бы банку теологических червей, аналогично иску Меделин Мюррей О'Хэйр, выступавшей против молитв в школе.

* * *

1 января 1976 года стало поводом для особого празднования одних жителей штата Калифорния и сильного беспокойства для других. Ровно в полночь законопроект № 489 стал законом, и Калифорния присоединилась к дюжине других штатов, либерализировав свои законы о сексе, чтобы те соответствовали фактам, а не вымыслу. Пресса окрестила закон «Биллем о согласии взрослых», противники окрестили его «Биллем о правах гомосексуалистов».

У законопроекта № 489 был не самый простой обряд посвящения. Церковные группы объединились и выступили с ужасающими предупреждениями того, что Калифорния катится прямиком в ад ускоренным темпом. Были нарисованы мрачные картины учителей-гомосексуалистов, стекающихся в классы, и стремящихся развратить всех на своем пути. Адвокат из Альгамбры, штат Калифорния, несколько раз выступал по телевидению, предостерегая: формулировки законопроекта разрешают половые сношения с животными по обоюдному согласию, и он пытался заручиться поддержкой включения этого законопроекта в бюллетень для всеобщих выборов 1976 года.

То ли мысль о вожделении к всегда согласному семейному кокер-спаниелю показалась слишком нелепой, то ли широкой публике наскучила вся эта шумиха, сейчас неважно.

Предостережения адвоката не возымели эффекта, и закон № 489 был подписан. Он разрешает взрослым по их согласию делать все, что они хотят делать, при условии, что они делают это в частном порядке и не нарушая прав других. Закон сохранил уголовное наказание за половые акты с несовершеннолетними и взрослыми без их согласия.

Когда Калифорнийская коалиция граждан-христиан начала наступление на закон № 489, её главным оружием стала Библия, которая с момента её написания используется в качестве дубины против всех, кто не соблюдал христианскую этику. Группа утверждала, что библейские учения направлены против всех форм секса вне брака, включая мастурбацию. Они не упомянули, что законы, запрещающие гомосексуальное поведение, произошли от древнееврейских законов о сексе, которые позже были формализованы христианской церковью. В шестом веке император Юстиниан приговаривал преступников-гомосексуалистов к смертной казни мечом, твердо веря, что гомосексуальность является причиной землетрясений (наблюдение, над которым калифорнийцам следует серьезно задуматься). Тот же самый кодекс — Кодекс Юстиниана — сохранялся на протяжении более тринадцати столетий. Всё это время гомосексуалы наказывались церковными судами, часто смертью и пытками. В Париже гомосексуалистов сжигали на кострах еще в середине восемнадцатого века; в Англии только в девятнадцатом веке наказание было сокращено до пожизненного заключения.

Однако библейская война Калифорнийской коалиции провалилась. С течение времени, с приобретением технических знаний, искоренение суеверий и страха, многие библейские учения больше не считаются действительными или истинными.

Конечно, Библия выступает против гомосексуализма. Она также высказывается против женщин, носящих красные платья. Она также выступал против других грехов, таких как употребление в пищу кроликов (Левит 11:6), омаров, моллюсков, креветок, устриц (Левит 11:10-12), мяса с кровью (Левит 17:10) и ношения одежды из шерсти и льна одновременно (Второзаконие 22:11).

В настоящее время не принято считать, что извержение семени делает мужчину нечистым или что половой акт нечист, как это утверждается в Левит 15:16-18.

В наши дни неприемлемо считать, что женщина настолько нечиста во время менструации, что все, к чему она прикасается, на что садится или ложится, также становится нечистым и должно подвергаться ритуальному очищению (Левит 15:19-28).

В настоящее время не принято, чтобы человека предавали смерти за прелюбодеяние (Левит 20:10).

Проблема с цитированием Библии ради продвижения собственного взгляда на гомосексуальность заключается в том, что Библия теперь не говорит в точности то, что когда-то

говорила. Она искривлена и искажена веками транслитераций, переводов и интерпретаций. Он уязвима из-за человеческих ошибок и некоторых преднамеренных искажений. Например, сегодня наиболее широко используемой Библией является версия короля Якова. В «Римлянам 1:26-27» сказано:

По этой причине Бог предал их гнусным страстям, ибо даже их женщины заменили естественное употребление противоестественным:

Точно так же и мужчины, оставив естественное употребление женщин, разжигались похотью друг на друга...

В переводе «Благая весть для современного человека» это сказано несколько иначе. Там говорится:

Из-за того, что делают люди, Бог предал их постыдным страстям. Даже женщины противоестественными действиями извращают естественное использование своего пола.

Точно так же и мужчины отказываются от естественных сексуальных отношений с женщинами и пылают страстью друг к другу.

Перевод Дж. Б. Филлипса имеет другое представление:

Поэтому Бог предал их постыдным страстям. Их женщины заменили обычную практику полового акта на что-то ненормальное и неестественное.

Точно так же и мужчины, отказавшись от естественных сношений с женщинами, поддались похотливой страсти друг к другу.

По сути, две интерпретации версии короля Якова говорят об одном и том же, но какая из них ближе всего к оригиналу?

Джеральд Ларю — профессор библейской истории и археологии в Школе религии Университета Южной Калифорнии в статье для *Los Angeles Times*, озаглавленной «Библия: шаткая почва для ненавистников гомосексуализма», предупреждает: «Те, кто использует Библию в качестве оружия, должны быть последовательными — принимать ее целиком или обосновывать выбор отрывков. Более того, они могли бы применять избранные библейские отрывки к своей жизни, а не к жизни других».

Ларю добавляет: «Чтобы интерпретировать законы и постановления с учетом человеческих прав других, требуется выйти за рамки буквы закона и разойтись с принципами индивидуальных прав и свобод. Приверженцы религиозных групп, пытающихся использовать Библию в качестве социального оружия, упускают из виду эти важные заповеди и оказываются

в ловушке законности, подчеркивающей маргинальные детали, открытые для различных интерпретаций».

В Евангелии от Матфея сообщается, что Иисус сказал: если мужчина похотливо смотрит на женщину, это равносильно вступлению с ней в половую связь. Сообщается также, что Иисус сказал, что не может быть развода, кроме как по причине прелюбодеяния - непрактичная глупость, предписываемая штатом Нью-Йорк до недавнего времени. И снова сообщается, что Иисус сказал, что любой, кто женится на разведенной женщине, прелюбодействует. Сторонникам Библии не мешало бы подумать, что будет означать соблюдение этих учений в современном обществе, где каждый третий брак заканчивается разводом. Помните, во времена Библии израильтяне были очень маленьким народом, окруженным врагами, и ему требовалось «размножаться» только ради того, чтобы выжить.

Писание, которое чаще всего используется против гомосексуалистов, находится в Ветхом Завете, Бытие 19:1-28, где описывается разрушение Содома и Гоморры. По мнению многих церковных групп и служителей, города-побратимы были разрушены из-за греха гомосексуализма. Но Иеремия и Иезекииль не поддерживают эту идею. Они говорят:

Но в пророках Иерусалима вижу ужасное: они прелюбодействуют и ходят во лжи, поддерживают руки злодеев, чтобы никто не обращался от своего нечестия; все они предо Мною — как Содом, и жители его — как Гоморра (Иеремия 23:14 - синодальный перевод на русский).

Вот в чем было беззаконие Содомы, сестры твоей и дочерей ее: в гордости, пресыщении и праздности, и она руки бедного и нищего не поддерживала.

И возгордились они, и делали мерзости пред лицем Моим, и, увидев это, Я отверг их (Иезекииль 16:49-50 - синодальный перевод на русский).

Заявлять, что Содом и Гоморра были уничтожены за их гомосексуальность - неправильно. Бог разрушил города, потому что не смог найти в Содоме десяти праведников (Бытие 18:32). В наказание за их нечестие *«И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба,*

и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и [все] произрастания земли» (Бытие 19:24-25).

Предположительно, слово «содомия» — это производное от названия Содом, хотя неясно, почему за этим городом закрепилась плохая репутация, а Гоморра отделалась относительно безболезненно.

Но плюсы и минусы Библии, а также взлеты и падения Содома мало что значат для мальчика, стремглав прыгающего в сексуально запутанное общество. У него есть вопросы, и он хочет получить ответы. Скорее всего, он не получит их от родителей, школы или церкви. Так что он обратится за ответами к своим сверстникам, и они будут вместе ошибаться, гадать и строить предположения, делать выводы совместно, а не согласно чьему-то авторитету.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЛЕКАРСТВО

ГЛАВА 14. ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ И МОЛОДЕЖЬ?

«Я уверен, что он может это сделать... если мы очень этого захотим».

22 сентября 1975 года для магазина сети *Sears - Roebuck store* в Дайерсбурге, штат Теннесси, выдался плохой день. Небрежно завернутый пакет содержал пачку вырванных страниц из каталога *Sears*. В приложенной записке говорилось, что, если отмеченные товары не будут доставлены вместе с тремя новыми грузовиками *Peterbilt*, магазин взорвут. Общая сумма запрошенных предметов достигла отметки в один миллион долларов и включала винтовки, дробовики и боеприпасы, а также значительное количество сельскохозинвентаря. Полиция действовала быстро и отследила посылку (что было легко сделать, поскольку та прибыла с недоплатой).

Они арестовали пятерых несовершеннолетних в возрасте от десяти до четырнадцати лет. В полиции позже заявили, что произошедшее было больше, чем просто розыгрыш – если бы требования молодых людей не оказались такими завышенными, это сошло бы им с рук.

В том же году в Лос-Анджелесе четырнадцатилетнему мальчику было предъявлено обвинение в убийстве и двадцати шести других преступлениях. В его послужном списке к двенадцати годам было шестнадцать арестов. Впервые его арестовали в девять лет.

В Лос-Анджелесе присяжные Верховного суда заседали четыре дня, прежде чем осудить Дэна Йерта, двадцати девяти лет, по девяти пунктам обвинения в непристойном поведении и сексуальных действиях с участием двух тринадцатилетних мальчиков. Один из мальчиков показал, что двое полицейских подвесили его над обрывом, чтобы заставить назвать имена других мужчин, с которыми он занимался сексом.

А в Хьюстоне, штат Техас, когда Уэйн Хенли сидел в своей камере, отбывая три пожизненных заключения за участие в убийстве двадцати семи мальчиков, большое жюри предъявило одному из его охранников, двадцатилетнему Роберту Вайднеру. два обвинения в совершении содомии с двумя заключенными.

В Рокфорде, штат Иллинойс, в хижине было обнаружено замерзшее тело пятнадцатилетнего сына старейшины. Мальчик исчез двенадцать дней назад, разнося утренние газеты. Он был третьим газетчиком, исчезнувшим за три года. Первые двое были похищены, окрашены аэрозольной краской и подвергнуты сексуальным домогательствам, после чего отпущены.

Это не единичные случаи. Они являются частью сотен подобных историй, каждый день вылетающих из телеграфных аппаратов в отделах новостей по всей стране. Распространено мнение, что годы взросления — самые счастливые для мальчиков, с наименьшим количеством забот и обязанностей. К сожалению, подобное не подтверждается фактами.

Двести подростков в возрасте от четырнадцати до семнадцати лет из каждых 100 тысяч населения направляются в психиатрические больницы. Подростковые самоубийства утроились за последние десять лет и теперь происходят по тридцать в день. За двадцать последних лет преступность несовершеннолетних увеличилась на 1600 процентов.

По оценкам сотрудников полиции Феникса, штат Аризона, 80 процентов всех правонарушений совершаются несовершеннолетними.

Если сложить взаимосвязанные элементы вандализма и насилия в школах, крах самой школьной системы, расколотые семьи и разрушенные дома, крах системы ювенальной юстиции, неуважение к закону и порядку и постоянно пополняющуюся армию бесправной и разочарованной молодежи, необходимость радикальных реформ очевидна. Миллион беглецов, скитающихся по стране, — это не только символы мятежной молодежи; они также являются символами нашей неспособности взрослых людей вдохновлять и направлять. Пока мы не станем достаточно взрослыми, чтобы признать сей неприятный факт, надежды на решение проблем очень мало. Фактически, сегодня вопрос, похоже, заключается в том, существует ли вообще решение.

Взятые вместе, тысячи агентств, приемных семей, сотрудников полиции по делам несовершеннолетних, центров содержания под стражей, приютов и реабилитационных центров, судей и социальных работников — все элементы процветающего бизнеса на детях — представляют собой колеблющуюся в своей нерешительности массу.

Стандарты штатов противоречат федеральным стандартам, и чтобы поверить в различия между самими штатами, нужно увидеть их. Как мы уже заметили, система государственных школ представляет собой череду бьющихся в конвульсиях бюрократий, более озабоченных

законами и порядком, чем тем, что отдаленно напоминает образование. Родители растеряны и понятия не имеют, куда обращаться, столкнувшись с проблемным ребенком. Специалисты по делам несовершеннолетних сетуют на рост преступности среди несовершеннолетних.

В выпуске *Newsweek* от 8 сентября 1975 года цитируется слова Джозефа Б. Уильямса, Главного судьи суда по семейным делам города Нью-Йорк: *«Быстрых ответов не бывает. Внезапно система ювенальной юстиции должна придумать ответ, который перечеркнет все переживания в жизни ребенка и всё, что с ним случилось. Я не думаю, что какая-либо система может сделать подобное»*.

Возможно и нет; и, конечно же, не та система, что мы имеем сейчас.

Учитывая всю статистику провалов, кажется очевидным, что систему нужно менять. Не модифицировать; не корректировать. Менять сверху донизу, и начинать с нуля. Это потребует времени, денег и целеустремлённости, но это можно сделать. А чтобы сделать это должным образом, потребуется серьезная операция, которая должна начаться с Вашингтона.

Почему бы не отобрать образование из Министерства здравоохранения, образования и социального обеспечения и создать новый отдел на уровне кабинета министров под названием Департамент образования и молодежи (DEY)? Поставить у его руля человека типа Ральфа Нейдера - защитника прав потребителей - вместо политика (или политика, похожего на Ральфа Нейдера), и возложить на этот Департамент общую ответственность за все, что связано с развитием молодежи, включая образование до уровня колледжа, реконструкцию системы ювенального правосудия, реконструкцию системы государственных школ и подготовку молодежи к их возможному выходу на рынок труда. И – самое главное – сделать этот Департамент открыто подотчетным обществу.

Пусть *DEY* устанавливает базовые образовательные стандарты, требующие, чтобы человек читал, писал и управлялся с элементарной математикой до того, как он или она закончат среднюю школу. Пусть реконструируют школьную программу таким образом, чтобы учащийся, направляющийся в колледж, мог быстро и плавно продвигаться к своим академическим целям.

Пусть сделают аналогичные условия для учеников, не ориентированных на колледж, у которых другая миссия, но которые должны быть готовы к адаптации, а не к тому, чтобы бросить учебу.

Пусть *DEY*, работая в тесном сотрудничестве с профсоюзными лидерами, создаст профессиональные учебные заведения в рамках системы государственных школ. Устроив школы как мини-фабрики, производящие продукцию на продажу. Готовя мальчиков, посещающих эти школы, к достойной работе в соответствии с программой *Junior Achievement*. Существует множество товаров, которые больше не производятся в Соединенных Штатах, а

импортируются в качестве компонентов для продукции американского производства, и которые можно производить и продавать. Эта программа может вызвать страдальческие возгласы со стороны других стран - тех, что сейчас продают нам эти товары, но деньги, сэкономленные на борьбе с преступностью среди несовершеннолетних, вероятно, компенсируют потери за счет импорта более дешевой иностранной продукции. Кроме того, разве стоимость жизни наших детей не важнее более низких цен?

Пусть *DEY* пересмотрит так называемую ваучерную систему школ в качестве альтернативы системе государственных школ, а не как её замену. Ваучерная система — это система, при которой родители могут выбрать получение ежегодного денежного гранта от федерального правительства на то, чтобы отправить своих детей в частные школы. Сторонники ваучерной системы утверждают, что ее принятие поможет создать тысячи небольших частных школ по соседству, предоставляя родителям возможность выбирать школу по своему желанию в интересах своих детей. Родители могли бы выбирать между церковно-приходскими школами, школами строгой дисциплины, школами с упором на спорт или коррекционными школами, и это лишь некоторые из них. Сторонники ваучерной системы утверждают, что подобные школы привлекли бы лучших учителей, поскольку, конкурируя за деньги родителей, были бы вынуждены нанимать выдающихся учителей, которые, в свою очередь, должны были бы выпускать хороших учеников.

Как и ожидалось, самая сильная оппозиция ваучерной системе образования исходит от людей из системы государственных школ. В то время как большинство противников согласны с тем, что небольшие частные школы могут предложить меньший размер класса и, следовательно, больше индивидуального внимания ученикам, они предупреждают о других социальных опасностях.

Они утверждают, что предоставление родителям права выбора школ разрушит концепцию интеграции. Они указывают, что небольшие частные школы для чернокожих будут открываться в черных общинах, в то время как в белых районах будут существовать школы исключительно для белых. По сути, аргумент состоит в том, что частные школы запретят принудительную школьную интеграцию.

Но этот аргумент будет справедлив лишь в том случае, если ваучерная система полностью заменит систему государственных школ. Если ваучерная система предлагается в качестве альтернативы, он недействителен, поскольку федеральный закон по-прежнему требует интеграции в государственных школах. Даже Джеймс Коулман, главный автор спонсируемого правительством Доклада Коулмана 1966 года (который положил начало реализации программы интеграции) признает ныне, что идея перевозки школьников из района проживания в школу другого района для осуществления расовой и социальной десегрегации школьников [school busing] обречена на провал. Коулман говорит, что по-прежнему считает - интегрированные классы желательны, но возможны только *«при активном содействии семей среднего класса».* Он добавляет, что предложенный им план интеграции провалился из-за бегства белых в пригороды и из-за страхов беспорядков в школах.

Если у Коулмана хватило мужества признать, что его идея провалилась, у нас должно хватить мужества хотя бы согласиться с ним. Главной проблемой любой школьной системы является образование. Но сомнительно, что какой-либо ученик, черный или белый, сильно продвигается по пути образования, когда едет в школу в автобусе, охраняемом вооруженными людьми, а затем вынужден целый день беспокоиться о том, не случится ли насилия в самой школе.

Продолжая о *DEY* - предоставить *DEY* возможность создать и управлять тремя системами финансируемых из федерального бюджета учебных заведений для инспекторов по делам несовершеннолетних, судей по делам несовершеннолетних и социальных работников по делам несовершеннолетних соответственно. Эти учебные заведения должны предусматривать не менее двух лет интенсивной подготовки по предметам, связанным с молодежью, с обеспечением периодических занятий по повышению квалификации на местном уровне, проводимых выездными группами инструкторов. Они же могли бы также выполняют двойную функцию как инспекторов, так оценивающих знания.

Основным требованием ко всем кандидатам на участие в любой программе *DEY* должно быть понимание и энтузиазм в работе с детьми и их проблемами. Если это требование не будет выполняться, все остальное окажется бессмысленным. Офицеры по делам несовершеннолетних должны быть людьми с узкими специальностями, приверженными идее, что их основная функция – не допускать детей в систему ювенальной юстиции, а не вовлекать их в нее; работать с детьми, а не против них.

При правильной постановке дела эта работа, в конечном итоге, станет самой востребованной в полиции. В нынешних условиях слишком много полицейских управлений укомплектовывают свои подразделения по делам несовершеннолетних некомпетентными людьми и неудачниками. В некоторых случаях сотрудники по делам несовершеннолетних были назначены на место в качестве наказания и отправлены бить по головам тех, кого они считают своими врагами. Офицеры *DEY* должны работать в штатском, в автомобилях без опознавательных знаков. Они должны быть нацелены на развитие взаимопонимания с детьми в закрепленных за ними районах.

Потребуется время, чтобы преодолеть антагонизм, существующий в настоящее время между детьми и полицией, но последние должны осознать, что признание и уважение авторитета полиции — это две разные вещи: одно предоставляется; другое требуется заработать.

Большинство полицейских с энтузиазмом относятся к подобным идеям. Капитан Клайд Кронкайт — начальник отдела по делам несовершеннолетних Департамента полиции Лос-Анджелеса. Он согласен с основной идеей, предлагая некоторую их модификацию, и имеет свои собственные новаторские идеи.

«Не думаю, что есть какие-либо сомнения в том, что и деньги, и рабочая сила должны быть направлены на уровень несовершеннолетних, и для этого потребуется много и того,

и другого», — восклицает он. *«Но я думаю, что потребуется нечто большее. Потребуются серьезные изменения в законодательстве о несовершеннолетних, чтобы провести различие между так называемыми статусными правонарушителями и закоренелыми несовершеннолетними преступниками»*.

«При нынешнем положении вещей, — говорит он, — *на улицах много несовершеннолетних преступников, которых следует посадить; мальчики с судимостями длиной в милю, которых суды отпускают либо потому, что там не знают, что с ними делать, либо потому, что знают, но неохотно этим занимаются».*

Кронкайт отметил, что некоторые люди в его отделе и некоторые сотрудники пожарной службы работают в качестве «старших братьев» с рядом правонарушителей и преступников. Однако они отчаиваются из-за негативного влияния знакомых этих мальчиков.

«Как можно научить мальчика ответственности и как отличать добро от зла, когда вокруг него все остальные мальчики еженедельно оказываются в ювенальном суде и отправляются обратно на улицу без какого-либо наказания. Ребенок на грани каждый день видит, что преступления действительно окупаются, и поступает соответственно».

Кронкайт считает, что, хотя национальная академия для сотрудников по делам несовершеннолетних была бы хорошей идеей, необходимость двухлетней программы довольно сомнительна. *«Думаю, что года было бы достаточно, при условии, что на местном уровне будут предусмотрены возможности для дополнительного обучения, дабы побуждать работников по делам несовершеннолетних получать высшее образование».*

Но Кронкайт предупреждает:

«Программа не будет работать, если не будет массовой образовательной направленности на всех уровнях работы с несовершеннолетними, особенно в ювенальных судах. До решения Голта (которое будет обсуждено вскоре) *ювенальные суды исходят из принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка, превышающего все остальные соображения. С тех пор, как было вынесено решение по делу Голта, ювенальные суды стали походить на суды для взрослых, где адвокаты защиты занимают противоположную позицию, которая зачастую совсем не отвечает интересам ребенка».*

Наблюдения Кронкайта о ювенальных судах справедливы. Их возглавляет мешанина политических назначенцев, которые сталкиваются с переполненными судебными календарями, враждебно настроенными родителями, сбитыми с толку детьми и плохо подготовленными делами. Слишком часто судьба ребенка определяется не обстоятельствами дела, а наличием возможностей. Юных головорезов ежедневно возвращают на улицы, потому что ювенальные исправительные учреждения переполнены.

В большинстве городов ювенальные суды расположены в центре, что создает проблемы для родителей, которые должны брать выходной на работе, чтобы появиться там.

Отделы пробации часто расположены в других местах, как и места содержания под стражей. Одно из решений этой проблемы кажется очевидным: районные суды. Позволить *DEY*, работая с местными и государственными чиновниками, создать районные объекты — тысячи их при необходимости — спланированные и предназначенные для обслуживания сообщества. Нет необходимости и даже нежелательно строить новые здания. Лучше купить старые дома с четырьмя-пятью спальнями и перестроить их. В более крупных населенных пунктах может оказаться желательным купить целый квартал старых домов, чтобы создать комплекс для несовершеннолетних, состоящий из ювенального суда, помещений для инспекторов по делам несовершеннолетних и социальных работников, мест временного содержания и временных убежищ, где молодой человек мог бы «остыть» после споров с родителями.

Нанимайте, а не назначайте директоров по делам несовершеннолетних или уполномоченных (избавьтесь от термина «судья»), которым не обязательно иметь юридическое образование. После двух лет обучения в предлагаемой национальной академии они должны хорошо разбираться в ювенальном праве.

Можно было бы предусмотреть федеральные гранты для тех, кто желает расширить свои юридические знания. Забудьте о таких глупостях, как требования к возрасту, росту и весу. Выбирайте этих очень важных людей за их здравый смысл. Среди пожилых людей есть множество доступных талантов – энергичных, активных мужчин и женщин, которые мыслят по-молодому и скорее наслаждаются работой, чем ужасаются от нее. Точно так же и среди молодежи много талантливых людей, работавших в приютах для престарелых, приемных семьях и кризисных центрах.

Штат суда должен включать достаточное количество практикующих адвокатов, секретарей, социальных работников и консультантов. Эти люди будут работать непосредственно с семьями несовершеннолетних и выступать в качестве связующего звена со школами. Некоторые сотрудники должны даже преподавать в школах. Должен присутствовать квалифицированный специалист для преподавания полового воспитания либо в семье, либо индивидуально.

Однако для того, чтобы любая реорганизация наших воспитательных учреждений для несовершеннолетних стала успешной, должно произойти еще одно более важное изменение: реорганизация законодательства о несовершеннолетних, четкое определение того, что представляет собой преступность несовершеннолетних, и соглашение о том, какие права ребенок имеет по закону.

ГЛАВА 15. ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ?

«Такого сына он предаст смерти».

В настоящее время на рассмотрении Судебного подкомитета Сената по уголовному законодательству и процедурам находится Закон о реформе уголовного правосудия 1975 года (S-1), в котором будет предпринята попытка пересмотреть и кодифицировать федеральное уголовное законодательство. Тот факт, что на написание 753 страниц акта ушло девять лет, является ярким свидетельством не только необходимости изменений, но и беспорядка в законах страны. Только протокол свидетельских показаний комитета насчитывает более восьми тысяч страниц. Эксперты говорят: если даже закон будет принят, федеральным судьям может потребоваться еще десять или пятнадцать лет, чтобы понять точное значение всех его положений. S-1 уже вызвал ожесточенные споры и, с ожидаемым потоком поправок (сенатор Бэй планирует внести пятнадцать), может пройти много времени, прежде чем он станет законом. Независимо от того, пройдет он или нет, ставки высоки, потому что каждому гражданину придется жить с результатами последующие десятилетия.

Хотя за прошедшие годы система ювенальной юстиции добилась значительного прогресса, законы, касающиеся несовершеннолетних, не поспевают за постоянно меняющейся моральной позицией общества. Законы Англии пятнадцатого века давали местным общинам право «регулировать и контролировать молодых, бедных и преступников» с условием, что дети в возрасте от пяти до четырнадцати лет должны были готовиться местными чиновниками к сельскохозяйственным работам. В 1563 году в Англии была введена система обучения ремёслам десятилетних мальчиков. По сути, этот метод до сих пор используется в Англии.

Теория, лежащая в основе ученичества, заключалась в том, что местные власти могли продать бедного ребенка ремесленнику в качестве «стажера» или «помощника» [подмастерья], чтобы он мог освоить ремесло и тем самым беспрепятственно вписаться в общество. В практических целях это был способ получить дешевую рабочую силу. Мальчику в обмен на его услуги предоставляли жильё, питание и почти все остальное - до тех пор, пока он не обучался своему ремеслу и не становился достаточно взрослым, чтобы позаботиться о себе, или пока он не сбегал (недавно проявилась современная версия ученичества. Четырнадцатилетний Хуан Гусман сбежал из приюта для правонарушителей в Нью-Джерси. Он подошел на улице к фермеру и спросил, не может ли он делать для того какую-нибудь работу на ферме в обмен на жилье. Фермер пошел с мальчиком к женщине, у которой остановился Хуан, и «после некоторого торга» дал ей трех кур в обмен на услуги мальчика. Мария Гусман сказала: «Если мой сын счастлив там, где он есть, я бы предпочла, чтобы он был счастлив с людьми на ферме, чем несчастлив с нами в Ньюарке»).

Система контрактов была одной из идей, привезённых в Соединенные Штаты из Англии. В Новой Англии дети-иждивенцы отдавались в ученики, а бедные дети и взрослые продавались с аукциона либо по отдельности, либо в составе семьи владельцам богаделен. В 1646 году закон колонии Массачусетского залива постановил, что, если у мужчины имеется «упрямый

или мятежный сын» в возрасте не менее шестнадцати лет, он мог привести его в мировой суд, где «такой сын должен быть предан смерти». Эти отвратительные условия сохранялись более двухсот лет. С детьми обращались как с имуществом, а не как с людьми. На рубеже XX века произошли первые изменения, когда реформаторы, выступавшие за права женщин, обнаружили также бедственное положение детей.

В 1899 году Иллинойс стал первым штатом, принявшим закон о несовершеннолетних.

Калифорния приняла Закон о суде по делам несовершеннолетних в 1903 году, а к 1925 году в 46 штатах были созданы специальные суды и судебные процедуры для детей.

Первое известное исследование учреждений для несовершеннолетних было проведено в 1920 году в Калифорнии.

Некоторые из комментариев, сделанных в этом отчете, поразительно похожи на комментарии, сделанные сегодня:

A. Между округами отсутствует согласие в отношении надлежащих функций исправительного учреждения. Нет установленной политики по следующим важным вопросам:

1. Касательно типа задержанных лиц.

В некоторых случаях взрослые, в том числе больные и слепые, находились под присмотром детей. В нескольких округах дети-иждивенцы, а также дети-правонарушители помещаются в одни учреждения для содержания под стражей.

2. Касательно цели задержания.

В некоторых из девяти округов исправительные учреждения используются в исправительных целях, и дети помещаются в них на определенный срок. В ряде других округов исправительное учреждение используется для детей-иждивенцев и больше напоминает приют, чем на учреждение для задержанных. В иных округах оно используется как место для временного содержания несовершеннолетних правонарушителей, ожидающих допроса и окончательного решения суда.

Б. Не хватает необходимого оборудования для медицинского осмотра и научных исследований.

C. Нет единообразия в отношении расположения мест содержания под стражей и их связи с судами и службами пробации.

1. Места содержания под стражей в некоторых округах расположены на территории окружных больниц. Подобная близость с неимущими округа нежелательна.

2. Места содержания в некоторых округах находятся на большом расстоянии от суда и служб пробации и труднодоступны.

Д. Не существует общепринятой формы ведения записей в местах содержания под стражей, поэтому следует приложить усилия для стандартизации управления местами содержания под стражей в соответствии с этими принципами.

Из этого отчета агентов ювенальных судов, подготовленного Советом по благотворительности и исправительным учреждениям штата Калифорния, ясно следующее: хотя за прошедшие годы проведены буквально тысячи «исследований» по проблематике несовершеннолетних, было сделано очень мало для исправления самих проблем. Действительно, только в 1967 году, когда Верховный суд США вынес эпохальное решение, ювенальная юстиция почувствовала немедленный эффект, и мальчик из Аризоны стал одной из исторических фигур американской юриспруденции.

Джеральд Голт [Gerald Gault], возможно, подумал, что это была просто шутка, когда он позвонил соседке в Глоуб, штат Аризона, и *«... сделал замечания или задал вопросы раздражающе оскорбительного, подросткового характера».* Если бы Голт был взрослым, преступление, классифицированное как мелкое правонарушение, повлекло бы за собой максимальное наказание в виде шестидесяти дней заключения. Но Голту было всего пятнадцать. На судебное заседание Голт явился без адвоката, оскорбленная соседка никогда не давала публичных показаний, протокол слушаний не велся, и апелляция была невозможна. Потребовалось предписание о *habeas corpus* и два долгих года, чтобы передать дело в Верховный суд США и вызволить Голта из тюрьмы. Он был приговорен к содержанию в государственной промышленной школе до тех пор, пока ему не исполнился двадцать один год... т.е., к шестилетнему сроку заключения. В 1967 году суд постановил: когда несовершеннолетним угрожает тюремное заключение, они имеют право быть представленными адвокатом, право на уведомление о выдвинутых против них обвинениях и на привилегию не свидетельствовать против себя. Суд заявил, что «...ни Четырнадцатая поправка, ни Билль о правах не предназначены только для взрослых».

Историческое постановление предоставило несовершеннолетнему правонарушителю многие права, которые взрослые считали само собой разумеющимися, но которых не хватало юным правонарушителям. Но даже в этом случае вряд ли подобное свидетельствовало о полных законных правах несовершеннолетних. Статус детей в судах все еще проверяется защитниками прав детей и юридическими группами, надеющимися получить полные юридические права для молодежи - те же права, что имеются у взрослые. Фонд защиты детей в Вашингтоне, округ Колумбия, оспаривает полномочия родителя помещать ребенка в психиатрическую больницу на неопределенный срок без проведения слушаний; в то время как в Атланте, штат Джорджия, Американский союз гражданских свобод хочет, чтобы суд штата постановил, что статусные правонарушители (обвиняемые в мелких правонарушениях) должны помещаться в общественные центры, а не в пенитенциарные учреждения.

Департамент образования и молодежи (*DEY*) мог бы координировать эти усилия, чтобы устранить очевидное неравенство в ювенальном законодательстве и правах детей. Пока не решены эти важные вопросы, все остальное довольно бессмысленно.

В конце 1974 года окружной судья США Уильям У. Джастис вынес решение, которое могло стать самым важным решением по делам несовершеннолетних со времен Голта.

Правосудие осудило всю систему исправительных школ Техаса за «широко распространенную физическую и психологическую жестокость», обвинив её в том, что несовершеннолетние не реабилитировались, а в «складировались». В заключении на 204 страницах Джастис сообщил, что воспитанников школы избивали и травили слезоточивым газом в качестве наказания за плохое поведение, и без какого-либо медицинского наблюдения им давались транквилизаторы для успокоения поведения. Судья постановил, что штат Техас должен закрыть две из своих исправительных школ и преобразовать остальные в реабилитационные центры и приюты. Должностные лица Молодежного совета Техаса объявили, что подадут апелляцию на это решение из-за затрат, связанных с внесением такого изменения. Что делает мнение юстиции таким важным, так это то, что, в конечном итоге, Верховному суду США будет предложено вынести решение об условиях, применимых к лишению свободы несовершеннолетних. Это решение будет применяться и затрагивать все штаты.

Две техасские исправительные школы, упомянутые в заключении суда, были Государственной школой для мальчиков Гейтсвилль и находящейся неподалеку школы Маунтин-Вью, учреждением строгого режима. Для прохожего школа Гейтсвилль выглядела как благоустроенный кампус младшекурсников колледжа. Современные невысокие аккуратные кирпичные здания, в поле зрения не имелось ни ограждающих стен, ни решеток, ни сетчатых ограждений. Охранники, одетые в элегантную форму цвета хаки с аккуратной коричневой отделкой, бродили безоружными, не спуская глаз со своих юных подопечных, которые с военной точностью двигались из от школы до общежитий и ухоженных игровых площадок.

Гостей Гейтсвилля — особенно законодателей штата, контролирующих государственные средства, — встречали благодушные надзиратели и водили по территории, время от времени останавливаясь, чтобы по-дружески взъерошить волосы какого-нибудь маленького светловолосого мальчугана. Там были десятилетние дети, глубоко поглощенные уроками математики. И четырнадцатилетние, внимательно слушающие инструктора, демонстрирующего искусство кладки кирпича. С бейсбольных полей, где мальчики играли в бейсбол, доносились крики. Когда посетители уходили, крики продолжались.

Но из карцера доносились неслышные крики, когда охранники избивали парней; раздались крики, когда слезоточивый газ врывался в камеры, обжигая открытые раны словно раскаленное железо; раздались крики от битья проводом телеантенны; крики пьяного охранника, ворвавшегося в спальню и разбившего рождественскую елку заключенных, и топтавшего нескольких детей; крики с бейсбольного поля, когда двое охранников намеренно и

медленно раздавливала яички четырнадцатилетнему мальчику, отбывающему срок за школьные прогулы.

Все это задокументированные случаи, раскрытые командой телевизионных новостей из Корпус-Кристи, штат Техас, в документальном фильме под названием «Проблемы в исправительном учреждении». Фильм вызвал волну общественного негодования и предоставил техасской прессе двухнедельную череду знаменательных и удачных дней. Это также вынудило Сенат штата Техас провести «расследование», которое превратилось в мини-Уотергейт. Как беспомощно выразился один государственный чиновник: *«Политические снежки не катятся вниз по холму в Техасе. Они проходят часть пути... останавливаются... и быстро тают»*. Но этот снежный ком не растаял. Он пролежал несколько лет, а затем снова начал катиться под гору, подталкиваемый двумя адвокатами и репортером-расследователем из Эль-Пасо, штат Техас. Адвокаты Стив Берку и Питер Сэндман подали иск против Молодежного совета Техаса от имени Алисии Моралес и прочих, в то время как репортер Билл Пейн деловито разоблачал коррупцию в учреждениях для несовершеннолетних округа Эль-Пасо. Именно по делу Моралес было вынесено постановление судьи Уильяма Джастиса.

В ходе своего расследования Берку обнаружил, что в двух школах процветала гомосексуальная активность. *«Уровень гомосексуальности очень высок, примерно девяносто процентов в школе для девочек и немного ниже в школе для мальчиков»*. Это постоянная проблема не только в школах Техаса, но и во всех центрах содержания под стражей несовершеннолетних в стране. Действительно, можно с уверенностью сказать, что каждый мальчик, заключенный в подобное учреждение, гарантировано подвергался гомосексуальным действиям или же участвовал в них по согласию или без онного. В исправительных школах происходит одно из трех: мальчика принуждают к гомосексуальному акту, он принуждает других к гомосексуальным актам или же, он становится добровольным участником и играет любую роль, соответствующую его конкретной цели в определенное время. Шансы на то, что он вообще не будет участвовать в гомосексуальной активности, очень малы.

В Техасе проблема контроля за половыми актами 1500 мальчиков в Гейтсвилле и Маунтин-Вью усугублялась ненадлежащим надзором со стороны неподготовленного персонала, который, казалось, определял гомосексуальность, как нечто, что черные делают с белыми, или сильные со слабыми.

Некоторые выдержки из устных показаний по делу Моралес показывают, насколько нелепой была ситуация в Гейтсвилле. Адвокаты истца задавали вопросы:

Отвечает: Кларенс Р. Стивенс, куратор, социальный работник.

В. Не могли бы вы объяснить, что влечет за собой получение степени магистра в области коррекционных наук?

О. Ну, конечно, примерно три, разных... одно в Сэм Хьюстона, Современное исправление и одно в полицейском управлении и... Я не могу вам сказать... у них есть несовершеннолетние в

криминологии, и в действительности это название изменилось год или полтора назад. Конечно, я начал свою специализацию, и она называлась «Институциональные исправительные учреждения», с дополнительной специализацией «Ассигнования и условно-досрочное освобождение».

Это просто разновидность тридцати часов, которые у вас есть. Конечно, как известно, в области коррекции, прав и общества, и, как вы знаете, может быть, психологии, курса поведения. У меня было тридцать часов.

В. Включают ли какие-либо из этих курсов коррекцию поведения несовершеннолетних?

О. У меня не было ничего конкретно по ювенальной коррекции на прослушанных курсах, прослушанных и ювенальных. Только прослушанные курсы. Но там ничего об этом не было. Конечно, это поведение, психопатия была отдельным курсом, а затем юриспруденция и уголовная коррекция, немного этого, и в основном курсы читались, знаете ли. Стажировка и ювенальность.

В. Включают ли какие-либо курсы консультации?

О. В программе у меня не было никаких методик консультирования.

В. Вы говорили, что всё ещё работаете над своей магистерской диссертацией?

О. Ну, я пытаюсь получить диссертацию, правильно. У меня есть тридцать часов.

В. Какое максимальное количество часов вам нужно для получения степени магистра?

О. Тридцать часов и моя диссертация.

Отвечает: Уильям Уимберли, сотрудник исправительного учреждения 3 (надзиратель).

В. До того, как вы стали работать в Молодежном совете Техаса, какой работой вы занимались?

О. Я занимался сельским хозяйством.

В. Понятно. Кто вы по образованию?

О. Ну, я закончил восьмой класс в школе, а затем получил GED [диплом об общем образовании]... несколько лет назад.

В. Хорошо. Не могли бы вы сказать мне, в каком именно году вы получили GED?

О. в 62-м. В 1962 году до того, как мы открыли эту школу [Гейтсвилль], когда я еще там работал.

В. Я забыл спросить. Каков ваш возраст, сэр?

О. Шестьдесят три.

Отвечает: Джеймс Фриман, офицер охраны 3 (надзиратель).

В. Как долго вы работаете в Молодежном совете Техаса?

О. Шестнадцать лет и один месяц.

В. Вы всегда были CO-3? [офицер охраны 3]

О. Нет, сэр.

В. Какие еще должности вы занимали?

О. Ну, сначала я начинал там, в Гейтсвилльской государственной школе в качестве работника общежития или смотрителя общежития и собачника (Государственная школа Гейтсвилля содержала питомник беспородных собак, обученных преследовать любого сбежавшего мальчика. За собаками следовала охрана на лошадях. Когда мальчика выслеживали, охранник арканил его, и мальчика тащили обратно в школу, иногда лицом вниз по недружелюбным техасским кактусам), около года, потом открылась школа Маунтин-Вью, а потом я приехал сюда. Тогда я был надзирателем, но недавно их переименовали на CO-3.

В. Итак, вы приехали в Маунтин-Вью, когда она открылся...

О. Там я был надзирателем.

В. ...это эквивалентно CO-3?

О. Но тогда это указывалось как Надзиратель.

В. В какие годы вы были собачником в Гейтсвилле?

О. Давайте посмотрим: 61 год и часть 62 года.

В. Понятно. До того, как вы начали работать в Молодежном совете Техаса, где вы работали?

О. Ну, пошел в армию в 55-м, а вернулся в 57-м, потом я начал там работать, а до этого был самозанятым. В основном плотницкая работа, а потом еще овец и коз стриг.

В. Какое у вас образование?

О. Ну, у меня аналог средней школы. Я сдал тест GED.

Вот вам и все необходимые стандарты для надзорного персонала, нанятого Молодежным советом Техаса для обеспечения контроля, заботы, руководства и реабилитации 1500 детей. Представления Молодежного совета Техаса о том, как следует решать проблему гомосексуализма, еще более нелепы – если подобное вообще возможно. Все интернаты сталкиваются с одной и той же проблемой. И нет оснований полагать, что в Техасе больше несовершеннолетних гомосексуалистов, чем в любом другом штате. Однако есть много свидетельств того, что техасская система правосудия в отношении несовершеннолетних помогла произвести на свет гораздо больше детей-геев, чем это было изначально. Самая непросвещенная из школ имеет достаточно знаний, чтобы отделить гомосексуалистов от натуралов. Более просвещенные идут дальше и отделяет активных гомосексуалистов от пассивных. Самые просвещенные дают советы и пытаются не навешивать ярлыки на мальчиков среди остальных.

Техас проделал несколько гигантских шагов в противоположном направлении. Там разделил гомосексуалистов на три группы: черных в одну; англо-американцев и латиноамериканцев в другую. Была ещё третья группа, именуемая «слабыми детьми». Свидетельские показания по делу Моралес дают ключ к разгадке этого довольно причудливого разделения:

Отвечает: Кларенс Р. Стивенс, куратор, социальный работник:

В. Как ученики распределялись по разным общежитиям?

О. Ну, приходят дети, и если их социальная история указывает на то, что они участвовали в пассивной роли, понимаете, в гомосексуальной активности, иногда...

В. Что вы подразумеваете под пассивной ролью?

О. Скажем, содомия, или если мальчик был использован другим мальчиком; ну тот, кто получает пенис другого, - это единственный способ, о которым я могу сказать. Это то, что я называю пассивной ролью. Во всяком случае, изначально, когда мы получаем мальчика... тот, кто привозит папки, садиться с сотрудниками исправительного учреждения, и они узнают, был ли мальчик вовлечен в какую-либо гомосексуальную деятельность, а тюремный персонал помещает мальчиков в общежития.

В. То есть персонал учреждения принимает решение о том, в какое общежитие попадёт мальчик?

О. Да, сэр.

В. И сейчас вы говорите о гомосексуалистах....

О. Ну, не все они там гомосексуалисты.

В. Да. Вы говорили о пассивном гомосексуализме. Куда поселяли пассивного гомосексуалиста; в какое общежитие?

О. Ну, у нас есть общежитие номер один и общежитие номер девять, куда помещают мальчиков с таким характером. И, как я уже сказал, это может быть ребенок, который не агрессивен и не способный постоять за себя, или что у вас есть, вы помещаете в другое общежитие. Возможно, вы поместите его туда с другими мальчиками, которые не так агрессивны, но это случится. У нас был парень... приехал недели три-четыре назад... который был помещен в общежитие и говорил [ред] обо всех мальчиках, которые были жестоки к нему. Он использовал выражение «делали из него пидора». Они угрожали ему и все такое, и это было признано. Его забрали из этого общежития и поместили в [Общежитие] Девять. Я спросил у некоторых парней, как у него дела, и они сказали, что отлично. Там он всем понравился, но у него были трудности в другом.

В. Как вы определяете, какой мальчик пойдет в общежитие номер один, а какой — в общежитие номер девять?

О. Общежитие номер один и общежитие номер девять... Общежитие Один - это негритянские мальчики, а также Общежитие Один и Общежитие Девять...

В. Я не расслышал вас.

О. В Общежитии Один проживают негритянские мальчики, а в Общежитии Девять живут англо-американцы и латиноамериканцы.

Позже Стивенса допросили о том, что такое «слабый» мальчик.

О. Я так думаю… они не все гомосексуалисты... Как я уже говорил, мальчики, знаете ли, слабы.

В. Слабы?

О. Да, слабы... Может быть... это не назовешь гомосексуальным, а только то, что он слаб и подчинялся кому-то, потому что ему нужна пачка сигарет и то, это и другое. И я думаю, что было много проблем, когда они все жили в общежитиях...

Отвечает: Уильям Уимберли, сотрудник исправительного учреждения 3 (надзиратель)

В. ...можете ли вы дать мне некоторое представление о порядках; на что похоже каждое общежитие, какие мальчики в каждом общежитии?

О. Ну, конечно, мы их интегрировали, как могли, и это был как бы нормальный, средний мальчик в общежитии. Не было бы по-настоящему слабых парней... Я имею в виду слабоумных в этих других общежитиях. Мы все устраиваем так, как можем. Теперь у нас есть еще одно общежитие, общежитие Одиннадцать, в котором мы держим несколько слабых мальчиков, которые не могут ужиться с большими мальчиками. У нас они в отдельных общежитиях, но они интегрированы в это общежитие.

В. Я понимаю это. Когда вы говорите об интегрированных, вы имеете в виду расово интегрированных?

О. Да.

В. Я понимаю.

О. Но два общежития, у нас есть два общежития, которые не интегрированы. Одно с цветными мальчишками и одно с белыми и испанцами.

В. Что это за общежития?

О. Общежитие номер один и общежитие номер девять.

В. Это тоже общежития для гомосексуалистов?

О. Да, сэр.

В. Почему решили разделить гомосексуалистов по расовому признаку?

О. Было слишком сложно держать мальчиков подальше от них в общежитии, слишком много способов добраться до них в общежитии. Достаточно трудно удержать их здесь, в кампусе, от общения с ними, но в общежитии, безусловно, нужно стараться защитить их.

В. Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду. Я понимаю, почему надо отделять гомосексуалистов от остальных, но не понимаю, почему надо разделять гомосексуалистов по расовому признаку. Могли бы вы объяснить... эту политику?

О. гомосексуалисты... отделять гомосексуалистов, вы имеете в виду, от гомосексуалистов?

В. Делить мальчиков, гомосексуалистов, на белых гомосексуалистов, негритянских гомосексуалистов и гомосексуалистов мексикано-американского происхождения.

О. Ну, это потому что... ну не все они гомосексуалисты. Просто некоторые из них маленькие слабые мальчики, которые не могут ужиться. Не все они были бы в Общежитии Один и Общежитии Девять, не все они были гомосексуалистами.

В. Угу.

О. Были некоторые, которые были просто маленькими, маленькими, слабыми мальчиками, которые просто не могли бы справиться с большими мальчиками.

В. Понятно.

О. И именно с этим типом мальчиков довольно трудно справиться и поладить... Просто гораздо больше [так в оригинале] проблем с их разделением. Просто так лучше всего... Это достаточно большая работа, чтобы справиться с тридцатью такими мальчиками, которые разделены. Соедините их вместе, и у вас тут двойная проблема.

В. Хорошо.

Отвечает: Мак Моррис, помощник суперинтенданта.

В. ...Итак, общежитие номер один и общежитие номер девять, два общежития, куда отправляют мальчиков с гомосексуальными склонностями. Как туда отправляют мальчика? Что он должен делать? Очевидно, он должен...

О. Ну, большая часть того, что касается записей, приходит с ним, что он занимается таким, и мы уделяем этому пристальное внимание. У нас должны произошли некоторые события после того, как мальчик появляется здесь, чтобы заставило нас изменить наше решение и перевести его.

В. Если мальчика определили в другое общежитие, и вы обнаружили, что он участвует в другом акте с другим мальчиком, будет ли одного этого достаточно, чтобы перевести его в другое общежитие?

О. Не обязательно.

В. Кто принимает это решение?

О. Хорошо... после того, как это будет расследовано и проверено, некоторые из этих случаев могут быть случаями, которые были такими с самого начала, и мы этого не знали. Некоторые из этих детей могут оказаться под следствием. Можно просто навязать содомию другому.

По крайней мере, один из двадцати семи мальчиков, убитых трио Дин Корлл-Уэйн Хенли-Дэвид Брукс в Хьюстоне, был выпускником Гейтсвилля.

Из сорока мальчиков, с которыми я беседовал, как в школе, так и за ее пределами, все согласились, что они усвоили одну вещь, пока были там: они научились ненавидеть. Ненависть можно увидеть в этом стихотворении, написанном одним из мальчиков об охранниках Гейтсвилля...

Человек

Не знаю, но мне сказали
Когда ты бежишь из Гейтсвилля, ты
можешь вернуться без
своей души. Будь то правда или нет,
меня никогда не изобьют и не оставят
гнить. Когда бежишь, будь ловким, будь
быстрым, потому что если тебя поймают,
тебе жопа.
Эй, эй, посмотри на Человека,
Он сделает это с тобой, если
никто не поможет.
Эй, эй, зацени Человека,
Он надерет тебе задницу, если у него будет шанс.
У Человека нет сожалений, у Человека нет печалей.
Если он не поймает тебя сегодня, он поймает тебя завтра.

Репортер Билл Пейн резюмировал это, когда сказал:

«Что-то случилось с «ювенальным правосудием» в округе Эль-Пасо и штата Техас, где преднамеренно и целенаправленно ошибаются спереди назад и из стороны в сторону. Ювенальная юстиция сама по себе является преступлением, связанным со спекуляцией и эксплуатацией детей в качестве целей и с использованием процедур, средств и персонала, чьи лучшие часы лишь изредка вырабатываются и состоят, в большинстве случаев, в простом игнорировании несчастных детей, которых они клянутся защищать, и тем не менее почти неизменно губят».

Сид Росс, редактор-консультант журнала *Parade*, более двадцати пяти лет проработал журналистом-расследователем. За это время он посетил сотни тюрем, следственных изоляторов, воспитательных учреждений, исправительных школ и учебных заведений по всей стране. Он также посетил достаточно семинаров, конференций, съездов и практикумов, посвященные преступности среди несовершеннолетних, чтобы питать очень слабую надежду на улучшение.

Росс сказал: *«Из… того, что я видел в тюрьмах, особенно в отношении несовершеннолетних, я знаю, что это только камеры и решетки — и стерильная, дегенерирующая, а иногда и жестокая среда для детей, которых чаще всего сажают в тюрьму не потому, что они совершили ужасные преступления, а потому, что сообществу или государству больше нечего предложить.*

Таким образом, наряду с детьми, обвиняемыми в кражах со взломом, грабежах, нападениях и убийствах, можно найти детей-иждивенцев и безнадзорных детей, беглых детей, детей-инвалидов или умственно отсталых, жертв сексуального насилия, жертв разбитых семей и так далее».

Росс добавил: *«Исходя из своего опыта, я хочу подчеркнуть, что ключевое слово тут «жертвы», ибо, опять же, многие из этих детей, включая тех, кто совершил преступные деяния, в самом реальном смысле являются жертвами неудач общества».*

Он охарактеризовал обращение с несовершеннолетними в тюрьме как «мягкое пренебрежение», но добавил:

«Иногда, когда в тюрьме одновременно находится несколько несовершеннолетних, пренебрежение может превратиться в пугающий кошмар запугиваний, избиений, грабежей и гомосексуальных изнасилований. Вместо защиты у вас есть джунгли, свирепые джунгли, где более сильные и более злобные охотятся на более молодых и слабых. Ясно, что шерифы и тюремщики по понятным причинам неохотно предоставляют статистику или приводят примеры нападений, грабежей и изнасилований, имевших место в их тюрьмах». «*На самом деле*, — продолжил он, — *я считаю, что они действительно не знают. Жертвы запуганы. Потенциальных стукачей не держат не из-за какого-то предполагаемого кодекса чести, а потому, что боятся возмездия со стороны других заключенных. Как шепнул мне несколько месяцев назад шестнадцатилетний мальчик в одной южной тюрьме — этого мальчика недавно изнасиловали трое заключенных — и я цитирую его: «Они предупредили меня, что разорвут мне задницу до пупка, если я завизжу».*

Росс заключил: *«Это правда, и именно поэтому многое из того, что всплывает на поверхность, является лишь верхушкой айсберга происходящего в тюрьмах».*

Сид Росс был приглашен для дачи показаний перед подкомитетом сенатора Берча Бэя по расследованию преступлений среди несовершеннолетних. Журнал *Parade* в 1963 году опубликовал большую статью, написанную Россом и Эдом Кистером, под названием «Дети в

тюрьме». Эта история стала конечным результатом тщательного расследования, проведенного сотрудниками журнала во всех регионах страны. Это была мрачная история, демонстрирующая, что есть тысячи детей, заключенных в тюрьмы, которым там нечего делать. Это была история, тщательно подтвержденная документами, которая, как можно было бы подумать, должна была спровоцировать расследование в Сенате и заставить общественность потребовать немедленных реформ.

Но из статьи ничего особенного не вышло, и десять лет спустя Росс обнаружил, что в сфере ювенальной юстиции практически ничего не изменилось, разве что в худшую сторону.

В сентябре 1972 года Росс и Герберт Купферберг написали для *Washington Post* длинную статью, в которой предлагалось закрыть исправительные школы и указывалось, что именно так поступили в штате Массачусетс... и с заметным успехом. Заслуга столь радикальной реформы принадлежит Джерому Миллеру, доктору философии из Миннесоты, который стал уполномоченным по делам молодежи штата Массачусетс.

Миллер сказал: *«Исправительные школы никуда не годятся. Они не исправляют и не перевоспитывают, и чем дольше держать в них ребенка, тем меньше шансов, что он выживет, когда выйдет. Они не защищают общество. Они бесполезны, они никчемны, они прогнили».*

При этом Миллер – за три года на посту уполномоченного – упразднил государственную систему штата Массачусетс для несовершеннолетних правонарушителей, заявив, что проблемы несовершеннолетних в Соединенных Штатах не будут решены до тех пор, пока другие штаты также не закроют свои исправительные учреждения.

Милтон Г. Ректор, исполнительный директор Национального совета по преступности и правонарушениям, назвал решение Миллера *«смелым шагом в правильном направлении».*

Но реформы Миллера вызвали большой резонанс и сильное противодействие, в основном, по словам Росса, со стороны охранников, опасающихся потерять работу, и законодателей, предпочитающих суровые методы борьбы с правонарушителями. Местные сообщества также встретили сильным сопротивлением идею создания реабилитационных центров в их районах. Миллера обвинили в «слишком быстром движении». Он, однако, насмехается над этим:

«Приходится почти заставлять сообщество делать свою работу... Никогда не будет реального прогресса без потрясений. Любые проводимые реформы, будут размыты и исчезнут. Школы профессиональной подготовки являются основой старой системы и должны быть упразднены. Они идут путем богаделен».

Через год после того, как Миллер стал руководителем, он провел символическую церемонию в индустриальной школе Ширли, чтобы обозначить свои радикальные перемены. *«Темной и дождливой зимней ночью,* — писал Росс в своей статье, — *десять подростков по сигналу руководителя DYS* [Департамента по делам молодежи и спорта] *ударили кувалдами по стенам и решеткам одиночных камер, в которых каждый в своё время отбывал наказание. Они оставили это место в руинах»*.

Росс заключил: *«Таким же образом Джером Миллер во многом превратил в руины столетие реформируемой структуры по борьбе с правонарушениями в Массачусетсе. На её месте он воздвиг то, что, по его мнению, будет служить лучше и дольше; систему, в которой к юным правонарушителям относятся не как к безнадежным преступникам, а как к заблудшим людям, которые могут вернуть себе место в обществе».*

Джером Миллер в настоящее время является уполномоченным по делам детей и молодежи штата Пенсильвания, одного из немногих штатов, прилагающих искренние усилия для улучшения своей ювенальной системы. Но в целом со времен Миллера в Массачусетсе условия не изменились, за исключением, быть может, растущего осознания общественностью масштабов проблемы. Я спросил Миллера, можно ли диагностировать проблему, стоящую перед страной, – проблему её молодежи. Это был не особенно проницательный вопрос, но у Миллера нашёлся ответ:

«Я полагаю, если пытаться «диагностировать» проблему детей в нашем обществе (в первую очередь детей бедных), то всё дело в том, в какой степени вы бедны, бесправны или ваша семья относительно нестабильна и не существует, в этой же степени вы становитесь пленником в этом обществе. Либо вы являетесь пленником так называемой системы ювенальной юстиции в силу ваших незаконных действий, либо вы пленник системы социального обеспечения в силу ваших экономических лишений и, как следствие, ограниченных возможностей».

«Хотя я знаю о серьезных проблемах, с которыми сталкиваются и дети из среднего класса, в долгосрочной перспективе у этих детей, как правило, есть люки для спасения с точки зрения относительного разнообразия выбора, возможностей, карьеры, образовательных моделей для подражания и прочего».

«Бедные, однако, быстро включаются в ту или иную государственную или частную (но финансируемую государством) программу реабилитации или правосудия… а эти программы обычно не реабилитируют и не являются справедливыми».

«Как правило, в конкурентном капиталистическом обществе эти дети быстро становятся движимым имуществом в системе, в которой поставщики услуг принимают все решения, начиная от того, примут они ребенка в свою программу или нет, и заканчивая тем, какой диагноз будет поставлен детям, а, в конечном итоге, определяют виды воспитания или дурного обращения, которые те получат».

Миллер намекнул своими словами на комментарий Рональда Лэнга, британского психиатра, заявившего, что диагнозы — это социальные предписания, требующие определенного лечения, и определяемые количеством представленных вариантов. Миллер говорит: «*Мы диагностируем детей, чтобы они соответствовали программам, которые мы разрабатываем для их воспитания; программам, которые чаще всего разрабатываются поставщиками услуг с наименьшими затратами и дискомфортом.*

И возникает ситуация, когда наши программы воспитания как в области социального обеспечения детей, так и в области ювенальной юстиции существуют только для успокоения и утешения поставщика услуг, а не конечного получателя».

ГЛАВА 16. ГРУППОВЫЕ ДОМА

«Хороших приемных родителей найти трудно».

Мальчика, который становится подсудимым, и который не совершил достаточно серьезного преступления, чтобы быть отправленным в исправительное учреждение, часто помещают в приемную семью. В то время как стандарты варьируются от штата к штату, большинством приемных семей управляют благонамеренные родители, часто с собственными детьми, которые берут дополнительного ребенка или двух в обмен на ежемесячную стипендию, выплачиваемую агентством по размещению. По большому счету это хорошая программа. И часто приводит к окончательному усыновлению ребенка.

Одна из проблем программы приемных семей заключается в том, что их не хватает. Хороших приемных родителей трудно найти по разным причинам, и многие дети страдают из-за их нехватки. Концепция приемной семьи должна быть расширена и улучшена для определенных типов детей. Это также может быть выполнено Департаментом образования и молодежи [DEY], тесно сотрудничающим с государственными и местными должностными лицами, которые могли бы создать сеть приемных семей четырех отдельных категорий:

1. Временное жилье в частном доме, находящееся в ведении частных лиц - для несовершеннолетних, которые были арестованы и нуждаются в месте для проживания до тех пор, пока не предстанут перед судом. Эти дома и опекающие их суррогатные родители должны быть бы на связи двадцать четыре часа в сутки, чтобы обеспечить приют и руководство мальчикам без родителей, мальчикам, чьи родители не заинтересованы в проблемах своего ребенка, или мальчикам, чьи проблемы проистекают из неприятностей в их собственных домах. Функция временных родителей будет заключаться в том, чтобы обеспечить проезд в школу и обратно (если мальчик учится в школе, а другого транспорта нет); убедиться, что мальчик явится в суд в назначенное время; ответить на множество вопросов,

которые наверняка возникнут у мальчика о его будущем; и успокоить его, что система работает на него, а не против.

Временным опекунам будут платить за каждого мальчика плюс компенсация расходов или, возможно, фиксированную ежемесячную сумму, независимо от количества мальчиков, размещенных в течение месяца. Опекуны, в дополнение к «нормальным» родителям, могут быть привлечены из молодежных работников, полицейских, священников или кого-либо еще, имеющего некоторый опыт и интерес к детям. Ограничения на передвижение мальчиков будет определяться временным опекуном.

Такая программа уже осуществляется с очевидным успехом в Солт-Лейк-Сити. Она устраняет необходимость содержания мальчика в колонии для несовершеннолетних и все связанные с этим проблемы.

2. Ряд пансионатов для детей, перенесших рассмотрение своего дела в судебном порядке и, как было установлено, нуждающихся в контролируемой среде и профессиональном руководстве. Прежде всего, в этих домах будут содержаться статусные преступники [с мелкими правонарушениями] и с незначительными эмоциональными проблемами, но у «родителей» пансиона должна быть целая бригада профессионалов, к которым можно обратиться за помощью. Пансионы будут постоянными, в них должны проживать не более шести детей, размером с большую семью. «Родители» будут выбираться из пар, чьи дети уже выросли и живут сами по себе, пенсионеров без детей, молодых пар без детей или медиков-профессионалов. Приют будет работать так же, как и любая другая нормальная семейная организация.

Жизненно важно, чтобы на жилье не было пометки «приют».

У детских приютов существует прискорбная тенденция вешать таблички, объявляющие, что это «Дом на полпути», или «Гавань для мальчиков», или что-то в этом роде. Это контрпродуктивно, поскольку автоматически клеймит ребенка как беспризорника или бродягу, и придает этому месту ощущение сиротской обители или богадельни. Адреса улицы вполне достаточно; нет необходимости рекламировать его жильцов как подопечных государства.

3. Серия специальных пансионатов, подобных только что описанным, но предназначенных для детей с эмоциональными проблемами, требующими постоянной профессиональной помощи. Эти дома будут укомплектованы высококвалифицированными социальными работниками, специализирующимися на конкретных проблемах. Программа будет направлена на стабилизацию ребенка до такой степени, чтобы его можно было бы перевести в стандартный дом-интернат. И частный дом, и пансион также могут быть использованы в качестве промежуточных центров для особо опасных типов, выписываемых из мест содержания под стражей и направляющихся обратно в общество – тщательная оценка человека должна показать, что его присутствие никоим образом не нанесет ущерба прогрессу постоянных членов этого пансионата.

Вопрос о размещении юного преступника-гомосексуалиста трудно решить из-за множества задействованных переменных, в основном связанных со степенью его гомосексуальности.

Юный открытый гомосексуал не представляет особой проблемы, если (и я подчеркиваю, если) его сексуальные предпочтения твердо установлены, и, если он не бисексуальный мальчик, чьи предпочтения ещё достаточно гибки, позволяя ему выбирать любой образ жизни. В первом случае открытый гомосексуал должен быть помещен в интернат, укомплектованный профессионалами, гомосексуалистами или гетеросексуалами, основная функция которых будет состоять в том, чтобы помочь мальчику стать продуктивным гражданином, способным справляться с проблемами повседневной жизни независимо от его сексуальной ориентации.

Функция любой контролируемой среды должна быть направлена на подготовку мальчика к наилучшей возможной жизни с учетом его потенциала и склонностей, а не превращение его в кого-то, кем он не хочет или не может быть... и это в равной степени относится к гомосексуальным и гетеросексуальным мальчикам.

С гуманистической точки зрения юный гомосексуал имеет полное право на полноценную и продуктивную жизнь. Почему-то общественность никак не может принять тот факт, что есть молодые гомосексуалы. Страусиный подход общества состоит в том, чтобы считать гомосексуальность состоянием, существующим только у людей старше восемнадцати лет. Это, конечно, нонсенс. В ряде городов родители детей-геев создали организации для решения их проблем. В Голливуде геев, которые слишком юны, чтобы водить машину, на дискотеки подвозят родители. **Двое двенадцатилетних подростков, арестованных во время облавы на «цыплят», напугали полицейских, заявив, что влюблены друг в друга.**

В то время как органы по делам несовершеннолетних, хотя и неохотно, сталкиваются с тем фактом, что существуют юные гомосексуалы, попадающие в несексуальные проблемы так же, как и гетеросексуалы, эти чиновники также сталкиваются с проблемой, что делать с подобными детьми.

Несмотря на то, что есть психиатры, заявляющие об успешном «лечении» гомосексуалистов (то есть о изменении их ориентации), доказательств в поддержку этих заявлений очень мало. Еще один популярный миф о том, что, если молодого гомосексуалиста поместить в гетеросексуальную среду, он в конце концов примет гетеросексуальный образ жизни, – просто не соответствует действительности. Достаточно лишь рассмотреть обратную ситуацию, чтобы обесценить подобное утверждение. Станет ли молодой гетеросексуал, помещенный в исключительно гомосексуальную среду, гомосексуалистом? Если ответ «да», это говорит о том, что мальчик, о котором идет речь, не был подтвержденным гетеросексуалом. Если ответ «нет», то превращение гомосексуалиста в гетеросексуала также не соответствует действительности. Разрушительный эффект помещения мальчика-гомосексуалиста в

гетеросексуальную среду так же велик, как и помещение гетеросексуалов в гомосексуальную среду.

Власти Лос-Анджелеса борются с этой проблемой. Был создан специальный комитет, разрабатывающий руководящие принципы для округа, на которых должна основываться его политика, поскольку текущие руководящие принципы оказались крайне неадекватными. После двух встреч ничего не было решено, кроме договоренности о проведении дальнейших встреч. Было обнаружено, что при достижении конкретных выводов существуют всевозможные «опасности». После того, как каждое предложение было встречено встречным предложением, было решено, что «золотая середина» (вообще никаких предложений) является наилучшим вариантом действий.

Адвокат округа Лос-Анджелес указал, что округ может оказаться в затруднительном положении, если одобрит размещение молодых геев с приемными родителями-геями. Он предположил, что при достижении мальчиком восемнадцатилетия тот может подать иск против округа, утверждая, что был помещен в гомосексуальную среду; если бы он был помещен в гетеросексуальную среду, он мог бы стать гетеросексуалом; следовательно, поскольку он сейчас является гомосексуалом - это вина округа, и, следовательно, округ несет за подобное ответственность. Это, по словам адвоката, было возражением округа с самого начала, и это, добавил он, будет позицией округа в будущем.

В начале 1974 года Администрация службы по делам молодежи (YSA) в Нью-Йорке одобрило пилотный проект, позволяющий гомосексуалистам служить «старшими братьями» для молодых геев в возрасте от тринадцати до восемнадцати лет, размещенных в учреждениях YSA. У YSA имелось несколько домов для детей-правонарушителей, у которых не было родителей или чьи родители отказались их содержать. Том Смит, директор общественной службы Национальной целевой группы по делам геев, убедил YSA в том, что «старшие братья», которые были геями, могли бы предложить компанию молодым мальчикам-геям на экспериментальной основе в одном из центров - центров, используемых исключительно для молодых геев. Смит сообщил, что единственное препятствие, которое он видит, заключается в том, чтобы заставить квалифицированных, компетентных геев добровольно тратить свое время на то, чтобы быть «старшими братьями».

Но оказалось, что есть гораздо большее препятствие: YSA решила представить весь план в свой юридический отдел. Одно только множество юридических проблем привело к остановке проекта на неопределенный срок.

Смит совместно со Стивом Асканази, председателем Комитета службы Альянса Гей-активистов запустили альтернативный проект: пытаться добиваться, чтобы суды распределяли бездомных молодых людей-геев жить с приемными родителями-геями. Хотя это было юридически допустимо, фактическая процедура оказалась сложной. Как только суд вынесет такое постановление, несовершеннолетний станет законным приемным ребенком гей-пары. Крайне маловероятно, что политически ангажированный судья согласится принять такое решение.

В другой, более поздней попытке в том же направлении, частные агентства по уходу за детьми городского района Нью-Йорка незаметно начали программу размещения гомосексуальных мальчиков-подростков с гомосексуальными приемными родителями. Национальная рабочая группа по геям заявила, что программа проводится неофициально, но с ведома государственного отдела по делам молодежи.

Том Смит заявил, что встречался с государственными чиновниками и нашел их «довольно открытыми» для официального одобрения программы. Смит сообщил, что программа была запущена, потому что гомосексуальная группа «получила звонки от сотен агентств по уходу за детьми, которые хотели знать, можем ли мы найти жилье для детей», которым было от двенадцати до семнадцати лет. «Агентства считают невозможным поместить ребенка-открытого гея в традиционную приемную семью, — заявил он. — Их просто перебрасывают из учреждения в учреждение, пока они не достигают совершеннолетия».

Национальная рабочая группа по геям на самом деле не передает детей-геев потенциальным приемным родителям-геям, а направляет взрослых гомосексуалистов в частные агентства по уходу за детьми. Смит подчеркнул, что приемных отцов проверяют, чтобы убедиться, нет ли у них скрытых мотивов. Он сказал: «Гомосексуальным мужчинам уже давно отказывают в возможности быть приемными отцами, но многие геи выражают желание заниматься этим».

Рональд Голд, представитель Национальной рабочей группы по геям, заявил, что надеется на официальную санкцию со стороны регулирующих органов, которая позволит приемным родителям-геям получать лицензию и выплаты по уходу за ребенком. Он сказал, что текущая программа является лишь временной мерой. «Это то, что мы делаем просто потому, что нет официально структурированных ситуаций, в которых это можно было бы сделать». Голд подчеркнул, что программа не является попыткой «обратить» других к гомосексуализму, и повторяет, что наличие приемного родителя-гомосексуалиста в конечном итоге ни коим образом не определит сексуальную ориентацию подростка при взрослении.

Но приемные родители-гомосексуалы столкнутся с той же проблемой, что и некоторые их гетеросексуальные коллеги: проблемой не навязывать ребенку свои собственные предпочтения в отношении образа жизни. Есть ряд людей, которые уже успешно управляют приютами и реабилитационным центрами, и которые - независимо от их собственных сексуальных предпочтений - вполне способны консультировать детей по поводу их сексуальных проблем. Эти же люди, обычно молодые, способны принять гомосексуальную альтернативу, даже если сами они гетеросексуальны. Верно и обратное. Есть много преданных своему делу опытных гомосексуалистов, которые прекрасно себя чувствуют с гетеросексуалами (если только вы не предпочитаете верить, что нет гомосексуальных учителей, врачей, полицейских, скаутов, психиатров, психологов и пилотов авиакомпаний, которые работают, направляют, контролируют и инструктируют нас каждый день нашей жизни).

Хорошо управляемый дом приёмной семьи может быть легко укомплектован опытными консультантами, способными свободно обсуждать как гомосексуальный, так и гетеросексуальный образ жизни. И нет веской причины, по которой этих инструкторов нельзя набирать как из гетеросексуальных, так и из гей-сообществ. Сенатор Берч Бэй опросил директора детского дома из Индианаполиса. Преподобный Лютер Хикс явно не считает гомосексуальность серьезной проблемой. Бэй спросил: *«Сможете ли вы справиться с некоторыми из широко обсуждаемых и описанных черт, которые, кажется, существуют в крупных учреждениях, таких как гомосексуальность, жестокое обращение и жестокость, а также злоупотребление наркотиками? Я знаю, что, вероятно, еще слишком рано иметь полную картину болезни по этому поводу, но считаете ли вы, что вы на высоте, когда имеете дело с небольшим количеством мальчиков?»*

Хикс ответил: *«Да, сэр. По моему опыту, в этой атмосфере у нас не было такой проблемы и не будет… Они [мальчики] не находятся в таких близких отношениях все время, и они не находятся в обстановке, в которой видят весь этот сексуальный хлам по телевизору. Когда эти парни приходят вечером домой, у них есть свободное время, и им разрешено ходить по району и заводить отношения... В той программе, которую мы запускаем, у нас нет необходимости беспокоиться о гомосексуальном поведении, потому что эти парни могут гулять, они могут развлекаться в компании, и девушки могут прийти и посмотреть на них, понимаете, и это имеет большое значение».*

«В добавок к этому, — продолжил Хикс, — *мы говорим о ценностях, мы говорим о морали, и мы говорим об индивидуальных обязанностях — и все это в сумме составляет модель поведения. Предположим, мы поймали парня, занимающегося гомосексуальным поведением с другим парнем. Я гарантирую вам одну вещь, которой не случиться - это то, что мы не схватим их обоих и не свяжем, распластав их на кровати, и не накажем их. Мы не станем делать из них назидательного примера для остальных, подвергать остракизму или критиковать, если это их модель поведения. Мы будем... разбираться с этой ситуацией, пытаясь выяснить, было ли это по обоюдному согласию... почему они должны были пойти этим путем... каковы их желания, когда дело доходит до взаимоотношений с другими людьми, а затем отправили бы за надлежащим лечением, которое могло бы помочь им изменить свою модель поведения».*

Хикс заключил: *«Теперь я думаю, что это единственный полезный подход к подобному, я действительно так считаю».*

В Хьюстоне преподобный Джек МакГиннис думает в том же духе. Он заявил: *«Теперь, когда я собираюсь критиковать систему, я должен что-то предложить, что поставить на её место, и я это сделаю. Моя идея на самом деле не нова, но она странным образом не опробована. Ребенок, нуждающийся в социальном надзоре, ребенок-правонарушитель, нарушивший закон, не считает антиобщественное поведение или нарушение закона своей основной проблемой. Главной их проблемой, вызывающей у них боль и трудности, является... глубокое и болезненное отчуждение от людей, которыми он дорожит больше всего; от ценностей, которыми он дорожит больше всего».*

«И теперь, когда вы рассуждаете об отчуждении, это предполагает, что для начала должны существовать какие-то ценные отношения, от которых отчужден молодой человек. Мы все рождаемся в ценных отношениях с нашими родителями, даже если мы не можем выразить или понять это. В первые несколько лет нашей жизни мы дорожим этим опытом и чувством близости, которое оно приносит. Первая основная трудность, с которой приходится сталкиваемся, — это первоначальное отчуждение от родителей. Вот откуда, по моему опыту, проистекают сто процентов трудностей. И это может произойти из-за смерти, развода, того, что оба родителя остаются вместе, но сталкиваются со своими собственными проблемами и трудностями - тысячью разных способов. Где-то по пути происходит потеря этого чувства близости... того, что тебя любят и о тебе заботятся - почти полностью, и, в конечном итоге, способности отвечать на эту любовь и заботу. Потеря причиняет глубочайшую боль ребенку. Отчуждение от этого опыта и все последующие трудности связаны между собой».

«Когда ребенок достигает возраста, когда общество может заметить его антиобщественное поведение, возможно, из-за нарушения закона, на чем концентрируется система? Она концентрируется на его поведении и атакует его. "Если не будешь вести себя хорошо, если не будешь подчиняться законам, если не изменишь свое поведение, тебя посадят под замок. Заберут от родителей". Система усиливает отчуждение вместо того, чтобы сосредоточиться на его устранении».

«Отчуждение и примирение — это термины, которыми мы часто пользуемся сегодня, когда работаем с детьми, попавшими в беду. Мы концентрируемся на том, как мы можем восстановить или примирить первичные бесценные отношения, от которых эти дети были отчуждены. И если невозможно восстановить отношения, или примирить ребенка с его родителями, или кем-то еще... тогда мы должны сосредоточиться на замене ценных, интимных, близких, утверждающих, любовных отношений в его жизни каким-то другим образом. Если он не может получить всё это от людей, которые для него ценны, давайте предоставим всё это ему. Давайте сделаем это сами».

«Это потребует времени, терпения и большой любви... Я убежден, что слишком много людей, особенно в отделах пробации и судах — людей, имеющих дело с детьми, попавшими в беду, — просто не любят детей».

«Разве мы не видим, что система не работает? Если бы это было так, у нас было бы меньше правонарушений, а не больше. Можно взять статистику, которая показывает, что у нас больше правонарушений из-за увеличения населения, и бросить её в ближайшую реку или озеро. Это неправда. У нас больше правонарушений, потому что методы, используемые нами для борьбы с правонарушениями, неверные, а система ювенальной юстиции не работает. Она попросту не работает».

«Почему мы не можем найти людей, способных позаботиться о других людях, особенно о молодежи? Объедините их в своего рода сообщества, а не коммуны, группы людей, которые делятся и поддерживают друг друга. Возьмите пять или шесть пар. в районе или в определенной части города и предоставьте им инструменты, которые им помогут: финансовую помощь, встречи, поддержку, поощрения и подготовку. В настоящее время отделы пробации просто ходят по магазинам и ищут, у кого можно разместить детей, потому что у них множество детей, которых нужно куда-то разместить... Я знаю многих здесь, в Хьюстоне, у которых размещалось пятеро или шестеро детей просто потому, что они получали до 90 долларов в месяц, и то, что они делали с этими детьми, чтобы получить деньги, было катастрофой...»

«Итак, давайте разработаем способы обучения людей. Давайте разработаем способы поиска неравнодушных людей, способных делать то, о чем я все время говорю, которые уже делали это со своими собственными и с приемными детьми. Важно сделать приемную семью постоянной... Когда ребенок помещается в группу людей, к одному человеку или паре, он должен знать, и приемные родители также должны знать, что они будут вместе, пока этот ребенок не вырастет и не сможет жить самостоятельно. У него по-прежнему могут быть настоящие родители, которые могут его навещать, но именно этот приемный родитель должен отдать свою жизнь за этого ребенка. Приемный родитель должен быть в состоянии сказать: «Послушай, я хочу, чтобы ты был здесь, пока не вырастешь. Я хочу заботиться о тебе, что бы ни случилось, и, если ты снова попадешь в беду, я хочу сражаться с ней вместе с тобой. Мы будем работать и бороться с ней, но мы будем делать это, пока ты не вырастешь. И я буду продолжать заботиться о тебе, что бы ни случилось, пока ты не будешь в состоянии справляться сам».

«Это можно сделать, — настаивает МакГиннесс, — *и кто, если не мы?»*

ГЛАВА 17. ЗАГАДКА ДЕТСКОЙ ПРОСТИТУЦИИ

«Иди к черту, чувак. Мне нравится торговать своей задницей».

Загадка детской проституции не поддается простому решению. Она раздражает полицию, заводит в тупик психиатров, сбивает с толку законодателей, приводит в ярость родителей и вызывает серьезную озабоченность у лидеров гей-сообщества, потому что увековечивает миф о том, что все гомосексуалы охотятся за мальчиками.

В сообществе гомосексуалистов есть два элемента, которые неофициально ставят в неловкое положение большинство геев: очень женственные и очень юные. Очень женственный мужчина вызывает смущение, потому что для широкой публики он является представителем всех геев. Он является наглядным доказательством стереотипного образа, который геи пытаются разрушить в своем стремлении к равным правам. Очень юный гей также вызывает смущение, потому что для широкой публики он является наглядным доказательством того, что гомосексуалисты обращают маленьких мальчиков в свой образ жизни.

Оба эти стереотипа, конечно же, существуют, но говорить, что они типичны для гомосексуального образа жизни, — нонсенс. Однако общественное мнение редко бывает капризным и вряд ли изменится в одночасье. Ответственные представители гей-сообщества осознают проблему стереотипизации и предпринимают шаги для ее решения. Это трудно, потому что, без сомнения, есть взрослые геи, которых привлекают мальчики. Трудность заключается в том, чтобы провести различие между мальчиком-геем и мальчиком, который потенциально может стать геем.

Моррис Кайт — старейший государственный деятель гей-активистов. Он боролся за равноправие гомосексуалистов задолго до того, как это стало модным. Когда он не путешествует по стране, чтобы маршировать, протестовать, демонстрировать или вызволять кого-то из тюрьмы, он проводит в Лос-Анджелесе консультационную программу для юных геев и сбежавших из дома. Кайт гневно осуждает профессионалов за то, что они запрещают организованному гей-сообществу играть активную роль в решении проблемы.

«Позвольте мне рассказать вам, что мы думаем, что знаем об этих детях», — говорит он.

«Полиция и бюрократы, которые распоряжаются этими миллионами пособий, и чиновники, которые сердито говорят нам что-то делать с парками и пляжами - местами, где собираются эти дети… если бы они послушали нас, это было бы чудом...»

«Если вы хотите узнать о детях, начните с американской семьи — нуклеарной семьи: мама, папа и дети. Джубран [Джубран Халиль Джубран, 1883-1931, ливанский и американский философ, художник, поэт и писатель] *сказал: «Ваши дети — это не ваши дети», но в Америке дети принадлежат маме, папе и обществу. А те учат: «Потребляй — повинуйся». Они говорят своим детям: «Возьмите эту мертвую длань мертвых законов и бесплодных ценностей и вдохните немного жизни в них».*

«Отец становится фигурой наказания и авторитета, и его деспотическая рука распространяется на все институты общества. Он первый говорит своему сыну, что с ним что-то не так».

«В школе мальчик впервые сталкивается с авторитарным режимом. Чему его учат в эти двенадцать тоскливых школьных лет?»

«Потребляй-подчиняйся», забудь об эстетике, самовыражении, творчестве и человечности. Искусство находится в музеях, а не в руках человека. Тело и чувства – это зло. А учителя — всего лишь няньки, которые присматривают за детьми, пока мама с папой ходят на работу, поглощая и повинуясь».

«Каждый год миллионы детей выбрасываются из наших общественных школ, не освоив ни одного навыка, и даже если они у них есть, они не смогут получить работу, потому что у нас просто нет для них работы».

«Между тем, поскольку школы учат слепому подчинению авторитетам, ребенок дома также сталкивается с принудительным гетеросексуальным обучением. На самом деле это форма изнасилования. Либо вы становитесь гетеросексуалом, либо ваша жизнь превращается в катастрофу. Банды на улицах, избивая геев, считают, что у них есть санкция общества, и трагедия в том, что так оно и есть».

«Урок четко преподан: мальчики, докажите свою мужественность. Девочки, будьте женственными, как мама. Все признаки отклонения от шаблона должны быть уничтожены».

«Церкви не лучше государства... на самом деле они лишь его продолжение. Они учат власти, мести и слепому послушанию. «Бог тебя накажет», — говорят мальчику. «Что-то не так со мной», — думает он про себя, задолго до того, как у него появляются средства что-либо сделать, что можно было бы назвать грехом, разве что в самом злобном воображении».

«Поэтому к «покайтесь» добавляется «потреблять-повиноваться». Это эрозия духа».

«И когда наши политики затевают войну, они приказывают мальчику участвовать в ней и говорят ему, что Бог на нашей стороне».

«Церкви предлагают то, что они называют Святым Браком, но, если вы судите об отношениях на основе нежности и взаимного уважения, миллионы мам и пап живут в прелюбодеянии, и мальчик это видит».

«Для чиканос, пуэрториканцев и черных всё еще хуже, потому что они также изучают ту смертоносную вещь, называемою «мачизмом», которая просто еще больше их отчуждает. Бедные сбегают гораздо раньше, чем богатые».

«Почему семьи не пытаются развивать атмосферу творчества и любви? Почему они не требуют, чтобы школы поощряли гордость и самовыражение или закрылись, чтобы миллиарды могли быть потрачены на человеческие институты? Почему они не требуют, чтобы школы поощряли гордость и самовыражение?! Почему не требуют, чтобы церкви прекратили проповедовать послушание и вину? Почему не перестают превращать наших детей в движимое имущество?»

«Кто бы не сбежал из среды, столь чуждой человеческому духу? Поэтому они сбегают сотнями тысяч, но многие из них вскоре сталкиваются с полицией государства».

«За нарушение комендантского часа, за побег или за что-то еще мальчик попадет в суд по делам несовершеннолетних, где все устроено так, чтобы быть враждебным даже к самому факту существования мальчика. Даже разговор с так называемым психологом ничего не будет значить, когда он мерзнет в хлопчатобумажной рубашке».

«Если мальчик гей, социальные работники советуют ему покаяться, но гораздо более изощренно. «Ты не грешен, — уверяют они его. — Мы вышли за рамки всего этого. Ты просто болен».

«Есть ли существенная разница между психиатрической индустрией и старыми репрессивными церквями? Нет... но она более смертоносна, чем церкви, потому что на ее стороне наука».

«Таким образом, мальчики оказываются под эксплуатацией с обеих сторон. Мальчик эксплуатирует геев, а геи в ответ эксплуатируют его. Обе стороны являются потребителями, только на этот раз на продажу выставлено тело. Пожилой человек получает тело в обмен на сохранение в нём жизни. Если мальчик достаточно сообразителен, чтобы понимать, что происходит с ним на тупиковых улицах хастлерства и наркотиков, к каким институтов общества он может обратиться?»

«Если он встретит одного из тех религиозных фанатиков, которые до сих пор работают на улицах, они отведут его в какой-нибудь «храм», чтобы «спасти его душу», когда ему нужна работа, которой ни у кого нет».

«Истинно созидательное общество нашло бы миллионы рабочих мест, освоив нашу разоренную землю. Восстановите пустыни и горы, поставьте скамейки в парках, где утомленная душа может немного посидеть и отдохнуть».

«Но вы хотите знать, что делать с проблемой уличных мальчиков», — говорит Кайт. *«Ну, первое, что нужно — сделать из полиции социальных работников. Почему полицейский, встретив на улице бездомного мальчика, не может подойти к нему и сказать: "Я не собираюсь арестовывать тебя за нарушение комендантского часа. Я отвезу тебя в такой-то общественный центр, и опрыскаю от вшей, а затем тебе помогут найти работу. Если ты не готов для работы, я позабочусь о том, чтобы тебя записали в школу, где ты получишь эту подготовку"».*

«Что нам также нужно в наших городах, так это районные суды, где родители, настоящие священники и настоящие социальные работники, а также другие люди, которые действительно беспокоятся о мальчике, скажут ему: «На чем мы можем основываться? Что тебе нравится в себе? Чем мы можем помочь?»

«Здесь, в нашем центре, мы положили начало. Но люди у власти не спрашивают нас, что нам нужно. Мы должны идти к ним со шляпой в руке и просить каждую копейку, пока они унижают нас».

Кайт обрушивается на американские образцы для подражания и говорит: *«Все это усложняется культом молодости, который рекламная индустрия довела до крайностей. Всем в рекламе от восемнадцати до двадцати лет, все с двадцати четырёхдюймовой талией и в джинсах Levis. Все товары – от машин до одежды – это обещания молодости».*

«Мальчику, который растет в Огайо или Иллинойсе, говорят: «Иди на Запад, молодой человек». Победить могут только молодые. Не бери с собой женщин и мужчин. Не позволяй опытным что-либо сказать».

"Поэтому пожилые мужчины на улице считают, что прежде всего им нужно вернуть свою молодость. Как они её могут вернуть? Они покупают ее. Они покупают мальчиков, и мальчики дают им молодость. Это не любящие отношения между учителем и учеником, известные нам как греческая любовь».

«Эй, папаша, — говорит мальчик, — хочешь пососать мой член?» Да и сам папаша отвергает то, чему он может научить мальчика, потому что отвергает собственный опыт и годы».

«Так чего ждет мальчик, когда слоняется по улице?»

«Кто-нибудь купит мне красивую одежду», — думает он. «Кто-то посадит меня в машину и отвезет в роскошную квартиру на Голливудских холмах». Это те ценности, которым его научили».

«Мое сердце сочувствует семьям этих детей, — говорит Кайт. *«Они не могут смириться с тем, что их сын может быть геем, потому что общество учит нас, что нет ничего хуже этого».*

Он продолжает: *«Ныне может случиться так, что даже если у нас будут приёмные центры, где мы могли бы реабилитировать мальчика, он скажет нам: «Иди к черту, чувак. Мне нравится торговать своей задницей».*

«Когда это произойдет — а это произойдет, если мы не найдем социальных работников, говорящих на их языке, — тогда давайте сядем вместе с мальчиком и полицией. Давайте сядем и скажем им обоим: «Мы не можем найти способ, чтобы сделать это менее жестоким? Обязательно ли нам терпеть побои, толчки и железные прутья?»

В Нью-Йорке Брюс Воеллер, исполнительный директор Национальной рабочей группы по геям, делает несколько иные заявления:

«Виновны как американское общество в целом, так и многие (не все) мужчины, играющие роль в различных аспектах детской проституции. Однако слишком часто мужчина, которому нравятся мальчики, несет на себе всю тяжесть яростных обвинений... становится козлом отпущения за недостатки нашей культуры, связанные с чувством вины».

«В Национальной целевой группе по геям, как и во многих из 1100 местных гей-организаций страны, мы ежедневно видим юных жертв гомофобии нашего государства: в день окончания средней школы одному юному шестнадцатилетнему гею из маленького городка в Пенсильвании вручили билет в один конец до Нью-Йорка и посадили в автобус, его отец, баптистский священник, совершив фамильярный христианский поступок, велел мальчику никогда больше не показываться дома, и даже не писать. Три недели спустя он ввалился в наш офис, больной, голодный и измученный. Он несколько ночей спал в Центральном парке, а затем был обнаружен группой мужчин, которые кормили его и занимались с ним сексом, пока он больше не смог этого выносить. Кто-то из гей-бара послал его к нам. Мы нашли ему работу и жилье, пока он не накопит достаточно, чтобы снять себе квартиру. Теперь с ним всё в порядке».

«Другой молодой человек пришел к нам лишь много лет спустя, но у него было похожее начало. В пятнадцать лет он был жестоко избит отцом, когда его мать перехватила любовное письмо от другого пятнадцатилетнего мальчика. Отец выгнал его из дома и велел никогда больше не возвращаться. Он скитался из своего городка на Лонг-Айленде на Таймс-сквер, три года продавал свою задницу, чтобы найти немного человеческого тепла и

заработать себе на выживание. Один из его клиентов обнаружил замечательный музыкальный талант паренька и взял его к себе. Он помог ему подать заявление в Джульярдскую школу и окончить её. Теперь этот парень — успешный флейтист, играющий в одном из главных симфонических оркестров страны, проводящий свободное время, помогая беспризорникам-геям».

«Да, некоторые из мужчин, которые снимают мальчиков, являются эксплуататорами и порочными. Но как насчет родителей, которые избивают своих детей и выбрасывают их на улицу... родителей, которые больше боятся шепота своих соседей, чем любви к собственным детям? А как насчет раввинов и священников, проповедующих ненависть и яд по отношению к юным геям? А как насчет приемных семей и учреждений для несовершеннолетних, где юные геи подвергаются изнасилованиям и жестокому обращению со стороны сверстников-натуралов, а часто и надзирателей этих учреждений... где изнасилованного или избитого ребенка-гея затем называют "проблемным ребенком", в то время как нападавшие на него считаются "нормальными". Честно говоря, я думаю, что пожилой мужчина, который берет ребенка к себе, даже в сексуальных целях, является лучшей альтернативой (прискорбно неполноценной) для большинства детей, чем те ужасы, от которых они бегут: те американские приюты и исправительные учреждения для несовершеннолетних, где с ними так жестоко обращаются».

«Но есть третья альтернатива, которая является реальным решением, когда общественную истерию можно блокировать или избежать: приемные родители-геи для гомосексуальной молодежи. В Нью-Йорке мы первыми подавили официальное сопротивление размещению подростков-геев у приемных родителей-геев. Тот факт, что агентства по устройству считали молодых геев «проблемными детьми» предоставил нам прекрасную возможность убедить агентства решить их «проблему». Около тридцати гомосексуальных подростков были размещены у гомосексуальных приёмных родителей. Подобные проекты уже начаты в Вашингтоне, округ Колумбия, в Миннеаполисе, а также в штатах Вашингтон и Калифорния. Все они были очень успешными, по всеобщему согласию».

«Как открытый гей-отец, воспитавший троих детей-гетеросексуалов (двух мальчиков и девочку), я сам знаю, какой замечательный опыт быть родителем. В нашем (или в любом другом обществе) с таким количеством осиротевших и отчужденных детей непростительно лишать взрослых или детей возможностей участвовать в одном из величайших человеческих переживаний... делиться любовью и обучать друг друга отношениям взрослый-ребенок».

«Относительно того, что писал президент Американской психиатрической ассоциации доктор Джон Шпигель об учителях-геях, я понимаю, что многие непрофессионалы обеспокоены наймом гомосексуалистов в качестве учителей. Эти опасения являются результатом недопонимания, а не научных знаний. Некоторые, например, опасаются, что учителя-гомосексуалисты могут повлиять на сексуальную ориентацию их учеников. Нет никаких доказательств в поддержку этого тезиса, равно как и оснований полагать, что

соблазнение ученика учителем-гомосексуалистом более вероятно, чем гетеросексуальное соблазнение».

«То же самое относится и к приёмным родителям-геям».

Для полиции проституция - это проблема правоприменения или, скорее, неспособности должным образом обеспечить правоприменение. Мальчишеская проституция существует в каждом крупном городе. Проститутки — это уличные хастлеры, которые обретаются в определенных районах города, готовые, желающие и способные сделать все, что нужно, за определенную плату.

Обычно это мальчики от позднего подросткового и до двадцатилетнего возраста, ведущие постоянную борьбу с полицейским отрядом нравов. Их поле деятельности и их методы аналогичны деятельности и методам их коллег женского пола. Полицейские операции против них аналогичны тем, что проводится против женщин-проституток. Офицеры в штатском выходят на улицы, играя роль потенциальных клиентов; делают предложение, оно принимается, а затем следует арест. Но на этом сходство заканчивается.

Сержант Департамента полиции Нью-Йорка Уильям Маккарти и капитан Лоуренс Хепберн объясняют это так: *«Мы можем патрулировать район, где, как известно, тусуются эти дети. Затем мы можем наблюдать то, что как мы знаем, является очевидным съёмом. Но с этого момента наши руки связаны».*

«Предположим, например, что мы решили следовать за взрослым и ребенком до метро и, наконец, до квартиры взрослого... У нас нет законных оснований останавливать их и задавать вопросы. Даже если мы это сделаем, в надежде спугнуть их обоих, у нас нет на это законного права. Когда они приходят в квартиру и заходят туда вместе, у нас возникает та же проблема. Если мы хотим вломиться, полагая, что застанем их за половым актом, нам сначала нужно получить ордер. К тому времени, как мы это сделаем, действие — если оно было — уже завершено».

Маккарти добавил: *«Раньше мы ждали снаружи, пока ребенок не выйдет из квартиры один, затем мы останавливали его и расспрашивали. Раньше я надеялся, что мы сможем убедить ребенка назначить свидание со взрослым в другое время, чтобы мы были готовы произвести арест, но дети не хотят сотрудничать. Они отказываются выдавать парня либо потому, что он им нравится - нравится то, что они занимаются, либо потому, что они не хотят убивать курицу, несущую золотые яйца».*

Капитан Хепберн согласился и добавил еще один элемент.

«Странная ситуация в том, - сказал он, - *как эти дети защищают взрослых. Что делает ее вдвойне странной, так это то, что взрослые с готовностью сдают друг друга...*

Всякий раз, когда мы производим арест, мы оказываемся перед негодующим взрослым; настолько негодующим, что нам сообщаются имена других взрослых, занимающихся тем же самым, без особых подсказок с нашей стороны».

Сержант Лос-Анджелеса Дон Смит рассказал аналогичную историю: *«Если мы произведем арест, а мальчик и взрослый только что встретились в первый раз, всё относительно легко. Но если взрослый был с мальчиком ранее пару раз и был добр к мальчику, мальчик замолкает, защищая его»*. Он привёл пример:

«Если взрослый берет мальчика в Диснейленд, или в кино, или чинит его велосипед, или что-то еще, что показывает, что он интересуется мальчиком так же, как и его телом, у нас тогда серьезные проблемы, потому что в большинстве случаев этот мальчик — единственный свидетель, который у нас есть».

Во время убийств в Хьюстоне полицейский департамент Лос-Анджелеса, как и многие другие, начал проверять свои задние дворы, дабы узнать, не происходит ли какой-либо подобной деятельности. Полиция Лос-Анджелеса обнаружила её, и тут же последовал шквал арестов. В то время в полиции Лос-Анджелеса имелось двадцать восемь детективов, которым было поручено расследование детской проституции. По мере появления различных версий их расследования охватили почти все штаты страны, а также Канаду и Мексику.

Заместитель окружного прокурора Джеймс Гродин рассказал, что в то время он предложил тогдашнему окружному прокурору Джозефу Бушу два варианта. Во-первых, оставить двадцать восемь детективов на постоянной основе и создать новый отдел, который бы занимался исключительно делами «цыплят». И быть готовыми обращаться в суд с делами, рассчитывая на проигрыш большинства из них. Вторая альтернатива заключалась в прекращении постоянного расследования и рассмотрении дел в индивидуальном порядке, как это делалось ранее. Важно отметить, что из дел, находившихся в то время в суде, ни одно из них не попало в поле зрения полиции из-за жалоб родителей. Гродин вспомнил, что во время одного из таких дел мальчик постоянно показывал знаки «большой палец вверх» своему взрослому другу в зале суда.

Эта «защита» взрослого со стороны мальчика подтверждает предположение, что многие мальчики вовлекаются в акты проституции не столько из-за денег, сколько из-за того, что они интерпретируют связь как привязанность со стороны взрослого. Тот факт, что они готовы вступить в сексуальную связь со взрослым мужчиной — любым взрослым мужчиной — чтобы получить такую привязанность, указывает на определенная степень отчаяния, нужды. Но один «цыплячий ястреб» из Тусона, штат Аризона, утверждает, что мальчики очень избирательны в выборе партнера для постоянных отношений. Он утверждает:
«Некоторые из местных «цыплячьих ястребов» определенно привлекают «цыплят» больше, чем другие... Тем, кто физически непривлекателен или стар, трудно найти мальчиков, даже если у них много денег. Ведь есть другие взрослые, склонны к атлетизму, водящие быстрые спортивные машины, охотящиеся, или посещающие игры с мячом – делающие то, что нравится детям, – и у них нет никаких проблем, и я знаю детей,

которые буквально борются друг с другом, чтобы попасть в знакомые определённых взрослых».

Эту привлекательность подытожил четырнадцатилетний беглец из дома с Лонг-Айленда в интервью журналу «Ньюсуик». Фрэнки рассказал репортеру, что попал на Таймс-сквер в Нью-Йорке и «прежде, чем я понял, что происходит», провернул свой первый гомосексуальный трюк. Мужчина отвел его к себе домой, в пентхаус на Ист-Сайде, с добротной кожаной мебелью, ворсистыми коврами и стаей других «цыплят». Фрэнки переехал туда насовсем. *«Мне действительно не хотелось обитать на улице*, — объяснил он. *«В пентхаусе так хорошо, и всегда есть с кем поговорить, со взрослыми, и с ребятами».*

Как мы видели, мнения психиатров по этому вопросу различаются в зависимости от школы психиатрии или индивидуального мнения психиатра, но терапевты, имеющие опыт работы с детьми и взрослыми, похоже, согласны с тем, что подобные гомосексуальные контакты редко имеют долгосрочные последствия для ребенка. Доктор Мартин Хоффман, штатный психиатр Центра особых проблем Сан-Франциско, рассказал в интервью газете, что идея детской сексуальной травмы, вызывающей развитие гомосексуальных наклонностей, является мифом. В качестве примера он привел жизнь в школе-интернате, ученики которой, несмотря на значительную гомосексуальную активность, в большинстве, в конце концов, женятся и заводят семьи.

Когда его спросили об инциденте в Санта-Кларе, штат Калифорния, где множество мальчиков-подростков участвовало в фотосессиях и сексуальных сеансах с группой взрослых, Хоффман сообщил, что не был удивлен; некоторые отцы настолько озабочены своей работой и просмотром телевизора, что не уделяют детям должного внимания.

Хоффман сказал писателю Джорджу Менденхоллу, что взрослый, который любит «играть с детьми» в сексуальном плане, потенциально может столкнуться с юридическими проблемами, и решение состоит в том, чтобы эти взрослые искали терапию, при которой они могли бы реалистично увидеть свои проблемы. Менденхолл цитирует Рона Ли, гей-активиста и социального работника-психиатра, заявившего, что взрослые, стремящиеся к сексуальной активности с детьми, неспособны иметь дело со взрослыми в сексуально-социальных ситуациях. Ли говорит, что подобные взрослые испытывают трудности в принятии своей гомосексуальности, поэтому они, кажется, лучше относятся к гетеросексуальным детям на стадии исследования. *«Необходимо, чтобы эти люди реалистично оценивали то, что требуется в нашей культуре».*

Хотя эти наблюдения вполне могут быть правильными и действительно подтверждаются образом жизни уличных мальчиков, они мало утешают родителей, внезапно столкнувшихся с тем вопиющим фактом, что их сын был вовлечен в половую связь со взрослым мужчиной. В большинстве случаев реакция родителей заключается в немедленном акте насилия по отношению к мальчику. Из-за неадекватного полового воспитания, распространения мифов и общего отвращения к гомосексуалистам, средний родитель реагирует слишком остро. Только

очень необычный родитель способен, столкнувшись с подобной проблемой, принять позицию «давай сядем и обсудим это». Вместо того, чтобы искать профессиональную помощь и совет, средний родитель ищет полицию и жаждет наказания. Эпизод телесериала «Доктор Маркус Уэлби» продемонстрировал подобный подход в 1975 году. Ученик средней школы был изнасилован своим учителем естествознания. Учитель, чтобы защитить себя, предупредил мальчика, что, если тот будет достаточно глуп и пожалуется, все его приятели сочтут мальчика геем. Затем основное внимание серии было уделено опасениям родителей и Уэлби по поводу того, потеряет ли мальчик свою «мужественность», хотя на самом деле единственное, что удалось доказать этому сериалу, - это то, что автор сценария сошел с ума.

Беспокойство родителей по поводу сексуальных посягательств на их детей, как мужского, так и женского пола, конечно, понятно. Существует достаточно свидетельств жертв изнасилований, демонстрирующих, что самой мучительной частью переживаний является не само сексуальное нападение (каким бы мучительным оно ни было), а последующие судебные ужасы. Разоблачение, допрос в полиции, появление в суде и личные нападки со стороны адвокатов защиты часто оставляют у жертвы душевные шрамы, на заживление которых уходят годы, если те вообще заживают.

Одним из решений этой проблемы могло бы стать создание кризисных групп, действующих на базе уже предложенных районных судов.

По сути, эти команды будут функционировать почти так же, как горячие линии по предотвращению самоубийств или линии «помощи», уже созданные во многих городах. Кризисные команды должны состоять из социального работника, полицейского и, возможно, священника. То, чем они являются, не так важно, как то, что они будут делать. Семья столкнулась с сексуальным кризисом; изнасилование, растление или что-то еще (включая семейные проблемы из-за сексуальных проблем), что может потребовать от команды мгновенного личного совета и участия. Функция команды будет заключаться в том, чтобы поговорить с семьей, как с целым коллективом, так и/или индивидуально. Сотрудник полиции будет иметь право привести в действие механизм ареста насильника или растлителя, если на него будет указано.

В некоторых случаях возможно, что проблема может решиться путем очной ставки с правонарушителем и направления его на программу лечения. Нет никаких указаний на то, что сексуальных преступников когда-либо успешно лечили и вылечивали длительным тюремным заключением. В большинстве случаев, доходящих до суда, базовая защита неизменно снова выпускает преступника на улицу без какой-либо надежды на излечение. Он довольно часто повторяет свое преступление. Если человек, столкнувшийся с кризисной командой, оказывается перед выбором судебного разбирательства или лечения, он, несомненно, выберет последнее.

Лечение на этом этапе, а не лечение, назначенное после судебного заседания, имеет гораздо больше шансов на успех.

У суда Сан-Диего возникли проблемы с выбором «кастрация или тюрьма», предлагаемым растлителям малолетних. В октябре 1975 года судья Верховного суда Дуглас Р. Вудворт гневно осудил представителей местных медиков за то, что двум растлителям малолетних придется провести остаток своей жизни в тюрьме. Они не смогли найти врача, который оказал бы им «гуманную услугу» по их кастрации. Вудворт, сообщив, что у него не было выбора, приговорил сорокапятилетних мужчин к бессрочным тюремным срокам. Во время вынесения приговора одному из мужчин Вудворт сказал:

«Целая отрасль медицины не желает оказывать гуманитарную помощь этому человеку, которому грозит перспектива быть запертым в клетке до конца его жизни».

И мужчины, и их адвокаты потратили месяцы, пытаясь найти хирурга для проведения операции. Большинство врачей отказались, сославшись на возможность судебных исков о злоупотреблении служебным положением и опасаясь, что суд решит: мужчины, которым грозит провести остаток жизни в тюрьме, не могли по-настоящему добровольно согласиться на подобную операцию. Вудворта это не впечатлило.

«Я сочувствую врачам, — сказал он, — *но также и тем людям, что ищут помощи».*

ГЛАВА 18. ГОМОСЕКСУАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

«Все люди бисексуальны».

В задачи этой книги не входил тщательный анализ феномена гомосексуализма (если акт, практикуемый с незапамятных времен, все еще может быть назван феноменом). Несмотря на сотни книг, написанных на данную тему, и тысячи проведенных исследований, причины и следствия гомосексуализма до сих пор неясны и спорны, причем мнения варьируются от тех, кто утверждает, что причиной является несбалансированное количество хромосом, до тех, кто считает гомосексуальность повторением древнего религиозного обряда. Для тех, кто хочет потратить время и приложить усилия для проведения углубленного изучения, существует около двух с половиной тонн современной литературы, посвященной гомосексуализму, от отчета Кинси до книги доктора Дэвида Р. Рубена «Все, что вы всегда хотели. знать о сексе... но боялись спросить» - обе были и остаются оспариваемыми и осуждаемыми противоположными школами мысли. Большинство книг, посвященных гомосексуализму, написаны профессионалами для использования другими профессионалами, и читать их очень тяжело. Несмотря на то, что некоторые из лучших умов страны обратились к этой проблеме, до сих пор нет четкого ответа на то, что вызывает гомосексуальность. В 1969 году Национальный институт психического здоровья [NIMH] назначил Целевую группу по гомосексуализму, состоящую из пятнадцати выдающихся ученых в области поведения, медицины, социальных наук и права, каждый из которых обладал обширным опытом исследований в области сексуальности и

сексуальных отклонений. Их мандат заключался в том, чтобы тщательно проанализировать текущее состояние знаний о гомосексуализме и дать рекомендации для дальнейшего изучения Институтом. Целевая группа была назначена доктором Стэнли Ф. Йоллесом, директором NIMH, и возглавлялась доктором Эвелин Хукер, психологом-исследователем из Калифорнийского университета Лос-Анджелеса. Когда исследование было завершено, Целевая группа рекомендовала отменить все уголовные законы, касающиеся гомосексуальных актов, сохранив при этом правовые санкции за сексуальное поведение, нарушающее общественную порядочность или связанное с совращением несовершеннолетних. Она также рекомендовала устранить дискриминацию гомосексуалистов при приеме на работу. Члены Целевой группы единодушно согласились с тем, что должен быть создан Центр изучения сексуального поведения - для дальнейшего изучения областей исследования, подготовки кадров, образования, профилактики и лечения.

Но что касается вопросов социальной политики в отношении сексуального поведения, трое членов Целевой группы опубликовали отчеты меньшинства, заявив об отсутствии надежной информации.

Доктор Генри В. Рикен, президент Исследовательского совета по социальным наукам, заявил: *«Как в письменных документах, так и в устных обсуждениях Целевой группы делается непреодолимый акцент на нашем невежестве в отношении феномена гомосексуализма и неоднократное упоминание о скудности и недостаточности имеющихся данных.*

Снова и снова авторы статей вынуждены строить предположения и догадки, оценивать или, в лучшем случае, полагаться на данные заведомо необъективных выборок, взятых из неопределенной популяции.

Нет даже четко согласованного определения того, что такое гомосексуалист, что такое гомосексуальный акт или что такое гомосексуальность, если не считать довольно мягкого утверждения, что это девиантное поведение...

Собственные рекомендации Целевой группы по расширению исследований сами по себе подчеркивают и подтверждают степень нашего невежества...

Словно было заявлено: «Вот явление, о котором мы почти ничего не знаем и по поводу которого существует большое беспокойство; поэтому давайте предложим серьезный пересмотр государственной политики для борьбы с этим явлением». Я не могу отделаться от мысли, что это совершенно неразумный вывод из моря невежества и дезинформации, в которой мы находимся».

Доктор Клелланд С. Форд, профессор антропологии Йельского университета, добавил в сообщении для NIMH:

«Хотя в сущности я согласен с комментариями доктора Рикена, я бы изложил свою точку зрения несколько иначе. Я, как и он, чувствую, что у нас нет хорошей научной информации о гомосексуализме, но, что более важно, мы недостаточно знаем о гомосексуализме в контексте нашей социальной жизни и культуры, а также о функциях контроля,

традиционно осуществляемого над гомосексуальным поведением, чтобы судить о них в настоящем...».

Доктор Энтони Ф. К. Уоллес, профессор антропологии Пенсильванского университета, написал в NIMH:

«У меня нет проблем с одобрением двух политических рекомендаций самих по себе (то есть, гомосексуальный акт сам по себе не должен рассматриваться ни как преступление, ни как причина для отказа в приеме на работу). Но я делаю это на основе личных моральных убеждений, а не в результате рассмотрения крайне, даже прискорбно неадекватных доказательств.

Таким образом, я, по сути, возражаю против того, чтобы во имя науки придавать авторитет изложению политических рекомендаций, которые, на мой взгляд, вытекают не из научных исследований, а из смеси здравого смысла и «либеральных» социальных ценностей.

Этот вопрос кажется мне важным, потому что законодательные, судебные и административные органы все чаще обращаются к свидетельствам психологии, социологии и т.д., чтобы придать авторитет «науки» выражениям социальной значимости. Эта процедура в долгосрочной перспективе разрушает доверие к самой науке, потому что требует от ученого утверждения, что его выводы гораздо более убедительны, чем они есть на самом деле. Моя претензия к отчету Целевой группы заключается в том, что он подразумевает: научные исследования каким-то образом подкрепляют политическое заявление, тогда как на самом деле все, что действительно поддерживает его, — это моральное убеждение.

Необходимость осторожности, предложенная тремя отчетами меньшинства, уже давно является отличительной чертой исследовательских групп. Если вы трезво заявляете, что у вас нет ответа, это позволяет вам не найти его, а предупреждение не двигаться слишком быстро избавляет от необходимости начинать. Отчет Хукера, как его назвали, стал важным документом и сыграл важную роль в решении Американской психиатрической ассоциации постановить в 1974 году, что гомосексуальность больше не должна считаться болезнью, а должна быть классифицирована как «Нарушение сексуальной ориентации».

Уорделл Помрой в своей книге «Доктор Кинси и Институт секссуальных исследований» указывает, что Кинси не страдал от подобной путаницы в отношении гомосексуализма. Помрой говорит:
«У Кинси было несколько конкретных советов, которые он мог дать гомосексуалистам, писавшим ему, и это противоречило как принятой психологической теории, так и психоаналитической и психиатрической практике. Но, как он [Кинси] любил указывать, ни в одном опубликованном исследовании не было и четверти такого количества материала по данному вопросу, как у него. К концу 1940 года он записал более 450 гомосексуальных историй, и этого было достаточно, чтобы убедить его в том, что психологи усугубляют положение, начиная с предположения, что гомосексуальность — это наследственная аномалия, которую нельзя вылечить просто потому, что она врожденная. Кинси был убежден, что нет абсолютно никаких доказательств наследования этого. Он считал, что физической основой как гомосексуального, так и гетеросексуального поведения является

реакция на прикосновение. Независимо от того, был ли у человека приятный первый опыт любого рода, он с нетерпением ждет повторения этого опыта, часто с таким ожиданием, что может возбуждаться при виде другого человека, с которым он мог бы вступить в контакт. С другой стороны, неудовлетворительный опыт порождает предубеждение против повторения. Таким образом, построение гетеросексуального или гомосексуального паттерна частично зависит от удовлетворительного или неудовлетворительного характера первого опыта».

Кинси также заметил, что существуют и социальные факторы, которые вынуждают человека вести себя полностью гетеросексуально или гомосексуально. Большинство социальных сил поощряют первых, но общественный остракизм гомосексуалистов вынуждает их находиться в исключительной компании других гомосексуалистов и вести исключительно гомосексуальный образ жизни. Кинси был убежден, что без такого социального давления многие люди будут вести как гетеросексуальную, так и гомосексуальную деятельность одновременно.

Термином для обозначения этой случайной двойственности, конечно же, является бисексуальность, состояние, которое становится все более и более приемлемым для общества. Гор Видал, выдающийся писатель, который внимательно изучил гомосексуальный мир в «Городе и Столпе», прямо заявляет: «Все люди бисексуальны» и добавляет, что обусловленность, возможности и привычки, в конечном счете, объясняют сексуальные предпочтения. Видал говорит: «*...о гомосексуалистах так же трудно делать обобщения, как и о гетеросексуалах. Они варьируются от трансвестита, которым считает себя Бетт Дэвис, до совершенно обычного гражданина, который относится к мальчикам с той же незамысловатой похотью, с какой его собрат относится к девочкам».*

Совсем недавно Видал напал на тех, кто «*не может принять следующий простой факт* (определенно, мой собственный): *можно иметь зрелые сексуальные отношения с женщиной в понедельник, зрелые сексуальные отношения с мужчиной во вторник, а может быть, и в среду иметь и то, и другое вместе (правда, надо быть в хорошее состояние для подобного)».* Видал сделал это заявление в *New York Review of Books*, в июне 1970 года, рецензируя книгу доктора Рубена.

Подавляющее большинство мальчиков, описанных в этой книге, технически действительно бисексуальны: способны совершить половой акт как с мужчиной, так и с женщиной. Большинство из них в конечном итоге женятся и создают семьи. Есть признаки того, что те, кто в конце концов решил принять гомосексуальный образ жизни, сделали бы это, даже если бы они не занимались проституцией.

Некоторые психиатры придерживаются мнения, что все мужчины-проститутки гомосексуальны, предполагая, что если мальчик способен возбудиться от гомосексуального акта, достичь эрекции и оргазма, то он по определению является гомосексуалистом. Это убеждение указывает на единомыслие, существующее среди каждой отдельной группы профессионалов, пытающихся справиться с этой проблемой. Средний мальчишка-хастлер не

считает себя ни бисексуалом, ни гомосексуалистом. Он постоянно настаивает на том, что он «натурал»; он совершает гомосексуальные действия только из-за денег, а в действительности предпочитает девушек. И в самом деле, в некоторых обществах (например, в Италии) для молодого человека в городе принято начинать свой вечер с продажи себя другому мужчине, тем самым собирая необходимые наличные деньги, чтобы позже оплатить услуги проститутки. Оперативные различия между мужчиной-проституткой и женщиной-проституткой наиболее четко определены Полом Х. Гебхардом в статье в *Encyclopaedia Britannica 3*:

«В женской проституции проститутка редко или почти никогда не достигает оргазма, а клиент почти всегда достигает этого; в мужской проституции проститутка почти всегда достигает оргазма, а клиент — нет.

Этот парадокс является результатом любопытной мифологии, которую хастлер-мужчина и его клиент чувствуют себя обязанными разыгрывать. Гомосексуальный мужчина в идеале ищет мужчину-гетеросексуала мужественного вида, и проститутка пытается соответствовать этому образу. Следовательно, проститутка почти ничего не может сделать для клиента-гомосексуалиста, чтобы тот не выдал своих собственных гомосексуальных наклонностей и не разрушил иллюзию. Таким образом, проститутка играет по существу пассивную роль и испытывает оргазм (это считается необходимой частью сделки), в то время как клиент обычно должен довольствоваться психологическим возбуждением, самомастурбацией и телесным контактом. Эта договоренность подкрепляется защитным образом мужчины-проститутки как «настоящего» и гетеросексуального мужчины, который терпит гомосексуальную активность исключительно по финансовым причинам. В действительности, конечно, у хастлера присутствует существенная гомосексуальная составляющая, который необходима, иначе он не смог бы достичь эрекции и оргазма; и многие из них имеют преимущественно гомосексуальную ориентацию, хотя и не хотят в этом признаваться. Можно рассматривать это как противоположность женской проституции: женщина возбуждает страсть, которую не испытывает, в то время как мужчина-проститутка скрывает страсть, которую испытывает».

Гебхард добавляет: «*Есть некоторые свидетельства того, что эта любопытная модель притворного безразличия постепенно разрушается и что все больше проституток мужского пола принимают активное участие в сексуальных отношениях, сохраняя при этом мужественный имидж».*

Гомосексуальное сообщество приняло несколько фраз для описания своего образа жизни. К ним относятся «гей-прайд», «гей-осведомленность», «гей-сознание» и «гомосексуальная альтернатива». Первые три не требуют пояснений и, вполне возможно, служат своим интересам. Четвертая, «гомосексуальная альтернатива», предполагает образ жизни, который может быть выбран или отвергнут по желанию. Вопрос о том, следует ли делать выбор, является предметом серьезных споров. Некоторые клиницисты говорят, что предмета спора нет, жребий уже брошен к тому времени, когда человеку исполняется семь лет. Это предположение в настоящее время популярно, но оно основано на предпосылке, что человек должен быть либо гомосексуалом, либо гетеросексуалом. Эта теория игнорирует концепцию бисексуальности или полностью отвергает ее. Однако она просто не согласуется с фактами. Даже если бы существовал выбор образа жизни, гомосексуальная альтернатива - не лучший выбор.

Бесчисленные самообманы, которые имеют место на каждом этапе американской жизни, вполне могут оказаться необходимыми предпосылками для выживания в раздробленном и поляризованном обществе. Но выбрать гомосексуальный образ жизни — значит мгновенно усугубить необходимость самообмана. Гомосексуал ведет двойную жизнь и живет в двух разных мирах, каждый со своим набором стандартов. В своей обычной жизни ему постоянно приходится играть роль — всегда с подспудным страхом разоблачения, внезапной враждебностью со стороны друзей и соседей и даже с потерей работы.

Для мальчика, который постепенно осознает, что его сексуально привлекают другие мальчики, гомосексуальная альтернатива — это тройной ужас. Это не повод для празднования. Он не думает: «Теперь у меня есть возможность выбрать гомосексуальную альтернативу». Он связывает свою сексуальность с такими определениями, как: «пидор», «педик», «фрукт», «извращенец» и т.д. ... всем, что он слышит дома или на улице. И это ошеломляющее осознание для подростка или тинэйджера.

И чаще всего ему не к кому обратиться за советом; некому довериться. Робкий, застенчивый намек школьному приятелю может обернуться катастрофой, и, если он будет правильно интерпретирован - мальчик окажется отвергнутым.

ГЛАВА 19. МАШТАБЫ ПРОБЛЕМЫ

«Большинство бойскаутов неплохо ладят».

Книга такого рода требует сбора огромного количества данных и примеров. Когда все собрано и окончательный комплект прочитан как единое целое, неизбежно, что у читателя создастся общее впечатление, будто большинство мальчишек занимаются проституцией, а по улицам в поисках их бродит огромная армия мужчин постарше.

Нет ничего более далекого от правды. Мальчики в этой книге представляют небольшое меньшинство внутри меньшинства. Нет никаких доказательств, указывающих на рост детской проституции. Растет доступность данных, свидетельствующих о её существовании, и открытое обсуждение этой ранее скрытой деятельности.

Большинство бойскаутов неплохо ладят друг с другом, поглощенные тонкостями игры в бейсбол, а не анальных сношений.

Большинству «Старших Братьев» удается ограничить свою деятельность со своими Младшими лагерями, походами, боулингом и другими полезными занятиями.

Большинство мальчишек, путешествующих автостопом, добираются до места назначения без остановок в чужих квартирах.

И большинство мальчишек растут, даже не подозревая, что кто-то из их сверстников хастлер.

Остается важный вопрос: сколько же на самом деле мальчиков-проституток? По правде говоря, этого не знает никто. Не существует какого-нибудь точного способа узнать и выяснить это. Но в смежных областях имеется достаточно статистических данных, чтобы попытаться сделать разумный вывод. Ежегодно по стране бродит миллион беглецов. Как вы уже прочли, подавляющее большинство юных хастлеров из этой армии. Еще одним показателем является продажи книги «Там, где юные», путеводителя по паркам развлечений, палаткам с гамбургерами, пляжам и углам улиц по всей стране, где, как говорят, можно найти согласных мальчиков. Является книга точной или нет - вопрос академической. Важно то, что было продано 70 000 копий по пять долларов за штуку.

На протяжении всей книги есть ссылки на сотни так называемых «цыплячих» журналов и на несколько сотен фотографий в них. Но не попадайтесь в ловушку, беря эти числа и суммируя их на арифмометре, потому что есть очевидные повторения и утроения. Например, многие из фотографий половых актов мальчиков, найденные во время рейда в Хьюстоне, появились в более чем одном журнале.

Двадцать порнографических фильмов, изъятых в ходе рейда, могут означать, что было изъято десять копий двух разных фильмов. Но при таком огромном рынке литературы о «цыплятах», фильмов о «цыплятах» и фотографий «цыплят» очевидно, что существует большое количество покупателей, заинтересованных в детях.

На ранних этапах работы над этой книгой я связался с полицейскими и лидерами гей-сообщества, назвав цифру в 300 000 мальчиков-проституток. Заместитель окружного прокурора Джеймс Гродин из Лос-Анджелеса сказал: «Из этого офиса вы не получите никаких соображений по этой цифре». Во время телеинтервью я назвал ту же цифру Моррису Кайту, гей-активисту Западного побережья, который сказал: «Их может быть вдвое больше».

Но и Кайт, и Гродин согласились с тем, что было — в лучшем случае — интуитивным предсказанием. На самом деле, единственная абсолютно точная цифра, которую я могу лично гарантировать, — это подсчет людей, сделанный в Нью-Йорке холодным воскресным днем в двух залах игровых автоматов неподалеку от Таймс-сквер. Меня сопровождал проводник,

который знал мальчиков, работающих в этом конкретном районе города, и мы насчитали семьдесят пять мальчиков в возрасте до шестнадцати лет за один час, без повторений. Есть, конечно, мальчики, замешанные в скандалах в Бойсе, штат Айдахо, и Вокеше, штат Висконсин, и в других полицейских рейдах. Это известные цифры. Есть также заявления самих ребят. Каждый мальчик, у которого я брал интервью, знал по крайней мере пять или шесть других, занятые в том же бизнесе, за исключением мальчиков, которые занимаются хастлерством после школы, по выходным или в праздничные дни. Есть также «случайные» хастлеры, мальчики, который занимаются подобным по определенной причине, возможно, чтобы купить подарок на День матери или на день рождения своей девочке, оплатить штраф за парковку или купить новую коробку передач для своей машины. Для активного «цыплячьего ястреба» эти мальчики являются основным материалом не только для секса, но и для рекомендаций другим. Если мужчина ищет четырнадцатилетнего мальчика, лучший способ установить контакт — спросить у шестнадцатилетнего мальчика. Он наверняка знает кого-то помладше— и чаще всего своего брата.

Думаю, ключ к вопросу о том, сколько мальчиков являются активными проститутками, заключается не столько в том, сколько их в настоящее время, а скорее в том, сколько из них становятся потенциально доступными по независящим от них обстоятельствам.

Вы читали, сколько детей находится в заключении в «исправительных» учреждениях и что с ними происходит, пока они там находятся.

Вы читали о семейных условиях, из-за которых миллионы детей бегут из своих родных городов в неизвестном направлении. Вы читали, что происходит, когда эти самые дети попадают в руки закона и в систему ювенальной юстиции для их «защиты из наилучших интересов». Если, прочитав это, вы все еще не вполне убеждены в том, что именно эта культура *sub-rosa* [тайная] существует как самый сокровенный секрет Америки, тогда имеется несколько сотен человек, к которым вы могли бы обратиться напрямую; люди, знающие об этом; люди, работающие с этим ежедневно; люди, которые будут более чем счастливы рассказать вам об этом, потому что самое большое разочарование в их жизни — заставить людей слушать... и действовать.

Вы можете спросить Патрика Кинана, доцента юридического колледжа Университета ДеПола из Чикаго. Он был назначен Департаментом по делам детей и семьи штата Иллинойс (IDCFS) для расследования деятельности частных детских домов в Техасе. Расследование было заказано доктором Джеромом Миллером, который в то время был директором IDCFS — тем самым Джеромом Миллером, который ранее провел масштабную реформу в отношении несовершеннолетних в Массачусетсе.

Около тысячи зависимых и безнадзорных детей (известных как D&N'S) были размещены штатом Иллинойс в приютах штата Техас. Но штат Иллинойс не наблюдал за детьми, пока они находились в исправительных учреждениях штата Техас, и не осуществлял никакого постоянного контроля над заботой за ними. В тех редких случаях, когда официальный представитель штата Иллинойс приезжал в Техас, чтобы осмотреть различные объекты, его

заботливо угощали вином и обедом, и потчевали благоприятными лицемерными докладами операторов этих приютов. Как неизбежное следствие, писались отчеты, в которых говорилось о надлежащем уходе и общем благополучии детей.

Хотя на момент расследования Кинана Иллинойс вложил более 8 миллионов долларов в приюты Техасе, введение к его отчету было озаглавлено «Иллинойская трагедия». В интервью Кинан заявил, что обнаружил: все дети были лишены образования; все пострадали от нарушений их законных прав; а «многие получили необратимые травмы и будут носить шрамы на теле или душе всю жизнь. По крайней мере, трое детей умерли, и многие из них были буквально помещены на хранение».

Кинан добавил, что, хотя несколько расчётливых техасцев получили большую прибыль, в Иллинойсе «плохая административная практика, жестокое ведение учета и чрезмерная бумажная работа» не позволили работникам быть чуткими к потребностям детей и осознавать условия, в которых те существовали.

Бывшие высокопоставленный администраторы подверглись резкой критике за то, что не смогли «проявить вдумчивый подход», побудив частные агентства Иллинойса позаботиться о детях штата. Кинан назвал Иллинойс «безмозглым, бессердечным, бюрократическим монстром» за отправку детей в Техас и использование приютов в Техасе в качестве «складов для человеческого багажа Иллинойса». Сам отчет представляет собой мрачный документ почти на 200 страниц, который приравнивает содержание в приютах Техаса к таковому в лагерях для военнопленных. Джером Миллер обнародовал отчет и приказал вернуть детей в Иллинойс.

Ряд школ Техаса, получая по двадцать пять долларов в день на каждого иллинойского ребенка, остроумно решали проблему переполненности. Когда в приют прибывала новая группа детей, такое же количество детей отправлялось в пустыню в «туристические походы». В трех школах Уимберли, расположенных недалеко от Сан-Антонио, детей отправляли в подобные походы на целых восемнадцать месяцев. Дети не находились ни в одном постоянном строении более двух недель и не посещали государственную школу. В качестве недорогих площадок для хранения использовались леса и поля. Кинан подсчитал, что детям, живущим в палатках и использующим тонкие спальные мешки, требуется всего 25 процентов денег, которые Иллинойс выделял на их содержание. Бывший консультант школ Уимберли заявил, что просил купить лучшее туристическое снаряжение, в том числе спальные мешки, поскольку температура часто опускалась ниже точки замерзания. Цены на оборудование были рассмотрены. Запрос был отклонен.

В отчете Кинана перечислено множество ужасающих эпизодов, в которых профессиональные работники действовали «в наилучших интересах ребенка». Вот лишь примеры: Джозеф Д. Фаррар, директор «Арестия Холл» из Хьюстона и самопровозглашенный, но не имеющий лицензии врач, был обвинен в предполагаемом убийстве семнадцатилетней девочки.

Обвинение утверждает, что она отказалась от медицинской помощи после того, как отравилась.

Брат Ролофф, оператор «Бразер Ролофф Эвангеликал Энтерпрайзес», управлялся с длинными волосами воспитанников, выдирая их с корнем.

Сотрудник Центра наставничества и достижений Восточного Техаса описал побои, при которых использовался четырехфутовая ветвь белого ясеня. Она был толщиной в полдюйма и три дюйма в обхвате. В этом заведении с внушительным названием канализационная система дублировала коридоры, затопляя их водой и отходами; крыша протекала настолько сильно, что ночью, когда шёл дождь, мальчикам приходится передвигать кровати, чтобы избежать ливня. Дети были описаны одетыми в лохмотья.

В другой школе ребенок, подвергнутый форме наказания, называемой «государственным заключением», привязывался к сотруднику пятифутовой веревкой, ему разрешалось ходить только в пижаме, и ему приходилось ходить повсюду за сотрудником, и делать все, что делал тот. Школьные чиновники утверждали, что наказание было психологически полезным, поскольку веревка «символизировала пуповину».

В другом месте Техаса мальчиков, пытавшихся сбежать, поставили перед группой других заключенных, и каждому сделали по две инъекции: одну алкогольную, одну торазиновую [аналогичен аминазину, применяемому в качестве успокаивающего в психбольницах]. Причиной укола с алкоголем: «чтобы было больнее». Кинан говорит: «Ошеломляющее повествование могло занять целые тома».

Принимая во внимание 8 миллионов долларов, выложенных налогоплательщиками Иллинойса, Кинан говорит: *«Самую большую цену и самые трагические потери несут дети, отправленные в Техас. Каждый, кто испытывал физический дискомфорт или жестокое обращение под видом "получения лечения", получил травмы, которые трудно оценить и от которых, вероятно, нет средства правовой защиты»*. Он добавил: *«Нормальные дети, на которых практиковалось «лечение», понесли неисчислимые потери; есть случаи, когда дети получали ненужные или экспериментальные препараты... Совокупные человеческие издержки ошеломляют»*.

В заключении своего отчета Кинан заявляет: *«В начале расследования все надеялись и предпочитали верить, что техасский грабеж был всего лишь… преступным сговором нескольких злодеев, дающих и получающих взятки между штатами. Это было бы намного проще и бесконечно легче исправить. Увы, худшие опасения оправдались.*

Все в ответе. Но никто не несет и не будет нести ответственности. Никто этого не хочет. Это просто произошло. Но если увечье детского духа действительно является самым смертным из грехов, давайте признаемся и извлечем уроки из техасской ошибки...»

Можно спросить Кена Вудена о культуре *sub-rosa*. Сейчас Вуден занимается организацией ухода за детьми в Нью-Джерси и Луизиане.

При поддержке грантов фонда он проводит свою жизнь, исследуя как частные, так и государственные учреждения. Он - Ральф Нейдер [Ralph Nader, p.1934, американский адвокат и политический активист левоцентристского толка, выступающий в поддержку прав потребителей, феминизма, гуманитаризма, охраны окружающей среды и демократического правительства] в быстро развивающемся детском бизнесе и говорит: *«Я преследую индустрию ухода за детьми, которая увековечивает себя, обеспечивает рабочие места и политическое влияние. Я преследую те учреждения, которые создают иллюзию лечения, но где жестоко обращаются с детьми и делают на этом большие, очень большие деньги»*.

Вуден знает не понаслышке, когда дело доходило до жестокого обращения.

В детстве ему поставили диагноз «умственно отсталый», заклеймили как неисправимого, и исключили из школы после того, как поощрили терпеть неудачи. Именно Вуден был ответственен за публичное раскрытие информации о том, что в Ориндж-Сити, штат Флорида, в школе Грин-Вэлли эмоционально неуравновешенным детям-правонарушителям вводили их собственную мочу. Детям сказали, что они «морально мертвы», заставили копать могилы и лежать в них всю ночь, заковали в кандалы и пытали электрошоком под названием «лалапалуза», им давали заряженное оружие и приказывали покончить с собой.

Школа, имеющая в 1,2 миллиона долларов денег налогоплательщиков, предназначалась, как и 486 других школ по всей стране, для детей-иждивенцев военнослужащих США. Когда Вуден представил свои выводы Сенату Соединенных Штатов, сенатор Генри Джексон назвал школу Грин-Вэлли учреждением, достойным «Гитлера, Ильзы Кох и Бухенвальда». Действительно, некоторые из приютов в Техасе, разоблаченные Кинаном, были частью сети учреждений, финансируемых Программой гражданского здравоохранения и медицинской помощи Службы в форме (CHAMPUS) по самой высокой ставке, уплачиваемой частному клиенту, что составляло до семидесяти пяти долларов в день на ребенка - не считая дополнительных высоких затрат на психиатрическую помощь - CHAMPUS тратил до 100 млн. долларов в год на психиатрическую помощь, качество которой вызывает сомнения.

Вуден обнаружил гомосексуальные отношения во многих школах, которые он посетил, и Кинан рассказывал обо всех формах сексуального насилия в школах Техаса, в том числе об одном, когда работник запер двух обнаженных детей вместе в комнате, чтобы «понаблюдать» за ними. В комнате находилась только кровать и подборка порнографических журналов.

Вы могли бы, если это было бы возможно, поговорить с мальчиком в окружном центре содержания под стражей на юго-западе, нацарапавшем на стекле своей одиночной камеры: «Таким, как ты, я был когда-то. Таким, как я, ты будешь». После чего он повесился...

Или вы можете опросить любого уличного мальчика, потому что они рядом и доступны в любом крупном городе.

Я нашел одного, в семь тридцать утра на Сорок второй улице, сразу за углом от Таймс-сквер в Нью-Йорке.

В это время дня на Таймс-сквер мало что происходит. Улицы, только что вычищенные шипящим, лязгающим механическим монстром, в то майское утро были почти пустынны. Городские каньоны зевали, просыпаясь под стук шуршащих шин, когда город — неохотно — начал оживать. Туристы еще спали, а закрытые магазины были защищены от ночных бродяг раздвижными жалюзи. Накануне вечером я приехал из Калифорнии. Затем в тот день я должен был встретиться в этом районе с нью-йоркскими полицейскими и членами гей-сообщества, и хотел сделать предварительную оценку местности, по которой нам предстоит пройти. Я услышал чьи-то шаги позади меня, возникшие из ниоткуда; мальчик лет двенадцати, примерно пяти футов ростом, опрятно одетый в штаны двойной вязки и ярко-синюю ветровку.

Ярко-оранжевая шерстяная лыжная шапочка была лихо надвинута на один глаз. С быстрым оценивающим взглядом и обаятельной улыбкой он спросил, который час. На зданиях в округе мигало несколько цифровых часов. Я взглянул на одни и сказал время. Он ухмыльнулся и объяснил: «Я просто хотел понять, не коп ли ты».

Благодаря тому шестому чувству, которое приобретают уличные люди, мальчик решил, что ему ничего не угрожает, и зашагал рядом со мной. Совершенно непринужденно, без умолку болтая, он двигался, как юный боксер, кружась и нанося удары, пока мы говорили о фильмах о карате, которые смотрели.

Его 100-фунтовая фигура влетала в дверные проемы и вылетала из них, когда он пытался произвести на меня впечатление своей ловкостью и выносливостью. В перерывах между ударами он предоставил некоторую информацию о себе - о том, что его дом находится «на окраине города» и что он провел ночь у друга, который живет «в центре города».

Отправив скомканный стаканчик «Дикси» в полет точным ударом ноги, он почти небрежно произнес: «Хочешь немного подурачиться?»

- Что ты имеешь в виду… подурачиться? - спросил я.

Он улыбнулся.

- Разве ты не ищешь молодого парня, чтобы подурачиться?

Я был осторожен.

- Это зависит от того, что ты делаешь и сколько это будет стоить.

Он еще разок пнул попавшийся на тротуаре гидрант и сказал:

- От десяти до пятнадцати баксов… зависит.

- Зависит от чего? - спросил я.

Он развернулся, встал передо мной и вызывающе сказал:

- За пятнадцать баксов я делаю все.

Преображение было почти волшебным. В этот самый момент он превратился из маленького мальчика в маленького, закаленного в уличной среде взрослого, маленького взрослого человека.

Я сменил тему.

- Чего я сейчас хочу, так это позавтракать. А ты?

В одной из забегаловок, расположенных в центре Манхэттена, за яичницей с ветчиной он рассказывал истории о себе, поглощая невероятное количество еды. В первом раунде он заявил, что его отец владеет двумя крупными строительными компаниями. Жизнь дома была хороша, и когда он окончит школу, где у него дела идут «неплохо», он займется бизнесом со своим отцом.

По мере того как он продолжал говорить, его факты начали противоречить друг другу, и поправки следовали за поправками. В окончательной версии его отец не владел строительной компанией. Он водил грузовик строительной компании. Сам мальчик не очень хорошо учился в школе; на самом деле он бросил учебу шесть месяцев назад. Жизнь дома была недостаточно хороша даже для того, чтобы хотеть находиться там. Это была тягостная, одна большая, ноющая неприятность.

Он провел ночь не с другом, а с клиентом. Когда клиент ушел на работу, мальчика снова выставили на улицу.

В каком-то смысле он был немного смущен тем, что ему пришлось столько раз менять свою историю... «что с того, что ты купил мне завтрак и все такое». Но ему безумно нравилось говорить. Ему требовалось поговорить — с кем угодно и о чем угодно. К этому времени женщина-проститутка потребовала бы твердых обязательств, чтобы она могла вернуться на улицу и провернуть еще один трюк. Мальчик настаивал, что занимается хастлерством только тогда, когда нет другой работы. В защиту своей мужественности он перечислил список своих подруг и яркое описание их сексуального мастерства. Когда я расплатился за завтрак, и мы вышли на улицу, он еще раз подчеркнул, что когда он работает, то всегда играет мужскую роль. Он показал большим пальцем в сторону своего зада и строго сказал: «Я никому не позволю войти туда». Обнаружив, что меня не интересует его тело, он почувствовал облегчение и умчался прочь по улице. Когда он ушел, мне пришло в голову, что я даже не спросил его имени.

В течение следующих двух недель я много раз сталкивался с ним на улице. Он всегда нетерпеливо махал рукой и бросался через улицу, петляя в потоке машин, как кролик, чтобы «одолжить» доллар на поход в кино.

В последний день моего пребывания в Нью-Йорке, холодным, ветреным воскресным днем я стоял на Сорок второй улице с «цыплячьим ястребом», который знал каждого малолетнего хастлера на улице. В то или иное время он «забивался» с большинством из них. Стоя через дорогу от «Плейэнда», мы наблюдали, как дети резвятся на фоне постоянного парада взрослых, входящих и выходящих из зала игровых автоматов. Играя на автоматах, они наблюдали за детьми, а дети знали, что за ними наблюдают. Мой проводник подтолкнул меня и прошептал сквозь шум движения, что кто-то собирается снять мальчика.

Рядом с «Плейлэндом» стоял худощавый мужчина лет шестидесяти, похожий на гробовщика, и разговаривал с мальчиком, стоящим спиной к нам, и пристально смотрящим в витрину магазина. Пока они вели переговоры, мой гид сказал:

- Я знаю этого мальчика. Я встречался с ним один раз... но больше никогда, потому что он смутил меня.

Я спросил:

- Что вы имеете в виду… смутил вас? Вы имеете в виду, что он рассказал кому-то о вас?

- Нет, - ответил он. - ... дело не в этом. Его порекомендовал другой мой юный друг, Стив. И Стив оказался прав в одном. Этот ребенок делает в постели всё... и я имею в виду - всё. Но пока он лежал, а я делал всю работу, я услышал странный скулящий звук, как у потерявшегося щенка. Я глянул на него, а у него глаза плотно закрыты. Он сосал палец, как младенец, и издавал эти скулящие звуки. Это полностью выключило меня и оставило такое чувство вины, что я не выходил на улицу три дня.

Когда он закончил свой рассказ, сделка на улице была заключена, и мужчина с мальчиком поспешили под дождем к станции метро. Когда они повернулись, я увидел лицо мальчика, которого встретил в свой первый день в Нью-Йорке. Он меня не заметил.

Мой проводник фыркнул.

- Если вы захотите взять у него интервью, полагаю, что смогу это устроить. Его зовут Джимми. Он из Западной Вирджинии.

Когда-нибудь, может быть, возникнет хорошо информированное,

продуманное и вместе с тем горячее общественное убеждение в том,

что самым смертным из всевозможных грехов является

увечье детской души, ибо такое увечье

подрывает жизненный принцип доверия, без которого

любой человеческий поступок, каким бы он ни казался

хорошим и правильным, склонен к извращению деструктивными

формами сознания.

Эрик Эриксон [Erik Homburger Erikson, 1902-1994, американский психолог в сфере психологии развития и психоаналитик]